

Р.К. Баландин

Мифы революции 1917 года

Москва
«Вече»
2007

ББК 63.3(2)6

Б20

Баландин Р.К.

Б20 Мифы революции 1917 года / Р.К. Баландин. — М. : Вече, 2007. — 352 с. — (Тайны советской эпохи).

ISBN 978-5-9533-2294-2

До сих пор остается загадкой, что же случилось в октябре и ноябре 1917 года. Действительно ли произошла революция, великая и социалистическая, или, как теперь говорят, — трагедия мирового масштаба? Нам, ныне живущим, необходимо в этом разобраться, считает писатель-историк Р.К. Баландин, ведь все то, что свершилось в 1917 году, влияет и на день сегодняшний, во многом определяя будущее нашей страны.

Данная книга открывает новую увлекательную серию издательства «Вече» «Тайны советской эпохи».

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-9533-2294-2

© Баландин Р.К., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Введение

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель
Из чаши их бессмертье пил!

Федор Тютчев

1

Очередной юбилей так называемого Великого Октября требует внимательного и объективного расследования... Да, именно так — расследования, причем предельно объективного. До сих пор остается загадкой, что же произошло тогда, почему и с какими последствиями.

Может показаться, будто никакой загадки нет. События того времени описаны, а также объяснены огромное количество раз. Впрочем, отчасти именно поэтому в нашей стране весь 1917 год овеян мифами. Это относится прежде всего к двум главнейшим периодам, которые принято называть буржуазной и социалистической революциями.

За последние два десятилетия они толкуются чаще всего не так, как ранее в СССР. Особо это касается Великой Октябрьской социалистической революции, победу которой торжественно праздновали несколько десятилетий. Теперь, с высоты (или низости, мнения расходятся) современного политического кру-

гозора, ее считают и не великой, и не социалистической, и даже не революцией. Нередко говорят, что это событие надо называть трагедией мирового масштаба.

Проще всего считать такое расхождение мнений проявлением политической конъюнктуры. Мол, те же самые бывшие товарищи-партийцы, а ныне господа-буржуины, беспринципные «перевертыши», при социализме возносили хвалу Ленину и Октябрю, а теперь при капитализме с тем же остервенением поносят их. Однако в действительности не все так просто.

Оставим в стороне подобную категорию нечистых умом и сердцем. Не станем также придавать большого значения высказываниям врагов СССР. Побуждения тех и других понять нетрудно. Но и без того было немало достойных людей, незаурядных мыслителей, осуждавших Октябрьский переворот, совершенный большевиками в 1917 году. Например, выдающийся ученый и философ, социал-демократ Александр Богданов или знаменитый писатель Максим Горький, которого называли «пролетарским».

Современный честный, умный и компетентный (редчайшее сочетание!) исследователь советской цивилизации С.Г. Кара-Мурза делает радикальный вывод: «По сути, никакой революции в Октябре не было, был просто закреплён факт: Временное правительство иссякло, его власть перетекла к Советам». А Большая Советская энциклопедия (1951) утверждала: «Великая Октябрьская социалистическая революция — великая революция, совершенная рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевистской партии, ее вождей В.И. Ленина и И.В. Сталина».

В Большом энциклопедическом словаре (1998) эта революция лишена определения «Великая» и толкуется как «вооруженное свержение Временного правительства и приход к власти партии большевиков... Существует широкий спектр оценок Октябрьской революции: от национальной катастрофы, приведшей к значительным жертвам и установлению тоталитарной системы, до апологетических утверждений о том, что революция была попыткой создания социализма как демократического строя социальной справедливости».

В изданной также большим тиражом «Хронике человечества» (Германия — РФ, 1996) утверждается: «Октябрьская революция в России знаменовала победу малочисленной партии профессиональных революционеров, которая, используя политические и военные трудности, совершила государственный переворот и открыла себе путь к власти».

Как видим, после расчленения СССР мнения многих зарубежных и отечественных историков и политологов совпали. Не свидетельствует ли это, что наконец-то истина восторжествовала? Хотя непредвзятый и неглупый читатель отметит, что совпадение это произошло на позициях антисоветских, хотя и преподносимых как объективный вывод (якобы вне «апологетических утверждений»).

2

Не миф ли об Октябрьской революции распространялся в советское время? Подобная мифология всегда складывается после победы той или иной политической группировки, а тем более при смене общественной формации. Если бы большевики потерпели поражение, их акцию назвали бы бунтом, мятежом или даже контрреволюцией. Правомерен и второй вопрос: а разве победили только большевики?

Ну а как удалось свергнуть Временное правительство? Откуда взялись немалые финансовые средства у профессиональных революционеров? Правда ли, что их руководство было тайно связано с германским Генштабом? Разве не был Троцкий одним из двух вождей большевиков в период Октября? Не преувеличивалась ли роль Сталина в этих событиях?..

Вопросов возникает немало. Беда не в том, что на них нет ответа. Ответы есть, но они чаще всего диаметрально противоположные. Чтобы доискаться до правды, недостаточно только перевернуть документы того времени и ознакомиться с воспоминаниями участников и свидетелей событий. Противоречивые факты и мнения сохраняются в любом случае.

Есть простейший путь: привести документальные материалы с минимальными комментариями. Мол, решайте сами. Так нередко поступают те, кто претендует на объективное исследование. Но это или заблуждение, или, что значительно хуже, сознательный обман читателя (слушателя, зрителя). Ибо в проблемах, сложных даже для специалистов, разобраться тому, кто плохо знает предмет, практически невозможно.

Обмануть такого человека легко. Достаточно выбрать из противоречивых фактов и мнений те, которые приводят к определенным выводам, хотя и не высказанным напрямик. Читатель, а тем более слушатель будет уверен, что он самостоятельно додумался до них. Кроме того, средства массовой рекламы, агитации и пропаганды (сокращенно — СМРАП), неразрывно связанные с интересами современных правящих групп и политических партий, уже заранее нацеливают всех, кого они обрабатывают, на вполне конкретные выводы.

Нам придется действовать так: приведя различные сведения и сопоставив факты, постараться обосновать свои выводы, не претендуя, безусловно, на выяснение истины в последней инстанции.

Развенчание кумиров — процесс опасный. Одни со сладострастием садистов крушат, изгаживают все то, чему еще недавно поклонялись. У других это вызывает чувство очищения, духовной свободы. Третьи приходят в недоумение и замешательство. А кому-то глумление над тем, что для них было свято, воспринимается как личное оскорбление и унижение.

3

Чтобы сокрушить общественную систему, недостаточно разбить ее армию и подорвать экономику. Материальные опоры — лишь полдела. Другая половина находится в невидимой, духовной сфере. Она-то, возможно, главная. Так человек, лишаясь рассудка и нравственной опоры, теряет свои личностные черты.

То ли по наитию, то ли по здравому рассуждению французы, например, поныне считают свою революцию конца XVIII века Великой, а Наполеона I — чтят и прославляют. Они знают об ужасах той буржуазной революции, о полном поражении своей страны при правлении Наполеона, о бесславной гибели его армии в Российском походе и позорном бегстве их императорско-главнокомандующего.

В нашей стране так не принято. Это относится не только к революционному или нынешнему времени. Такое бывало и при царях. На воздвигнутом в Новгороде в 1862 году памятнике «Тысячелетию России» нашлось место 109 русским деятелям. Но среди них нет Иоанна IV Грозного, хотя именно при нем Россия стала впервые великой державой. Оправдано ли это его невиданными преступлениями? Нет. В Западной Европе правители Франции, Англии, Испании совершили значительно больше злодейств против своих народов. По сравнению с ними наш Иоанн Грозный выглядит едва ли не гуманистом. К тому же он каялся в своих преступлениях, а совершал их во имя создания централизованного самодержавного государства, что позволило царям из династии Романовых стать императорами.

А нужна ли нам правда о Великой Октябрьской революции или, по другой версии, невеликом перевороте, совершенном кучкой заговорщиков? Активные участники этого события — Ленин, Троцкий, Сталин — нередко называли его переворотом. А к их мнению в данном случае приходится прислушиваться все-речь.

Мне кажется, правда об историческом событии такого глобального масштаба просто необходима, особенно для нас, граждан России. И дело не только в том, что этим проясняется наше понимание законов общественного развития и упадка. Речь идет не только о нашем прошлом.

Человек, утративший память, становится инвалидом. Так же и общественный организм, потерявший историческую память или воспринимающий свое прошлое уродливо, утрачивает чувство Родины, духовную самобытность, независимость. Эта психическая аномалия возникает не сама собой, а внедря-

ется в сознание граждан искусственно, с определенными целями и вполне конкретными группами людей в стране или за ее пределами.

...Все то, что свершилось в 1917 году, начиная с крушения самодержавия, влияет и на день сегодняшний, во многом определяя будущее нашей страны. Не просто сами по себе события и их последствия (их особенно важно учитывать), но именно отношение к ним, их непредвзятая оценка.

Мифов о том, что произошло тогда в Петрограде и в России, более десятка. В разных сочетаниях они складываются в странные образы и концепции, которые бытуют в общественном мнении. До сих пор можно услышать и прочесть проклятия в адрес Октябрьской революции и ее деятелей.

Это похоже на интеллектуальную немощь. С таким же успехом можно проклинать катастрофическое извержение вулкана, разрушительное землетрясение или цунами. Такие события, включая революции, происходят в результате сложных процессов, не по желанию отдельных людей или групп, а по неведомой воле высших сил природы и общества.

4

В 1865 году Федор Тютчев писал:

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон,
То не угроза и не дума,
То вялый безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

.....

И вот опять все потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —

Как бы таинственное дело
Решалось там, на высоте.

Глубокий смысл этих строк вскрыл Максимилиан Волошин полвека спустя. Осмысливая события 1917 года, он написал стихотворение «Демоны глухонемые»:

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь душный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы — это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

В частном письме пояснил свою мысль: «Ведь демон, Вы знаете, не непременно бес — это среднее между Богом и человеком; в этом смысле ангелы — демоны и олимпийские боги — тоже демоны... Глухонемота является неизбежным признаком посланничества... Они ведь только уста, через которые вещает Святой Дух». И другое его пояснение: «Тут не только русские бесы, но демоны истории, перекликающиеся поверх формальной ткани событий».

Фантастические образы Тютчева и Волошина помогают понять реальность. Однако на общественное сознание воздействуют совсем иные мифологические туманы, искажающие восприятие событий прошлого. Мы постараемся по мере наших сил и возможностей приподнять эту завесу, созданную преимущественно ложью, отчасти по недомыслию под влиянием эмоций, но преимущественно сознательно и не из добрых намерений.

Простой вопрос: кто и как сверг самодержавие? На первый взгляд сама его постановка не имеет существенного значения. Мол, важен результат. Хотя в действительности ответ на него влечет за собой некоторые следствия, заслуживающие пристального внимания и непосредственно связанные с событиями 25 октября 1917 года в Петрограде.

Понять любое крупное историческое событие можно лишь в перспективе, по тем долгосрочным результатам, которые были им вызваны. В данном случае произошла не только смена власти. Начался крутой поворот российской истории. Сначала грянула Гражданская война, а затем коренная перестройка не только государственной системы, но и всего общественного уклада.

Те силы, которые боролись за власть после падения царизма, вскоре сошлись в жестоком братоубийственном поединке. Он-то и показал, какие интересы отстаивала та и другая сторона, кто оказался сильнее, на чьей стороне была правда, кого поддержало большинство народа и какими стали более отдаленные последствия этой победы.

Почему же так важен вопрос, имеющий совершенно ясный и неоспоримый ответ: кто и как сверг самодержавие? Потому что причины и следствия Октябрьской революции имеют глубокие исторические корни. Они уходят по меньшей мере к периоду, который завершился Февральской революцией (хотя определяются всей многовековой историей государства Российского). Ее принято считать буржуазно-демократической, хотя это мнение, как мы убедимся позже, вызывает серьезные возражения.

Приведу верное суждение крупного отечественного историка и литературоведа В.В. Кожина из книги «Россия. Век XX (1901—1939)»: «Начать уместно с того, что сегодня явно господствует мнение о большевистском перевороте 25 октября (7 ноября) 1917 года как о роковом акте уничтожения Русского государства, который, в свою очередь, привел к многообразным тяжелейшим последствиям, начиная с распада страны. Но это заведомая неправда, хотя о ней вещали и вещают многие влиятельные идеологи. Гибель Русского государства стала необратимым фактом уже 2 (15) марта 1917 года, когда был опубликован

так называемый «приказ № 1». Он исходил от Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Петроградского — по существу Всероссийского — Совета рабочих и солдатских депутатов, где большевики до сентября 1917 года ни в коей мере не играли руководящей роли... Дело шло о полнейшем уничтожении созданной в течение столетий армии — станového хребта государства».

Вот почему нам придется сначала внимательно присмотреться к событиям Февральской революции, обдумать ее смысл и последствия. Без этого рассуждения о том, что и почему произошло в октябре того же года, будут неубедительными. Мифы Октября 1917-го корнями своими уходят в Февраль.

Сразу предупредим: основной текст выстроен по темам, а не в строго хронологическом порядке. Все-таки наша задача — исследование, осмысление некоторых важнейших событий, определивших судьбу нашей Родины (историософия). Отсутствие последовательного рассказа о них отчасти компенсирует хронологическая таблица, приведенная в приложении.

Глава 1

ОКТАБРЬ НАЧАЛСЯ В ФЕВРАЛЕ

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов.
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона.
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!..

Михаил Лермонтов

Крах Российской империи

Принято считать, что в конце февраля 1917 года в России произошла буржуазно-демократическая революция и было свергнуто самодержавие.

Вот и в Большом энциклопедическом словаре (1998) утверждается: «Февральская революция 1917, демократическая революция в России, свергнувшая самодержавие». Хотя, как нам придется убедиться, она царизм не свергла, тем более в указанном месяце.

Не следует думать, что вопрос исчерпывается формальностями. Мол, ну если не в феврале, то в начале марта Николай II отрекся от престола. Но и тут все не так просто, ибо отрекся он от своей личной власти, а вовсе не от самодержавия как такового.

Впрочем, обо всем этом следует поговорить обстоятельно. Для начала вспомним, что определило крах российской монархии.

Одним из важных факторов стала Первая мировая война. После двух лет побед и поражений, к концу 1916 года, моральное состояние солдат и даже офицеров российской армии ухудшилось. Помимо всего прочего, это было связано с недостатками снабжения. Нередко обмундирование и пища были плохими. Все чаще поговаривали, что это неслучайно: на бедствиях армии наживаются многие лихоимцы из окружения друга царской семьи, сибирского попа Григория Распутина.

С подобными подрывными слухами боролись без особого успеха. Они не только распространялись пропагандистами, но и подтверждались немалым числом фактов. К примеру, в некоторые воинские части артиллерийские снаряды поступали порой в ничтожном количестве. Приходилось выдавать их по два-три на орудие. А немцы снарядов не жалели, жестокие обстрелы порой совмещали с газовыми атаками, когда дул западный ветер. К нашему несчастью, он бывал часто.

Со временем снабжение нашей армии стало налаживаться, но было уже поздно: восстановить моральный дух солдат не удалось. Из глубокого тыла, из городов и деревень на фронт приходили тревожные вести. В письмах к офицерам и солдатам действующей армии их родные и близкие жаловались на повышение цен, нехватку промышленных товаров, продуктов. Все чаще бастовали рабочие на крупных предприятиях.

С осени 1915 года Николай II сместил с поста Верховного командующего вооруженными силами великого князя Николая Николаевича, заняв его место. Тем самым он брал на себя ответственность за поражения на фронте, которых становилось немало. Пребывая главным образом в своей могилевской Ставке, он, по слухам, передоверил управление державой царице Александре Федоровне. Она была женщиной властной, не питающей уважения не только к русскому народу, но и к правительству, ненавидевшей Государственную думу. Началась министерская чехарда.

Решительные перемены в руководстве армией и страной происходили в ту пору, когда и без того положение было нестабильным. Внятных объяснений происходящему официальные власти не давали. Написали, что расстроенное здоровье князя Во-

ронцова-Дашкова заставляет его уйти с поста наместника на Кавказе, а вместо него назначается великий князь Николай Николаевич. А по слухам, главным инициатором перемен был Распутин. Он превращался в демоническую фигуру не просто опекуна и целителя царевича Алексея, но и вершителя судеб России. Понятно, людская молва склонна к преувеличениям. Но нет ли в ней немалой доли истины?

Как писал зарубежный историк М.М. Карпович, «являясь твердой последовательницей самодержавия, императрица Александра находилась во власти почти безграничной ненависти к Думе и оппозиции, а мрачный мистицизм сделал ее легкой добычей пользовавшегося дурной славой Распутина, чье влияние на нее стало в этот период наивысшим. Под сильным давлением со стороны императрицы и ее советника Николай II слепо последовал по пути собственного самоуничтожения. Дума... пренебрежительно третировалась и игнорировалась; другие организации вызвали глубокое подозрение. Один за другим наиболее либеральные министры были вытеснены из правительства, заменяясь реакционерами, многие из которых были в целом известны как креатуры Распутина. Среди персонала Кабинета министров происходили необычайно частые изменения, базировавшиеся на причудах власть предержащих; правительственная политика вскоре потеряла даже видимость единства и силы».

На заседании Думы в конце 1916 года один из идеологов кадетов, П.Н. Милюков, гневно обрушился на творимые безобразия. После каждого пункта «обвинения» он задавал риторический вопрос: что это — глупость или измена?

Предполагался, пожалуй, ответ: отчасти глупость, отчасти измена.

Депутат-юрист А.Ф. Керенский от имени партии трудовиков потребовал отставки всех министров, предавших свою страну. Член фракции октябристов С.И. Шидловский обвинил правительство в том, что оно намеренно создает дефицит продуктов питания, вызывая в столице голод, и тем самым провоцирует забастовки и мятежи, чтобы оправдать заключение сепаратного мира с Германией.

Подобные высказывания, запрещенные к печати, распространились в листовках. По всем признакам, для страны наступала трудная пора.

Грозно заканчивался октябрь 1916-го в Петербурге. Два дня бастовали все заводы. Какими были требования рабочих, так никто и не знал. Пролетарии демонстрировали свою силу, сплоченность, решительность. На Выборгской стороне толпа стачечников собралась у автомобильной фабрики «Луи Рено» с криками: «Долой французов! Хватит воевать!» Инженеров и директоров, вышедших на переговоры, закидали камнями. Раздались револьверные выстрелы.

Вызвали полицию, а затем и взвод жандармов. Их оказалось слишком мало, чтобы разогнать толпу. На подмогу привели три-четыре батальона пехотинцев, расквартированных в ближайших казармах. «Стражи порядка» с шашками и револьверами двинулись на рабочих. А солдаты, зарядив ружья, сделали залп... в полицейских и жандармов!

Тем временем подросли казаки и врезались в строй пехотинцев. Началась рукопашная схватка. Солдат удалось загнать в казармы. Это было событие знаменательное: войска стреляли в полицейских. Не так ли начинается революция, о которой не прекращались разговоры?

В конце года последовала отставка с поста председателя царского правительства Б.В. Штюрмера. В российских верхах отношение к нему было неприязненным. Его подозревали в симпатиях к немцам и желании примирения с ними. Вместо него был назначен А.Ф. Трепов, германофоб.

С удивительной быстротой доходили сообщения секретные, предназначенные вроде бы только для царских приближенных. Говорили, что в конце ноября в Могилев к императору прибыл Трепов. Он умолял Николая II назначить вместо А.Д. Протопопова другого министра внутренних дел, способного добросовестно и разумно выполнять нелегкие обязанности охраны общественного порядка в столь ответственный период, чреватый революционными потрясениями.

Император сказал, что следует соблюдать спокойствие, лояльность и облегчать задачу Протопопова. Трепов твердо и по-

чтительно повторил свою просьбу — безрезультатно. Он предложил собственную отставку. Мол, совесть не позволяет ему взять на себя ответственность за власть, пока остается в правительстве Протопопов. В ответ услышал: «Александр Федорович, я приказываю вам исполнять свои обязанности с теми сотрудниками, которых я счел долгом дать вам».

Страна экономически не подготовилась к затяжной войне. Серьезные политические перемены, даже самые прогрессивные, в столь трудный период способны только усугубить ситуацию. Когда требуется напрячь все усилия, добиться победы или достойного мира, сохранить единство общества, целесообразней всего было бы сохранить царское единовластие. Пожалуй, Николай II это понимал. Но тогда зачем он брал на себя прямую ответственность за положение на фронте? Это не вызывало оптимизма и подъема патриотических чувств, а лишь подрывало веру в царскую власть.

Говорили, будто всему виной царица Александра Федоровна с ее властным характером, действующая под влиянием вполне еще молодого «старца» Григория. Даже среди закоренелых сторонников монархии — черносотенцев — раздались голоса, как выразился лидер «Союза русского народа» В.М. Пуришкевич, против «позорящих и губящих Россию темных сил». Какие это силы? Казалось бы, с позиций крайне правых — всяческие демократы. Ан нет! Речь шла о приближенных к царской семье. Пуришкевич, по своему обыкновению, заявил резко и темпераментно:

— Надо, чтобы и впредь недостаточно было рекомендации Распутина для назначения гнуснейших лиц на самые высокие посты. Распутин в настоящее время опаснее, чем был некогда Лжедмитрий... Господа министры! Если вы истинные патриоты, поезжайте в Ставку, бросьтесь к ногам царя, имейте мужество заявить ему, что так не может дольше длиться, что слышен гул народного гнева, что грозит революция и темный мужик не должен дольше управлять Россией!

Это сказано было открыто, гласно, на заседании Думы. Выходит, темные силы группируются вокруг царя? И те, кто яростней других защищали неограниченное самодержавие, вольно или невольно вскрывали его коренные недостатки.

В триаде «православие, самодержавие, народность» религиозная составляющая тоже стала вызывать сомнения. Странной выглядела официальная установка на освобождение Константинополя от мусульман. Одновременная война с Германией и Турцией грозила нам полным разгромом. К тому же вряд ли такие союзники, как Франция и Великобритания, могли позволить России укрепить свои позиции на Черном море с прямым выходом в Средиземное. Этому они препятствовали всегда.

А как же с народностью? Снова встает фигура Распутина. В царской семье почитали его едва ли не как святого и пророка, представителя российской глубинки, простого мужика. Однако в народной среде мнение было прямо противоположное, и его высказал Пуришкевич. Знаменитая триада, на которой, по крайней мере на словах, зижделось государство Российское, рассыпалась в прах.

Страну раздирали противоречия. В военное время важно единение всех сословий и партий. А тут одни призывают к мирному соглашению с Германией, другие — к войне до полной победы, третьи — к прекращению кровопролития без предварительных условий. Их называли германскими агентами. Однако у них имелось немало сторонников не только среди революционеров, но и в народе.

31 декабря Президент Соединенных Штатов Северной Америки Вильсон предложил правительствам воюющих держав сообщить свои взгляды на условия, которые необходимы для мирного соглашения.

Николай II, Верховный главнокомандующий, обратился к сухопутным и морским войскам с манифестом. Там, в частности, говорилось:

«Час мира еще не наступил. Неприятель еще не изгнан из занятых им областей, Россия еще не осуществила задач, поставленных этой войной, то есть овладения Константинополем и проливами, а также восстановления свободной Польши в составе всех ее трех частей...

Мы остаемся непоколебимы в нашей уверенности в победе. Бог благословит оружие наше: он покроет его вечной славой и

даст нам мир, достойный ваших славных подвигов, мои славные войска, такой мир, что будущие поколения благословят вашу святую память».

17 декабря стало известно, что минувшей ночью убили Распутина. Казалось бы, сообщение обнадеживающее. Но и тут поползли зловещие слухи о падении дома Романовых. Еще резче обозначились противоречия между самодержавием и народом.

Стали поговаривать о готовящемся дворцовом перевороте для спасения монархии. Якобы готовится замена слабовольного и утратившего авторитет Николая II более значительным, разумным, последовательным царем (или регентом при малолетнем царевиче). Как выяснилось позже, в этих слухах была немалая доля правды.

Смута

Предреволюционные месяцы 1916—1917 годов в мемуарах современников обычно характеризуются как тревожные, противоречивые, пронизанные ощущением надвигающейся трагедии. Однако не всегда можно определить, когда возникло это ощущение: до или позже февральских событий.

Наша память выборочна и подвержена воздействию эмоций. После того как грянул 1917 год, а затем началась Гражданская война, многие события предшествующего времени стали выглядеть по-иному, осмысливаться по-новому. Вспоминалось преимущественно негативное, соответствующее последующей катастрофе.

Имеются и более или менее объективные свидетельства настроений, господствовавших в то время. Отчасти они запечатлены в периодической печати и дневниках. Судя по ним, в стране наступил смутный период.

Газеты пестрели тревожными сообщениями о несчастных случаях, распространении наркомании (тогда популярным был кокаин), пожарах, убийствах, грабежах, забастовках. В конце ноября 1916-го «Петроградский листок» писал: «Надвигается

несуразица. Пустыми, непонятными страхами пугает. Чьи-то рожи в сумерках корчатся, мерещатся».

Шла война, отдельные победы сменялись поражениями, но ничего окончательно не прояснялось. Трудно было понять, за что идут бои, в которых тысячами ежедневно гибнут люди. При постоянной смене министров и премьеров терялась вера в царя и правительство. Власть демонстрировала свою беспомощность и растерянность. Совет министров стали называть «кувырк-коллегией». Ползли слухи об измене в высшем руководстве...

То, что Распутин — кумир царской семьи — выходец «из низов», оскорбляло и возмущало аристократию (кроме очарованных им экзальтированных дам). Но и в народе верховенство Григория Распутина над царем и царицей воспринималось болезненно и скептически. То, что придворные могли толковать как сближение царя с простым народом, в народе понималось как унижение царской власти.

Война не столько не объединила все социальные слои перед лицом общего врага, сколько еще больше разобщила: одним принесла беды и страдания, для других стала выгодным предприятием.

Но и до войны экономически укреплявшаяся Россия испытывала мучительный идейный разброд. Впрочем, это касалось всей западной цивилизации. Бурлили глубинные процессы в народных массах. Невозможно было понять, что происходит, но ощущались предвестники социальных бурь.

Смятение душ и падение нравов остро подметил Саша Черный:

Разорваны по листику
Программы и брошюры,
То в ханжество, то в мистику
Нагие прячем шкуры.

Славься, чистое искусство
С грязным салом половым!
В нем лишь черпать мысль и чувства
Нам — ни мертвым, ни живым.

Внедрение капиталистических отношений, появление «де-нежной аристократии», лишенной высоких идеалов и даже внешнего благородства, подрывали традиционные устои российского общества. Духовная немочь поразила не только простых обывателей, но и значительную часть «творческой» интеллигенции, удивительно бесплодной на подлинные произведения искусства и литературы.

Была ли камнем преткновения и первопричиной всех бедствий и переворотов только война, не популярная в народе? Вряд ли. Хотя пропаганда военных действий велась менее убедительно, чем агитация пацифистов. Вот, например, «патриотическое» откровение Федора Сологуба:

И наши станут шире дали,
И средиземный гул войны,
О чем так долго мы мечтали,
О чем нам снились только сны.

Тут странно выглядит «мы». Кто имеется в виду? Загадка. Входит ли в это «мы» русский народ? Нет, пожалуй. О войне, тем более захватнической, он не мечтал. Зачем ему ценой своих жертв и страданий расширять российские дали — и без того неоглядные?!

Безверие и пустословие представил Саша Черный как следствие разочарования в высоких идеалах, отсутствия цели в жизни и упадка воли:

Вечная память прекрасным и звучным словам!
Вечная память дешевым и искренним позам!
Страшно дрожать по своим беспартийным углам
Крылья спалившим стрекозам!

На таком грязно-сером фоне особенно ярко выделялись те, у кого были твердые убеждения, кто выдвигал и поддерживал партийные программы, предполагающие радикальные преобразования общества во имя светлого будущего. Вера в будущее порой мешала им хорошо понимать настоящее и тем более прошлое. Но у них были ясные цели, хотя и фантастические.

Упадническими или революционными настроениями было затронуто не все общество. Предположим, на сто растерянных и жалких обывателей, о которых писали авторы «Нового Сатирикона», Саша Черный, был десяток целенаправленных и убежденных в верности своих идеалов. В таком случае именно этой небольшой активнейшей и целеустремленной части суждено было направлять общественные процессы.

Мировая война на некоторое время приглушила революционные страсти. Однако чем дольше она продолжалась — без заметных успехов, хотя и без больших поражений, — тем менее популярной, а затем и ненавистной становилась. В стране ощущался хлебный кризис (вызванный главным образом перебоями в снабжении), шла продажа товаров по купонам, повышались цены. У продовольственных магазинов выстраивались огромные «хвосты», очереди.

Трудности испытывал народ. Они вовсе не затронули наиболее обеспеченные слои населения. «В этом году, — писал в конце 1916-го «Петроградский листок», — наш тыл остался без хлеба и мяса, но с шампанским и бриллиантами... Рабочие, отдавая труд и здоровье отечеству, не находят, чем утолить голод, их жены и дети проводят дни и ночи на грязных мостовых из-за куска мяса и хлеба, и в то же время взяточники... блистая безумными нарядами, оскорбляют гражданское чувство пиром во время чумы».

Писательница Тэффи перечислила в фельетоне наиболее часто встречающиеся существительные с глаголами. Среди них были: «Общество возмущается. Министерство сменяется. Отечество продают. Редактора сажают. Дороговизна растет. Цены вздувают. На печать накладывают печать. Рабочий класс требует. Пролетарии выступают. Власти бездействуют».

Всегда граждане воюющей страны испытывают материальные затруднения, вынуждены переживать определенные лишения. Естественна строгая цензура. Приходится терпеть тяготы военного времени. А русский народ, как известно, один из наиболее терпеливых на свете. Почему же тогда «общество возмущается»? Да ведь — «Отечество продают»! Спекулянты наживаются.

Петроградские «Биржевые ведомости» в начале февраля 1917 года писали: «Сотни, тысячи, а иногда и десятки тысяч рублей щедро швыряются к столу аукциониста». «В течение нескольких месяцев народились миллионеры, заработавшие деньги на поставках, биржевой игре, спекуляции... Пышно разодетые дамы, биржевики, внезапно разбогатевшие зубные врачи и торговцы аспирином и гвоздями». «Несмотря на высокие цены, которые продолжают непрерывно расти, спрос на старинную мебель, фарфор, картины, бронзу и т.д. продолжает повышаться».

Столичный журналист Н. Брешко-Брешковский сообщал в «Петроградском листке»: «появились новые “ценители искусства” и покупатели художественных ценностей от биржи, от банков, от нефти, от марли, от железа, от цинка, от всяких других не менее выгодных поставок. Лысые, откормленные, упитанные, с профилями хищников и сатиров, ходят они по выставке, приобретая не картину, не ту или иную хорошую вещь, а то или другое модное имя... не жалеют чересчур легко доставшихся денег и закупают картины целыми партиями».

Царская Россия уходила в небытие под грохот снарядов и оружейные залпы на фронте, гневные разговоры в очередях, громкие лозунги на митингах и звон бокалов в салонах и дворцах. Россия распадалась изнутри, ее извечные опоры порядком прогнили. Именно поэтому Февральская буржуазно-демократическая революция (определение официальное, которое мы еще обсудим) свершилась без острых конфликтов. Верховная власть пала без вооруженных столкновений и гражданской войны, без дворцового переворота, под гул огромных митингов, демонстраций и под редкие выстрелы.

Обнаружилась необычайная слабость и малая популярность царской власти. Вряд ли тому виной была успешная агитация революционеров. Ведь и официальная пропаганда не дремала, не молчали и ярые приверженцы царя — черносотенцы. Правда, контрреволюционная деятельность последних осуществлялась нерешительно, без энтузиазма и, отметим, без того террора, который культивировали некоторые революционные партии.

Стали привычными сообщения о террористических актах против крупных правительственных чиновников, губернаторов.

Трудно было понять цели таких акций. На кого они были рассчитаны? Запугать существующую власть они не могли. Убийства вовсе не увеличивали популярности террористов среди населения. Скорее — наоборот, вызывали опаску, неприязнь, возмущение. Результат: общая смута, дестабилизация общества.

В сентябре 1916 года на пост управляющего Министерством внутренних дел царь назначил креатуру Распутина — А.Д. Протопопова. Как было написано в учебнике «История СССР» для высшей школы (1981), он «явно тяготел к наиболее хищническим кругам монополистической буржуазии и помещиков. Он объявил себя противником твердых цен, запрета вывоза продовольствия, реквизиций, секвестров и т.п., стеснений частной инициативы и предпринимательства».

Подобные «либерально-экономические» меры, предоставляющие возможность наживаться частным лицам вне интересов всего общества, в трудный для страны период были губительны. В стране обострился продовольственный кризис. В некоторых периодических изданиях Протопопова стали клеймить как германофила, нарочно вызывающего народное недовольство и волнения для заключения сепаратного мира с Германией. А во главе правительства стоял Б.В. Штюрмер, которого с большим основанием, чем Протопопова, можно было подозревать в симпатиях к Германии.

За продолжение войны непоколебимо стояли прежде всего те, кто ориентировался на политику и государственное устройство Англии и Франции, а также, естественно, послы и агенты этих стран. Они опасались, что царь может решиться на сепаратный мир с Германией.

Возможно, такое мирное соглашение спасло бы Российскую империю, не допустив ни Февральской, ни Октябрьской революций. Конечно, это приходится утверждать сугубо умозрительно. Но, судя по тому, что происходило в последующие месяцы, такой вывод представляется весьма вероятным. Впрочем, если бы да кабы...

Существует мнение, что Николай II пал жертвой тайного заговора, направленного на свержение самодержавия. «Действительно, — как пишут авторы упомянутого выше учебника, — в

буржуазных оппозиционных кругах разрабатывались всевозможные планы дворцового переворота, но практически, как признавал один из самых активных заговорщиков А.И. Гучков, мало что было сделано. Среди участников заговора не было единодушия. Они все время колебались, опасаясь, что насильственное отречение Николая II явится сигналом к выступлению “улицы”. Боязнь народа сковывала их действия. Часть буржуазных лидеров вообще отвергала идею дворцового переворота. По убеждению Родзянко, такая “авантюра” привела бы к “смуте”. Заговорщики, отмечал он, лишь грозили за спиной царя переворотом, но никакой подготовки к нему не вели. Недаром Ленин интерпретировал заговор буржуазии как стремление “только” сместить или даже “попугать” Николая II, “оставив неприкосновенною старую государственную машину, полицию, армию, чиновничество”. Тактика “прогрессивного блока” в канун революции сводилась к новым попыткам вразумить царя, заставить его согласиться на перемены в правительстве и назначить приемлемых для Думы министров...

Буржуазия и царизм бились в неразрешимых противоречиях и не могли обходиться друг без друга: их объединял панический страх перед надвигающейся революцией».

Первые раскаты грома надвигающейся революционной грозы грянули 9 января 1917 года (в очередную годовщину Кровавого воскресенья 1905 года). В Петрограде, по официальным данным, число бастующих превысило 140 тысяч человек. Стачки и демонстрации состоялись также в Москве, Харькове, Баку. Следующие крупные забастовки и демонстрации рабочих произошли в Петербурге 23 февраля. Через два дня забастовка стала всеобщей. В казармах агитаторы убеждали солдат не выступать против рабочих.

Командующий Петроградским военным округом генерал С.С. Хабалов получил вечером 25 февраля приказ царя «завтра прекратить в столице беспорядки». Охранка стала производить массовые обыски и аресты. Войсковым начальникам было приказано открывать огонь по демонстрантам. На следующий день выступления рабочих действительно были подавлены силой; были убитые и раненые.

В ночь на 27 февраля учебная команда лейб-гвардии Волынского полка перешла на сторону народа. Прибывший утром в казармы начальник команды пытался угрозами вынудить их подчиняться, но был убит солдатами. Офицеры разбежались. К вышедшим на улицу революционным солдатам присоединились части Преображенского и Литовского полков, саперы. Через Литейный мост все они двинулись на Выборгскую сторону, где проходили митинги рабочих. Затем объединенные революционные колонны двинулись к центру столицы...

Монархия, изжившая себя

Можно было бы считать первой буржуазной (или предбуржуазной?) революцией в России отмену крепостного права в 1862 году по указу Александра II? Вряд ли.

Акция, проведенная по воле правителя, даже если она предполагает существенные изменения общественного устройства, может считаться революционной только условно. Самодержавие сохранялось. Да и обретишь ли свободу по воле своего господина? Освобожденный на определенных условиях и с оговорками раб порой оказывается в тяжелой экономической кабале.

Чаще высказывается и обычно присутствует в учебниках другое утверждение: первая буржуазно-демократическая революция произошла в 1905 году. Но и такое мнение по меньшей мере спорно. Называть подобные, далеко не повсеместные выступления трудящихся революцией вряд ли допустимо. Это было вооруженное восстание, и только.

Революция в отличие от мятежа, беспорядков предполагает изменение существующего государственного устройства. Вот и события 1905 года были лишь прелюдией Февраля и Октября 1917-го. Самодержавие устояло, а позже на некоторое время даже укрепилось. Социальный кризис завершился благоприятно для правящих классов.

Есть все основания полагать, что первая буржуазная революция в России произошла в феврале 1917 года. Именно после

этих событий рухнуло самодержавие и к власти пришло буржуазно-демократическое Временное правительство... Впрочем, было не так все просто, и об этом — речь впереди.

Подчеркнем принципиально важный факт: после Февральской революции царь Николай II, добровольно-принудительно отрекшийся от престола, со своей семьей был взят под домашний арест.

Вот постановление Временного правительства от 7 марта об аресте Николая II, опубликованное в газетах на следующий день:

«I. Признать отреченных императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село.

II. Поручить генерал-адъютанту Алексееву для охраны отрекшегося императора предоставить наряд в распоряжение командированных в г. Могилев членов Государственной думы Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина.

III. Обязать членов Государственной думы, командируемых для сопровождения отрекшегося императора из г. Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполненном ими поручении.

IV. Опубликовать настоящее постановление».

Членов царской семьи лишили свободы, запретив покидать Россию, вовсе не большевики, а именно представители буржуазно-демократического правительства. Конкретным исполнителем стал генерал Л.Г. Корнилов, в последующем один из руководителей Белого движения. Это можно даже считать проявлением гуманизма: царя и его супругу оставили в живых. Ведь в результате буржуазных революций в Англии и Франции монархов казнили.

Что касается большевиков, которым подчас малосведущие люди приписывают свержение самодержавия, приходится констатировать очевидный и никем не оспоренный факт: их роль в событиях февраля 1917-го была весьма скромной, если не ничтожной.

Почему же в сознании многих современных россиян свержение царизма приписывается Ленину и его соратникам? По-видимому, сказалось влияние официальной пропаганды, воз-

величивающей значение прихода к власти большевиков. При горбачевской «перестройке», когда смута в головах сограждан подошла к критическому рубежу, мне доводилось слышать, что во всем виноваты тайные заговорщики жидо-масоны, они же — большевики и губители исконной России. Такой вот компот из отходов интеллектуальной деятельности возник в головах под воздействием СМРАП.

Надо твердо усвоить непреложный факт: царизм окончательно пал в конце февраля — начале марта 1917 года. Какие силы способствовали его крушению? Прежде всего и, пожалуй, в наибольшей степени — внутренняя и внешняя политика царя Николая II и его правительства.

Безусловно, революционное брожение в стране началось значительно раньше и не без влияния Великой французской революции. Если не считать стихийных народных выступлений Степана Разина и Емельяна Пугачева, первыми революционерами явились дворяне — декабристы. Затем разночинцы и дворяне организовали революционные группы и организации народников и анархистов, а чуть позже — сторонников «Народной воли» и «Черного передела». Следом образовались партии социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов, которые разделились на так называемых большевиков и меньшевиков.

Такова кратчайшая история «подрывных» организаций в России. В их среде выделились профессиональные революционеры. Но не следует чрезмерно преувеличивать их силу и влияние, словно им удалось совершить такие грандиозные общественные явления, как Февральская и Октябрьская революции. У антисоветчиков наблюдается в этой связи какое-то мистическое отношение к ним. Их представляют едва ли не демонами или бесами, взбудоражившими умильно патриархальное, смиренно православное российское общество и учинившими невиданную смуту.

Не стоило бы и упоминать о таких нелепых суждениях, но ведь они характерны для многих нынешних антисоветчиков, считающих себя патриотами. Вспомним: «Россия, которую мы потеряли» была слащаво и фальшиво показана известным режиссером, а ныне депутатом Думы РФ Сергеем Говорухиным. Ни

он, ни прочие воспеватели царского времени не жили тогда. Они ухитрились забыть то, о чем свидетельствовали крупнейшие писатели, публицисты, философы России — свидетели тех десятилетий.

Великий ученый и мыслитель Владимир Иванович Вернадский (до революций 1917 года он был одним из видных деятелей кадетской партии) записал в своем дневнике 16 августа 1924 года:

«Среди белой молодежи, не видевшей старого режима, происходит его идеализация. Им кажется, что во главе власти стояли люди, бывшие морально и умственно головой выше окружающего... И передо мной промелькнул Государственный совет, где я мог наблюдать отбор “лучших” людей власти.

Внешность была блестящей. Чудный Мариинский дворец, чувство старых традиций во всем строе обихода, вплоть до дворецких, разносивших булочки, кофе, чай, на которые набрасывались, как звери, выборные и назначенные члены Государственного совета.

Несомненно, среди них были люди с именами и с большим внутренним содержанием — такие, как Витте, Кони, Ковалевский, Таганцев и др. Но не они задавали тон. Не было тех традиций у сановников, здесь собравшихся, какие были в такой красивой форме у дворецких — не было ни *esprit de corps*, ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни идеи государственности. В общем, ничтожная и серая жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума... И это отсутствие содержания сказалось в грозный час.

Помню один разговор с Д.Д. Гриммом, когда мы возвращались из заседания [Госсовета]. Ему больше нас, обычных членов оппозиции, пришлось сталкиваться лично с членами Совета. Он был совершенно потрясен циничным нигилизмом этих людей, которые были готовы пожертвовать всем для того, чтобы “устроить” своих детей, получить лишние деньги... их помыслы все были направлены главным образом в эту сторону.

...Сейчас ничего не знающая молодежь идеализирует царских министров — точно так же, как многие... искажают истину в своей фантастической реабилитации Николая II. И эти мини-

стры последних лет да и раньше — Горемыкин, князь Н. Голицын, Протопопов, Щегловитов... Какой ужасный подбор!.. безумие многих — думать, что старое может вернуться».

Может быть, Владимир Иванович был слишком строг и субъективен? Мысль ученого имеет свою специфику и подчас отстранена от «мелочей жизни», склонна рассматривать все с теоретических позиций. Писатель несравненно ближе к реальной жизни общества, населения.

В таком случае, обратимся к свидетельству известного писателя и незаурядного мыслителя Василия Розанова. К революциям он относился неприязненно. На свержение царизма отзывался так:

«Эта мышка, грызшая нашу монархию, изгрызшая весь смысл ее, — была бюрократия. “Старое, затхлое чиновничество”. Которое ничего не умело делать и всем мешало делать. Само не жило и всем мешало жить.

Тухлятина.

Протухла. И увлекла в падение свое и монархию».

Конечно, ссылка на бюрократию вряд ли убедительна. Без чиновников не обходится ни одно государство. Вопрос лишь в том, кто и как их контролирует, какая главная цель их деятельности.

«А все началось уличными мелочами, — продолжает Розанов. — Но, поистине, в столице все важно. Столица — мозг страны, ее сердце и душа. “Если тут маленькая закупорка сосуда — весь организм может погибнуть”. Можно сказать, безопаснее восстание всего Кавказа... Бунтовала Польша — монархия даже не шелохнулась. Но вдруг стало недоставать хлеба в Петрограде, образовались “хвосты около хлебных лавок”. И из “хвостов” первоначально и первообразно — полетел весь образ правления к черту. С министерствами, министрами, с главнокомандующими, с самим царем — все полетело прахом. И полетело так легко-легко. Легкость-то полета, нетрудность напряжения — и вскружила всем головы. Это более всего всех поразило».

Но чему тут удивляться? Перезревший, подгнивший плод падает сам. Нет надобности его срывать. Напрашивается вывод: стало быть, не в одной бюрократии тут дело. Ведь за отречение Николая II выступило, в частности, высшее военное командование.

Розанов, писавший под именем «Обыватель» и отчасти вошедший в этот образ, спутал повод к революционным демонстрациям (хлебные очереди, «хвосты») с причинами. Сам же назвал главной причиной бездарное чиновничество. Хотя было бы точнее обвинять весь духовно прогнивший государственный аппарат Российской империи. А это — ствол, опора страны. Когда ствол прогнил или, как говорят, трухляв, даже могучее трехсотлетнее дерево обречено.

Завершил Обыватель свою статью так: «И вот странная мысль у меня скользит. Собственно, за XIX век, со времен декабристов, Россия была вся революционна, литература была только революционна. Русские были самые чистые социалисты-энтузиасты. И, конечно, падала монархия весь этот век, и только в феврале это кончилось.

И странная мысль с этим концом у меня сплетается. Что, в сущности, кончается и социализм в России. Он был преддверием мести, он был результатом мести, он был орудием мести. Но, свершив все, что нужно, он сейчас или завтра уже начнет умирать. Умирать столь же неодолимо, как доселе неодолимо рос. И Россия действительно вошла в совершенно новый цвет. Не бойтесь и не страшитесь, други, сегодняшнего дня».

Мрачное пророчество — все страшное еще впереди — вскоре оправдалось, когда началась Гражданская война. Однако окончания социализма не произошло. Вышло даже наоборот.

В тот период было неясно, какой цвет вскоре будет преобладать в России. Черный ли флаг анархистов или красный — большевиков? Или трехцветный, подобный флагу Французской буржуазной революции?

Главный вопрос стоял иначе. Сохранится ли страна при отсутствии твердой власти? Временное правительство почти не контролировало ситуацию. Многое определяла позиция Центрального исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Ходили упорные слухи, что и в правительстве, и в Совете главную роль играют масоны. А на улицах Петрограда появилось обилие празднично шатающихся или митингующих солдат и матросов. Своим поведением они демонстрировали желание лужить семечки в столице, а не сражаться на фронте или работать.

Разве во всем этом разумно обвинять только русского законченного бюрократа?!

Иначе обрисовал сложившуюся к тому времени ситуацию коммунист и активный участник событий А.Г. Шляпников: «Легкая нажива и грабеж объединяли банкира еврея Рубинштейна с отъявленным черносотенцем и погромщиком попом Питиримом, взяточника Манасевича-Мануйлова с главой Совета министров Штюрмером, а все вместе они находили приют и защиту у придворного пророка Распутина».

Итак, почти бескровная победа Февральской революции (в резком отличии от буржуазно-демократических революций в Западной Европе) была предопределена слабостью и разложением царской власти. Но не только этим. В стране были достаточно влиятельные группы, социальные слои, партии, которые воспользовались слабостью существующего режима и неспособностью Николая II руководить страной в столь трудный период.

Какие же были эти партии, тайные организации, группы и конкретные личности? Об этом проще всего судить по тому, кто получил возможность реально и формально руководить страной, кто воспользовался падением царизма, взяв власть в свои руки. Среди них были и позже возглавившие Белое движение: Шувальгин, Деникин, Корнилов, Колчак и пр.

С министрами Временного правительства постоянно общались компетентные правительственные лица Франции и Англии. Нет никаких сомнений, что Временное правительство стремилось придерживаться курса, заявленного еще в марте: «Свято хранить связывающие нас с другими державами союзы».

Может быть, этому препятствует Петроградский Совет? Однако и он в манифесте «К народам всего мира» высказался вполне определенно: «Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой». Так полагала и значительная часть большевиков.

Ситуация резко изменилась после приезда в апреле в Петербург из эмиграции лидера большевиков Ульянова-Ленина. Он провозгласил: «Никакой уступки революционному оборончеству!» То есть необходимо добиваться мира. И второй лозунг: следует от буржуазной революции перейти к социалистической.

В смелости ему нельзя было отказать. Неужели у него, лидера одной из фракций социал-демократической партии, больше власти и авторитета, чем у правительства, Совета и всех других партий?!

Никакой особой власти у Ленина не было. Его авторитет не распространяется дальше его единомышленников или, можно даже сказать, сообщников. Распространялись слухи, будто у них имеется немало денег, полученных от немецкого Генштаба. Мол, благодаря этому они ведут активную пропаганду среди солдат и печатают разные прокламации. Но если прикинуть хотя бы приблизительно, какими были их расходы, то получатся весьма скромная сумма.

Надо учесть: агитацию вели не только большевики, но также их многочисленные противники. Проводились демонстрации с лозунгами доверия Временному правительству и призывами «Долой Ленина!». Об этом же писали газеты, призывающие к решительным действиям против этого, как они называли, германского агента, вернувшегося в Россию со своими сообщниками в пломбированном вагоне.

Парадоксальным образом, чем чаще и громче кричали «Долой Ленина!», тем быстрее росла его популярность. Это было подобно славе Герострата, которого помнили только потому, что его постоянно проклинали. Но главное, пожалуй, не в этом. Ленин владел искусством убеждать; его лозунги находили все больше сторонников. Большинство солдат и матросов не желало воевать, а Временное правительство не обрело популярности у населения.

Кому это выгодно?

Такой вопрос следует задавать не только в экономике, но и в политике. Дело не только в том, кто оказался непосредственно на вершине власти. Они чаще всего не более чем ставленники других социальных сил, скрытых от поверхностного взгляда.

Кто претендовал на власть в период самодержавия?

Простейший ответ: революционеры, социалисты, сторонники марксизма (об анархистах речи нет, ибо они были противниками любой государственной власти).

Ссылки на марксистов в данном случае некорректны. По классической теории Карла Маркса, общественное развитие происходит по ступеням прогресса. От дикости — к варварству, от рабовладельческого строя к феодальному, а от него — к капитализму. Буржуазная революция знаменует именно последнюю ступень.

Неизбежен и следующий шаг прогрессивного развития: к социализму, который неумолимо переходит в коммунистический... рай, пожалуй. Он в чем-то подобен первобытному безвластному райскому существованию древних племен. В отличие от Страшного суда, воспетого в Апокалипсисе святого Иоанна Богослова, это — счастливый финал человечества.

Иоанн Богослов ссылался на откровение, данное свыше. Карл Маркс полагал, что делает научно обоснованный вывод. Действительно, вывод был обоснован логически, исходил из анализа исторических событий и текущей ситуации середины XIX века. Хотя уже через несколько десятилетий он устарел и нуждался в уточнениях, дополнениях, изменениях.

Правоверному марксисту (им был, в частности, Георгий Плеханов) было ясно: к приходу социализма общество должно «созреть». Капитализм достигнет расцвета, затем начнется череда кризисов, вызванных, в частности, стихийным развитием производства. Критическая ситуация разрешится социалистической революцией. Пролетариат, как наиболее организованная общественная сила, под руководством своей партии возьмет власть.

Таков простейший пересказ. Теория имеет солидное обоснование... Вновь уточним: умозрительное, ибо о будущем общества следовало бы судить с оговорками и вероятностно. Исторический процесс не предопределен, подобно движению по железнодорожному пути. Но многие марксисты воспринимали учение Карла Маркса как религиозное откровение. Вместо научного анализа и сомнений — безоглядная вера.

Из марксистов только «отступники» могли пренебречь выводами Маркса, превратившимися в символ веры. Таким ере-

тиком отчасти стал — в значительной степени по стечению обстоятельств — Владимир Ленин. Но и он далеко не сразу понял, что в России при его жизни может свершиться социалистическая революция.

В январе 1917 года, за полтора месяца до падения самодержавия, он произнес на выступлении в Швейцарии: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Ему было 46 лет.

Да, большевики стремились к государственному перевороту, содействовали ему, были бы не прочь его возглавить, но в тот момент не могли этого сделать, упустив свой шанс. Ленин со своими соратниками появился в Петербурге через месяц после отречения императора Николая II и отказа его брата Михаила от трона.

Смены самодержавия конституционной монархией или буржуазно-демократической республикой добивались прежде всего конституционные демократы, или «Партия народной свободы». Магистральный путь к прогрессу они видели в установлении государственной системы, подобной английской или, в крайнем случае, французской. Свержение самодержавия входило в их политическую программу. Но как сторонники продолжения войны с Германии они понимали, что не следует торопиться, отвергая монархию.

В конце марта 1917 года В.И. Ленин писал: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для **смещения** Николая Романова».

Вряд ли в «смещении Николая Романова» сыграло решающую роль вмешательство Англии и Франции вкупе с упомянутыми «заговорщиками». Более обоснованным выглядит мнение, высказанное, в частности, английским советологом Эдвардом Карром:

«Февральская революция... была стихийным взрывом недовольства масс, доведенных до отчаяния лишениями войны и яв-

ной несправедливостью в распределении жизненных тягот. Она была восторженно встречена и использована широкими слоями буржуазии и чиновничества, потерявших веру в систему самодержавного управления и особенно в самого царя и его советников. Первое Временное правительство состояло именно из представителей этой части населения. Революционные партии не участвовали непосредственно в осуществлении революции. Они не ожидали ее и вначале были поражены».

Население России не довели до отчаяния лишения войны. Как говорится, бывали времена и похуже. Подрывало моральный дух народа осознание глубокой несправедливости происходящего. Для немногих война была средством наживы, для подавляющего большинства — источником бед и лишений. Смысл и цели войны были для народа туманны.

Против самодержавного строя выступали по разным причинам или с некоторыми оговорками почти все политические партии. Провал реформ П.А. Столыпина сказался на российском обществе, в частности, на крестьянстве так, что историк и социолог С.Г. Кара-Мурза обоснованно назвал его «отцом русской революции».

Опоры царского трона не только прогнили. Они расшатывались теми, кто был призван их укреплять, но погрязли в интригах, не обретя единства и решимости даже в столь трудный период истории страны. В такое время требуется напряжение всех сил и умение правительства вести тонкие политические маневры, нейтрализующие действия оппозиции, раскалывающие ее на противоборствующие группировки. А они объединялись в своих выступлениях против самодержавия.

«В высших сферах власти, — пишет С.Г. Кара-Мурза, — сложилось два заговора: придворная камарилья искала выход в ужесточении репрессивных мер, чтобы подавить не только революционное движение, но и оппозицию буржуазии. Были значительно увеличены штаты полиции (по 1 городскому на 400 жителей), полиция в городах была вооружена пулеметами. Другой заговор соединил часть думской оппозиции и генералитета. Здесь искали варианты дворцового переворота. Этому заговору сочувствовали некоторые сановники и даже родствен-

ники царя... Они организовали убийство Распутина. Налицо был полный развал власти».

Выходит, дни пребывания Николая II на троне были сочтены. В его свержении были заинтересованы крупные силы, а поддержка была слишком слабой. Но это касалось по большей части его лично вкупе с царицей, которую не слишком-то жаловали в народе и Думе.

Убийство Распутина не улучшило их положения. До этого момента многие беды сваливали на него. Но после его «ухода» ничего не изменилось к лучшему. Теперь главным виновником ошибок и неприятностей стали считать царя и царицу.

Миф о Февральской буржуазной революции

В конце февраля — начале марта 1917 года в России произошел парадоксальный переворот, возможно, единственный в своем роде.

Кто его совершил? Не революционеры. Они полвека расшатывали устои самодержавия, но не предусмотрели быстрого его падения и не воспользовались этим. Не буржуазные партии, соединившиеся в так называемый Прогрессивный блок. Их представители вынудили Николая II отречься от престола тогда, когда он фактически лишился власти, и желали установить конституционную монархию с малолетним царем Алексеем Николаевичем при регенте — великом князе Михаиле. Не пресловутые тайные агенты международного сионизма, империализма и капитала — жидо-масоны (о них речь впереди); такие группы способны лишь на дворцовый переворот, но не на революцию, сотрясающую основы государства.

Сразу после роспуска Государственной думы, 26 февраля, М.В. Родзянко отправил тревожную телеграмму в Ставку Николаю II:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в

полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

Кто бы ни подготавливал это событие в исторической ретроспективе, а произошло оно стихийно — как проявление анархии. Но не на основе теоретических положений М.А. Бакунина или П.А. Кропоткина и под чьим-то конкретным руководством. Февральский переворот был результатом стихийной воли народных масс.

Кто от этого выгадал? На небольшой период — представители либерально-демократических буржуазных партий. Однако не только в экономике, но и в политике (не говоря уже о частной жизни или об азартных играх) кратковременная выгода нередко оборачивается огромными потерями и банкротством в отдаленный период. И наоборот: первоначальный проигрыш может стать залогом окончательной победы.

Стихийная волна февральских манифестаций смела царизм и вознесла на вершину власти в России «прогрессистов» разного толка. Обретшие немалый авторитет, представители буржуазных партий воспользовались сложившейся ситуацией. Их кажущаяся победа определила и наиболее частое и неверное название: буржуазно-демократическая революция. Хотя в действительности произошло добровольное отречение царя и установилось двоевластие, ибо важнейшую роль сыграл в обстановке относительной анархии Совет рабочих и солдатских депутатов.

Произошли поистине революционные преобразования, но без организованного насилия, которое сопровождает революцию. Условно можно, конечно, считать это революцией. Но была ли она буржуазной? Судя по многим признакам — нет.

Ее так называли с позиций канонического марксизма, из широко распространенного убеждения (заблуждения?) тех, кто верит в постоянный общественный прогресс. Согласно такой концепции, должен существовать непрерывный буржуазно-демократический этап развития, предшествующий социализму.

А реальный опыт истории показал, что социализм по сути своей ближе к феодально-самодержавному, а не к капиталистическому буржуазному строю. Это определило его достоинства, особенно в критических ситуациях.

Впрочем, столь нетривиальную тему мы обсудим особо. Сейчас речь идет о другом. Повторю: есть все основания считать, что в России в конце февраля 1917 года произошла стихийная **анархическая** революция. Лишь после этого, не в феврале, а в марте последовало формальное отречение Николая II в пользу своего младшего брата. Такой была его личная воля. Он надеялся, что такой акт позволит избежать революционных потрясений.

Не было насильственного свержения самодержавия. Никакие партии в то время не организовывали революцию, не стремились к ней. Никто не собирался свергать существующий государственный строй. Все произошло стихийно.

Еще раз проследим ход событий. 19 февраля в Петрограде произошли волнения из-за нехватки хлеба. Начались забастовки и демонстрации в Петрограде и ряде городов России. В субботу, 25 февраля в столице была объявлена всеобщая стачка. На следующий день с утра празднично одетые рабочие группами потянулись к центру города. Путь им преградили усиленные наряды полиции и воинские части.

Днем демонстрантов кое-где стали останавливать ружейными залпами — сначала в воздух, затем по толпе. Особенно усердствовали полицейские. Отдельные воинские части отказывались стрелять в безоружных людей и переходили на сторону рабочих. Число жертв среди мирных жителей исчислялось десятками (до 150 человек), многие получили ранения. Всего в те февральские дни погибли более тысячи человек. Это уже напоминало начало гражданской войны или повторение восстания 1905 года.

Министр МВД Протопопов сообщил в Ставку императора о происшедших беспорядках, отметив: «Войска действовали ревностно, исключение составляет самовольный выход четвертой эвакуационной роты Павловского полка». Однако ситуация была значительно тревожней, чем он предполагал. Приказ царя о рос-

пуске IV Государственной думы не возымел действия, а лишь обострил его конфронтацию с этим более или менее демократическим органом.

27 февраля бастующих и демонстрантов поддержали несколько лейб-гвардейских полков Петроградского гарнизона (Волынский, Павловский, Преображенский). Казаки преимущественно сохраняли нейтралитет. Солдаты и рабочие заняли Арсенал, захватив 40 тысяч ружей, и Петропавловскую крепость; освободили из тюрем политических заключенных. Власть в столице фактически перешла к народу.

Инициаторами революционных выступлений стали рабочие по собственной инициативе. Этим Февральская анархическая революция принципиально отличалась от Октябрьского вооруженного восстания. Хотя в обоих случаях был совершен государственный переворот.

В Таврическом дворце начались заседания наскоро собранного Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. В него вошли главным образом представители меньшевиков во главе с Н.С. Чхеидзе, а также два большевика: А.Г. Шляпников и В.М. Молотов. Был организован и военный штаб для защиты революции. В тот же день после бурного заседания было провозглашено создание Совета рабочих и солдатских депутатов. Из 15 человек, избранных в Исполком, только трое были большевиками; преобладали меньшевики (еще один парадокс этой революции).

Тогда же был образован Временный комитет Государственной думы. Он предложил добиваться отречения Николая II от престола в пользу сына Алексея при регентстве великого князя Михаила Романова. С этой целью к царю отправили А.И. Гучкова (лидера «октябристов», представителей крупной буржуазии) и монархиста В.В. Шульгина.

По свидетельству последнего, Гучков высказал свое твердое убеждение: «В этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить... Но, видимо, нынешнему Государю царствовать больше нельзя... Высочайшее повеление от его лица — уже не повеление: его не исполняют... Если это так, то можем ли мы

спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революционный сброд начнет сам искать выхода... И сам расправится с монархией... Меж тем это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук».

Он говорил о хаосе и революционном сброде, то есть об анархическом движении масс. А Шульгин пояснил свою позицию: «Отречение должно быть передано в руки монархистов и ради спасения монархии».

28 февраля в первом номере «Известий» от имени Совета было опубликовано воззвание. В нем говорилось: «Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место новому, народному управлению. В этом спасение России... Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе (т.е. в Таврическом дворце. — Р.Б.), ставит своей задачей организацию народных сил и борьбы за окончательное упрочение политической свободы и народного управления... Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, тайного, прямого и равного избирательного права».

Анархическая стихия дошла до предела после того, как Совет рабочих и солдатских депутатов составил и опубликовал «Приказ № 1», уравнивающий в правах солдат с офицерами. Принято считать, будто он появился по воле троицы членов Совета. Однако они писали едва ли не под диктовку или, во всяком случае, под контролем делегатов некоторых полков.

«В составлении этого приказа, — писал генерал А.С. Лукомский, — принимали участие из Генерального штаба генерал Потапов (назвавший себя “первым революционным генералом”) и известный “сенатор” Соколов, впоследствии избитый солдатами, когда он их уговаривал слушать распоряжения Временного правительства».

Возможно, эти деятели полагали, что приводят Петроградский гарнизон в новое состояние в соответствии с эпохой демократии, политической свободы и равенства. Но регулярная армия не может существовать на основе безвластия, и распад ее лишь ускорился.

Временное правительство — действительно буржуазное — было образовано 2 марта. Его председателем и министром внутренних дел стал князь Г.Е. Львов (председатель Главного комитета Всероссийского земского союза), военным министром — Гучков, министром иностранных дел — Милюков, министром юстиции — Керенский... В общем, вполне справедливы были лозунги противников Временного правительства: «Долой министров-капиталистов!»

Вечером того же дня Шульгин и Гучков прибыли в Псков, где находился царский поезд. Перед Николаем II выступил Гучков (присутствовали Шульгин, генерал барон Фредерикс и генерал-адъютант Рузский). Он доложил, что столица находится во власти революционного движения (к нему присоединился даже полк личной охраны царя, состоящий из георгиевских кавалеров). Монархия в опасности. Единственный выход — отречение от престола в пользу сына. Впрочем, долгая речь вряд ли была уместна. По свидетельству Шульгина, Николай II ответил:

«Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея... Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувство отца...» У него уже был подготовлен текст отречения. Черновой вариант представил ему генерал Алексеев, а царь сделал некоторые изменения и дополнения. Вот этот документ:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех

сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие нашему брату, нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены.

Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний, помочь ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Николай. 2 марта 1917 г.»

Отречение выдержано в торжественном тоне, исполнено патриотизма и достоинства. В первых же строках — ссылка на волю Всевышнего.

Да, судьба распорядилась так, что он водрузился на троне. Однако сомнительна ссылка на милость Божию. Понятно, что такова форма. Но ведь получалось, что государь лишился этой милости или пренебрег ею. Впрочем, если считать происходившие в России события объективным проявлением стихийных общественных процессов, то есть все основания считать это воздействием высших сил, Судьбы.

После того как великий князь Михаил не принял короны, участь самодержавия была окончательно решена. Рухнули многовековые устои государственности в России.

Казалось бы, теперь должна была начаться невиданная смута, полное смятение умов и кровопролитные столкновения враждующих сторонников самых разных партий.

Наступила анархия. Сильной централизованной власти уже не было. Существовало ослабленное двоевластие Времен-

ного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Местные выборные органы самоуправления обретали решающее значение.

Когда прошла по войскам весть, что царь отрекся от престола и произошла революция, солдаты-фронтовики пожелали вернуться домой, ожидая передел земли. Недаром в Государственную думу от крестьян проходили преимущественно эсеры с их лозунгом: «Земля — крестьянам!»

Утратила смысл присяга, данная Богу, царю и Отечеству. Что дальше? Полная неопределенность. Среди солдат работали агитаторы-пацифисты. Это деморализовало армию, хотя Временное правительство приказывало вести войну до победы.

Все это способствовало смуте в войсках, постоянным митингам. Важным фактором полного духовного разлада в вооруженных силах стал «Приказ № 1». Он был опубликован в газете 2 (15) марта 1917 года от имени Центрального исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Адресованный конкретному гарнизону, он оказался распространенным по всей армии. Согласно приказу, нижние чины получали даже больше прав, чем офицеры.

Это был сильнейший удар по армейской дисциплине. Многие части стали небоеспособны. Солдаты избивали и расстреливали некоторых офицеров. Керенский издал «Приказ по армии и флоту», также направленный на «демократизацию» армейских порядков. Эти два приказа нанесли более мощный удар по российской армии, чем агитация большевиков.

Было ли это злокозненной, тщательно продуманной и ловко осуществленной акцией врагов России? Трудно сказать. Не исключено, что в «демократическом угаре» некоторые политические деятели решили перестроить армейские порядки. Такая «демократизация» была анархической, под стать характеру Февральской революции. И подрывала устои тех самых новых властей, которые ее инициировали.

В русской армии усиливались антивоенные настроения. Солдат, на плечах которого лежат все тяготы войны, должен либо ясно сознавать свой долг защитника Отечества, либо беспрекословно подчиняться начальству (идеальный вариант — соедине-

ние и того, и другого). В данном случае цели войны определялись в самых общих выражениях и в пламенных призывах.

Без четкой субординации и строгой дисциплины воинская часть разваливается. По всякому поводу — собрания, митинги, обсуждения, разбирательства. А как быть, если надо идти в атаку? Кто кого будет слушать? Кто станет отдавать приказы, а кто их выполнять?..

«Приказ № 1» подписали Н.Д. Соколов, Ю.М. Стеклов (Нахамкес) и М.И. Скобелев. Он деморализовал действующую армию. Ослабевшие государственные скрепы грозили полным развалом России. В такие времена состояние непомерно огромной армии во многом определяет судьбу государства. А в ней воцарилась анархия, допустимая лишь в тех редких случаях, когда все действуют заедино, понимают свои цели и задачи, добровольно подчиняются тем, в кого верят...

Итак, Февральский революционный переворот в России был не буржуазно-, а народно-демократическим. Он вполне отвечал сути анархизма. По этой причине царь вынужден был отречься от престола. Его не свергали представители буржуазии. Они даже попытались спасти монархию.

И еще одно важное обстоятельство. Именно потому, что Февральская революция в России была анархической, народной, она прошла почти бескровно и не сопровождалась террором. Этим она коренным образом отличалась от буржуазных революций, происходивших ранее в Западной Европе.

Синдром «мартобря»

Казалось бы, какое определение ни давай Февральской революции, главное — она свершилась. Однако неточное название любого явления не позволяет его понять, наводит на ложный путь рассуждений. Следует всегда стремиться к наиболее точным терминам и определениям. Неопределенные понятия — сумбурные мысли.

Странно, что большевики признали Февральскую революцию буржуазно-демократической. Хотя их противники вполне

определенно утверждали: позиция их вождя по отношению к этому событию сугубо анархическая. А знаменитые «Апрельские тезисы» Владимира Ильича его бывшие соратники, социал-демократы, называли бредом.

Как известно, у Гоголя в «Записках сумасшедшего» чиновник Поприщин в «год 2000 апреля без числа» признал себя королем Испании. Следующая его запись датирована: «Мартобря 86 числа. Между днем и ночью». Вот эти записки и припомнил некогда высоко чтимый Лениным Георгий Плеханов в связи с «Апрельскими тезисами».

Все началось 3 апреля, когда Ленина встретили на Финляндском вокзале Петрограда его сторонники и председатель Петроградского Совета меньшевик Чхеидзе. Владимир Ильич обратился к собравшейся на улице толпе: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие!» По-видимому, на этот раз рабочих было сравнительно немного.

Завершение его речи повергло в изумление правоверных марксистов: «Не нынче завтра, каждый день — может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!» Этого призыва никто из присутствовавших не ожидал.

Свои «Апрельские тезисы» он огласил на следующий день на объединенном собрании социал-демократов. Меньшевик Б.О. Богданов (не путать с выдающимся ученым и мыслителем А.А. Богдановым) крикнул в его адрес: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!» Бывший большевик Гольденберг высказался дипломатичней: мол, Ленин выставил свою кандидатуру на тридцать лет пустующий трон Бакунина.

Это замечание не было лишено оснований. Оно подтверждает мысль, высказанную нами ранее: произошла в России Февральская анархическая революция, и Ленин претендовал на то, чтобы ее возглавить (хотя в таком случае это стало бы торжеством не безвластия, а новой власти). Плеханов ответил на апрельское выступление Владимира Ильича статьей: «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен». В ней он

припомнил запись Поприщина: «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое». И продолжил:

«Мы увидим, что именно при такой обстановке, то есть при полном отвлечении от обстоятельств времени и места, написаны тезисы Ленина. А это значит, что совершенно прав был репортер “Единства”, назвавший речь Ленина бредовой». Далее русский классик марксизма шаг за шагом вдребезги раскритиковал все положения упомянутых тезисов.

Ссылаясь на учение Маркса, Плеханов писал: «Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также и оттого, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами». И напомнил, что такова точка зрения народников.

Завершил Георгий Валентинович свою статью вновь ссылкой на Бакунина, для которого «сам Маркс представляется оппортунистом, поддавшимся влиянию буржуазии». Вот и Ленин, по словам Плеханова, использует логику анархизма. Но «в призывах Ленина к братанию с немцами, к низвержению Временного правительства, к захвату власти и так далее, и так далее наши рабочие увидят именно то, что они представляют собой в действительности, то есть — *безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской земле*.

Русский пролетариат и русская революционная армия не забудут, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встретит немедленного энергичного и сурового отпора с их стороны, то она с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы».

Но именно благодаря отходу от догм марксизма Ленин совершил, казалось бы, невозможное: воспользовался анархической смутой (ее Плеханов не заметил) и со своими сторонниками взял власть в свои руки. Произошло это всего лишь за небольшой отрезок времени — от марта до октября. Поистине мистическое осуществление гоголевского «мартобря»!

Ленин ни в коей мере не был анархистом. По складу характера и ума его точнее назвать диктатором. Склонность русского народа к анархии была, с его точки зрения, серьезным недостат-

ком. Но Владимир Ильич ощутил, а может быть, и осознал, что в России воцарилась анархия, подорвавшая основы государственной власти. Этим он и решил воспользоваться.

...Гоголевский Поприщин, с которым сравнил Плеханов Ленина, возомнил себя в бреду королем Испании. А Ленину суждено было стать во главе значительно более крупной державы — Российской Федерации, преобразившейся в Советский Союз.

Вновь повторю: такое стало возможным потому, что Февральская революция не установила и не укрепила капитализма в условиях буржуазной «демократии», точнее сказать, плутократии (господства богатых). Иначе бы твердая власть победившего «эксплуататорского» класса без труда подавила вооруженное восстание большевиков. Такая сила не успела окрепнуть, ибо в феврале 1917 года в России восторжествовала анархия.

Вряд ли допустимо говорить о гениальном прозрении Ильича, верно предугадавшего это самое «мартобря». Как мы знаем, он провозгласил начало гражданской войны во всей Европе, неизбежный крах европейского империализма, победу пролетариата, начало новой эпохи в результате всемирной социалистической революции...

Что из этого свершилось? В сущности, ничего.

Не исключено, что он допустил преувеличения, стремясь вдохновить слушателей и читателей, увлечь их глобальными масштабами грядущих преобразований общества, открыть перед ними величественные перспективы и т.п. Но в любом случае он верно оценил ситуацию с точки зрения возможности захвата власти.

Впрочем, он оговаривался, что призывает «ввести» не социализм, а лишь контроль Совета рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов. Кроме того, предложил создать революционный Интернационал (в связи с мировым процессом), изменить название партии с «социал-демократической» на «коммунистическую» (в связи с дальней целью социальных преобразований).

Миф о Февральской буржуазной революции укоренился в учебниках по истории России—СССР и в общественном сознании. Он не соответствует реальности уже потому, что от февра-

ля до октября 1917 года так и не оформилось единовластие буржуазного Временного правительства. И дело не только в недостаточном развитии капитализма в России. Главное: с самого начала именно народные массы определяли ход событий.

Могли ли большевики свергнуть царя?

На это ответ вроде бы очевиден: большевики не только не могли свергнуть самодержавие, но и не собирались в обозримом будущем это делать. Для такой акции у них не было ни сил, ни средств, ни возможностей. Об этом свидетельствует сам факт, что ни Ленин, ни его ближайшие соратники не принимали участия в Февральской революции.

В статье, опубликованной 7 апреля 1917 года в «Правде», Ленин отметил: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства».

На следующий день Л.Б. Каменев в редакционной статье «Правды» представил эти выводы как необоснованное личное мнение автора: «Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую».

Но у Ленина не было сказано о немедленном переходе к власти Советов рабочих и солдатских депутатов. Он не заявлял (по крайней мере гласно) о праве большевиков на власть, а намекал своим соратникам, что следует внедряться в Советы всех уровней. Эту его негласную установку быстро осознало и приняло большинство большевистского руководства (первыми были Сталин и Зиновьев; Каменев остался при своей точке зрения). Владимир Ильич имел в виду перспективу. Не возражая против Учредительного собрания, главным лозунгом определил:

«Вся власть Советам!» В отличие от других партий большевики упорно выступали за мир и против Временного правительства. Такая политика привлекала на их сторону часть представителей других левых партий, а также позволяла завоевывать авторитет в массах солдат и рабочих.

В начале июня состоялся I Всероссийский съезд Советов. Из 882 делегатов с правом решающего голоса большинство получили эсеры (285), чуть меньше — меньшевики (248). У большевиков было всего 105 делегатов. В остальном были представители небольших партий (150) и 45 беспартийных.

При таком раскладе сил сохранялась анархическая ситуация. Выступая на второй день съезда, министр почты и телеграфа меньшевик Церетели заявил: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет». Раздался возглас Ленина: «Есть!» Вряд ли кто-то из присутствовавших воспринял такое заявление всерьез.

Итак, даже при всем желании большевики тогда не могли прийти к власти. По канонам марксизма, им не следовало бы и стремиться к этому. Прежде должен укрепиться буржуазно-демократический строй, а капиталистическая система — пройти пик своего развития, чтобы рабочий класс стал мощной социальной силой. Тогда он и придет к власти.

Один из большевистских лидеров, А.И. Рыков, заявил, когда обсуждали тезисы Ленина на конференции РСДРП(б): «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого».

Да, объективных условий было маловато, зато имелись субъективные. Вдобавок никто не мог заранее знать, в каких комбинациях они соединятся через некоторое время. Судьба общества подобно судьбе личности в немалой степени зависит от стечения обстоятельств.

Интересная деталь: позже, в сентябре 1917 года, В.И. Ленин в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», упомянув, что прошло «полгода революции», продолжил: «...которую иные назы-

вают великой, но которую пока что справедливее было бы, пожалуй, называть гнилой» (этот пассаж он опустил в печатном тексте).

С таким взглядом на Февральскую революцию не согласились бы многие большевики, не говоря уже о меньшевиках, эсерах, анархистах... Впрочем, у одного человека, судя по его дневниковым записям, было сходное мнение. Он писал: «Болото — кругом. Ни на что нельзя опереться... Трехсотлетняя власть вдруг обвалилась... Представьте себе, что человека опускают в густую, липкую мешанину... И не республика, и не монархия... Государственное образование без названия». Это слова Василия Шульгина.

Что же общего во взглядах было у этого монархиста и вождя большевиков? Мне кажется, для них обоих анархия, слабая государственная власть была неприемлема. Казалось бы, для коммуниста, сторонника полного упразднения государства такая позиция по меньшей мере противоречива. Но для Владимира Ильича она вполне естественна по трем (по меньшей мере) причинам.

Во-первых, по своему характеру, складу личности он был склонен к диктаторству, о чем свидетельствовали многие, близко знавшие его. Во-вторых, он был признанным партийным лидером, который вел своих соратников к завоеванию власти. В-третьих, выход из состояния смуты, в котором пребывала Россия, мог быть либо в дальнейшем разрушении государственности, что грозило распадом страны, либо в установлении жесткой диктатуры. Выбор второго варианта для любого государственного деятеля (если он не предатель), безусловно, предпочтительней.

Не надо забывать: шла война. Она требовала консолидации сил и единоначалия. Недаром в такие периоды в республиканской Древней Греции назначали тирана, диктатора, которого после победы могли с почетом изгнать из страны, дабы он не узурпировал власть окончательно.

Правда, большевики умело использовали лозунг борьбы за мир против империалистической войны. Но в то же время разложение огромной армии (около 11 миллионов человек!) уже само по себе ввергало страну в анархию. А в буржуазную демократию Ленин не верил: она лицемерна и не отражает интересы пролетариата как «избранного» класса, которому принадлежит

будущее. В сложившейся ситуации необходимо было подавлять всех, кто не поддерживает политику партии, а это возможно только при жесткой диктатуре.

Жаждал ли Владимир Ильич власти из-за своего честолюбия? Долгое время мне казалось, что ответ должен быть положительным. Однако, детально проследив и внимательно проанализировав его поведение вплоть до потери рассудка и смерти, я изменил первоначальное предположение.

Честолюбие у политических деятелей выражается в стремлении как можно чаще выступать перед публикой, наслаждаться восторгами толпы, овациями в свой адрес, играть роль диктатора и пророка, обустривать свой антураж: от адъютантов до интерьеров служебных помещений, дач, домашних покоев. Желющие насладиться властью, «порулить», как выразился один такой деятель, всегда бывают безответственными демагогами, не способными к напряженному труду.

Ленина можно упрекнуть во многом, но не в подобных, достаточно пошлых недостатках, обличающих «негосударственного» деятеля. Он сумел не только взять власть, но и удержать ее в неимоверно трудной обстановке. Такое возможно при фанатической убежденности в своей правоте, поистине религиозной вере в исповедуемую идеологию, в данном случае в марксизм (частично «подправленный» в соответствии с текущей реальностью).

Приходится слышать: мол, Ильич ненавидел царя и его род за казнь своего старшего брата-революционера. Это уже и вовсе перенос кухонно-семейных отношений на политическую арену. Ведь именно Владимир Ленин сознательно отказался от индивидуального террора (позже используя террор государственный).

О том, чтобы покончить с самодержавием в 1917 году, ни Ленин, ни его соратники даже не мечтали. Февральскую анархическую революцию они по этой причине, что называется, прозевали. Много позже Владимиру Ильичу стали приписывать гениальную прозорливость и невероятный авторитет в большевистской партии и в народе. Тогда и возник миф о свержении царя большевиками или, во всяком случае, при их активном участии.

В первые месяцы 1917 года ничего подобного не могло осуществиться. Февральская революция застала Ленина и его партию врасплох. Падение самодержавия было результатом кризиса царской власти, анархии.

Бациллы революции в plombированном вагоне

Книга некогда советского, а после расчленения СССР анти-советского писателя Владимира Солоухина «При свете дня» (1992) посвящена полному разоблачению Ленина как государственного преступника, под руководством которого было покончено «с Россией как могучим, богатейшим, просвещенным государством».

А вот великий русский поэт Есенин, современник Ленина, отзывался о нем:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?

Признаться, я не отношусь к восторженным поклонникам Ленина. Но то, что он был выдающимся политиком, вряд ли можно оспорить. Впрочем, к делу это, конечно, не относится. Солоухин имел другое мнение, и это было его правом, которым он при случае воспользовался.

Меня не удивила резко антисоветская позиция человека, весьма ловко и безбедно устроившегося при советской власти. Подобных, как их называют, «перевертышей» появилось в перестройку множество именно из номенклатуры и прочих привилегированных групп. Удивило другое: его книгу издали немалым тиражом на деньги американской фирмы. Хотя писательставлял себя патриотом.

Правда, как выяснилось, он был патриотом той страны, в которой не родился и не жил, — царской России. А стал злостным ненавистником той, в которой родился и жил, — Советской России, то есть своей Родины, когда такое превращение стало выгодно. И таких безродных патриотов, увы, у нас стало слишком много.

Один из пунктов обвинительного заключения Солоухина в адрес большевиков сформулирован так: «Не будем сейчас пережевывать жеваное, то есть тему Парвуса, через которого шли деньги, тему “пломбированного вагона”, в котором Германия провезла тридцать головорезов-революционеров через свою территорию в Стокгольм, откуда эта “тридцатка” без труда, через Финляндию, перебралась в Петроград. Об этом много написано. Достаточно посоветовать две книги С.П. Мельгунова: “Как большевики захватили власть” и “Золотой немецкий ключ большевиков”. Что касается количества немецких денег, с которыми высадился на российскую землю десант большевиков, то добросовестные исследователи сходятся на сумме 50 000 000 марок золотом. В те времена это была астрономическая цифра».

Последнюю фразу оспорить невозможно в отличие от предыдущих. Солоухин не был брезгливым, пережевывая не только жеваное, но и давно проглоченное его предшественниками, и сделав это с явным удовольствием. Тех, кого он называет добросовестными исследователями, не раз уличали во лжи, так что представленный ими «информационный продукт» трудно назвать доброкачественным. Это — отбросы грязных антисоветских кампаний врагов СССР.

Прежде всего поражает названная сумма. Откуда у Германии, истощавшей свои последние ресурсы в войне, такое количество «лишних» денег? Какое безумство отдавать такие богатства кучке «головорезов», у которых в ту пору не было в России никакой надежной опоры! Какая гарантия, что они не прикарманят эту сумму для личного употребления или не разбазарят ее бездарно, а то и употребят против той же самой Германии?

Никакая организация на такой риск не пойдет. Кстати, когда большевики взяли власть, германское правительство не поспешило установить теплые, дружеские отношения со своими должниками, напротив, в меру своих сил и возможностей им

вредило. Когда под ударами Белой армии и Антанты власть большевиков повисла на волоске, Германия не пришла к ним на помощь. Ну, просто благотворительная организация, поощрявшая своих врагов! Она ведь субсидировала, по этой версии, разжигателей мирового революционного пожара, желавших свергнуть и кайзера.

Оставим рассуждения. Обратимся к другому свидетельству, обличающему «бацилл революции», проследовавших в plombированном вагоне через Германию, чтобы заразить смертельной болезнью «могучее, богатейшее, просвещенное государство».

«К истории получения партией большевиков так называемых немецких денег, — писала Нина Берберова, — сначала в Швейцарии, а затем в России — история масонства не имеет прямого отношения; открытие государственных архивов Германии и опубликование самого факта в подробностях ответило на все эти вопросы: немцы, как говорится, “делали ставку” на русскую революцию, рассчитывая, что пораженческие настроения в ней достаточно сильны и что революционная Россия заключит с ними сепаратный мир (а с союзниками Германия справится и одна). Вывод из этого был сделан: они подкупали, стараясь это делать не слишком заметно, пораженческую левую печать, без труда переводили деньги в Женеву и нашли канал, после приезда Ленина в Россию, в апреле, переводить их в Петербург. Но член Временного правительства, Досточтимый Мастер Павел Николаевич Переверзев, с помощью Г.А. Алексинского, в прошлом — большевика, а теперь ярого антиленинца, решил разоблачить этот подкуп. Они в газете Бурцева “Общее дело” напечатали все, что знали, несмотря на то что Керенский и другие министры требовали от них (временного) молчания. Газета Бурцева была на время закрыта по приказу Временного правительства, а Переверзев отставлен от своего места министра юстиции и прокурора Петроградской судебной палаты».

То, что немцы могли поддерживать левую печать для заключения сепаратного мира с Россией, не удивительно. Понятно и стремление масонов продолжать войну, как того требовали, в частности, их французские коллеги. Но можно ли было растратить астрономическую сумму на столь малую статью расходов,

как поддержка малотиражных газет? Нет! Самое большее — тысячная ее доля, которой можно пренебречь. Несравненно больше денег тратило правительство на то, чтобы финансировать материалы в пользу продолжения войны.

Берберова оговаривается: пораженческую печать немцы старались поддерживать «не слишком заметно». Но миллионные суммы золотом переслать тайно в те времена было невозможно (в отличие от нынешней России, откуда «незаметно» вывозятся миллиарды долларов!). В сто раз меньшую сумму германская разведка, конечно, могла потратить на подкуп полезных для нее людей. Ничего удивительного в этом нет: так поступают все страны.

Вопрос в том, был ли среди этих людей Ленин? То есть был ли Владимир Ильич германским шпионом?

Предыстория обвинения такова. 5 (18) июля 1917 года петроградская газета «Живое слово» опубликовала заметку: «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы». В ней сообщалось, что Комитету журналистов при Временном правительстве было доставлено письмо следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся, Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член II Гос. думы от рабочих города Петрограда, и Василий Семенович Панкратов, член партии социалистов-революционеров, пробывший 14 лет в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, считаем своим революционным долгом опубликовать выдержки из только что полученных нами документов, из которых русские граждане увидят, откуда и какая опасность грозит русской свободе, революционной армии и народу, кровью своей эту свободу завоевавших. Требуем немедленного расследования. Г. Алексинский, В. Панкратов, 4 июля, 1917 г. Петроград».

Данная газета была не из ведущих, бульварного толка. Казалось бы, столь сенсационное сообщение должно было бы взбудоражить всю прессу, а на него отозвалось только «Живое слово». Почему?

Оказывается, днем 4 июля большевикам стало известно о заявлении Алексинского и Панкратова. Член Центрального исполнительного комитета Джугашвили (Сталин) вечером сообщил об этом своему знакомому, социал-демократу меньшевику Чхеидзе, председателю Петроградского Совета рабочих и сол-

датских депутатов, члену Государственной думы и представил данное заявление как клеветническое. Считая, что обвинение голословное, Чхеидзе обзвонил все редакции газет с предложением воздержаться от публикации этого материала.

В то время действовал закон о свободе печати. Любая редакция имела возможность подхватить сенсацию. Если этого не произошло — за одним-единственным исключением! — напрашивается вывод: редакторы сочли данное обвинение сомнительным. Тем более что имелаась приписка авторов: «По техническим условиям подлинные документы будут нами опубликованы дополнительно». Получалось, что пока еще их нет. Вот эта заметка:

«При письме от 16 мая 1917 г. за № 3719 нач. штаба Верховного главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 апреля с.г. прапорщика 16-го Сибирского стр. полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику разведывательного отделения штаба Верх. главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля с.г. к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского Генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведут в России агент германского Генерального штаба, председатель Украинской секции “Союза освобождения Украины” А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыванию доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получают через некоего Сведсона, служащего в Стокгольме при Германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц...»

Прервем текст. Отметим некоторые странности. Что за товарищи дали поручение Ермоленко? При чем тут германский Генштаб? Почему его сотрудники стали бы докладывать прапорщику о своих секретных агентах?! Впрочем, продолжим.

«...Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией “Ганецкий”, и Пар-

вус (доктор Гельфандт). В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М.Ю. Козловский, родственница Ганецкого — Суменсон, занимающиеся совместно с Ганецким спекуляциями, и другие. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через “Дисконто-Гейзельшафт” на Стокгольм “Виа-Банк”, а отсюда на Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 000 000 р. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами (Стокгольм—Петроград)».

На следующий день после опубликования этого материала М. Козловский выступил на заседании ЦИК Совета с заявлением, полностью опровергая выдвинутые обвинения. По его словам, никаких германских денег ему не пересылали, телеграмм «политического и денежного характера» от германских агентов он не получал, в банках на счету у него никогда не было двух миллионов рублей, а на текущем счету есть не более нескольких тысяч. (Но ни он, ни Ганецкий не были большевиками, а состояли в Польской социал-демократической партии.)

Ленин категорически опроверг все обвинения в свой адрес. Высказал удивление: имея неопровержимые сведения о нем как о немецком шпионе, его следовало бы арестовать сразу же после получения соответствующих документов (после 16 мая), назначив правительственное следствие. Почему-то этого не произошло.

...Насколько мне известно, ни один из серьезных историков (Берберову или Солженицына, не говоря уже о Солоухине, к этому числу отнести нельзя) не писал о Ленине как германском агенте и немецком золоте как двигателе русской революции. Но дело даже не в этом. Следовало бы учесть один важный факт: «революционные бациллы» в plombированном вагоне пересекли Германию и прибыли в Россию после Февральской революции. В падении самодержавия, отречении императора и великого князя они не принимали никакого участия.

Самое удивительное то, что «могучее, богатейшее, просвещенное государство» смогли погубить 30 «головорезов-

большевиков» под руководством вождя, которого В. Солоухин называл психически больным! Правда, у них имелось, как утверждал данный писатель, 50 миллионов марок золотом. Вот за какую цену, оказывается, продажные русские люди учинили расправу над собственной державой, обрекая себя и свой народ на мучения и рабское прозябание. Своеобразная философия исторического процесса, где главный двигатель, по мнению писателя, деньги.

Удивительно, что миф о русской революции на деньги германского Генштаба и Ленине как немецком агенте существует и будоражит умы до настоящего времени. Это свидетельствует о сумрачном состоянии сознания у многих наших людей и о постоянном возрождении гнусных мифов усилиями врагов России, а также сознательных и невольных их сообщников.

Что же произошло в феврале-марте 1917 года?

Подытожим сказанное в этой главе.

В исторической науке, прежде всего советской, укоренился миф о буржуазно-демократической Февральской революции и свержении самодержавия. А тогда восторжествовала народно-демократическая революция, выражавшая анархистские настроения народных масс. По этой же причине не началась гражданская война, ибо не было противоборствующих — не на жизнь, а на смерть — политических партий и социальных групп.

Самодержавия никто не свергал. Оно прекратило свое существование примерно так, как умирает дряхлый старик, для которого смертельным может оказаться даже слабое потрясение или напряжение сил. Это с удивлением отмечали многие современники. В конце марта 1917 года архитектор А.В. Щусев написал художнику А.Н. Бенуа в связи с падением монархии: «Все сооружение рассыпалось как-то даже без облака пыли и очень быстро».

Как мы знаем, Гучков и Шульгин, принявшие по поручению Государственной думы отречение императора Николая II, по своим убеждениям были монархистами. Они вовсе не собирались свергать царскую власть.

Обратимся к воспоминаниям дальнего родственника царской фамилии, посла Французской республики в России Мориса Палеолога. В середине февраля 1917 года он отметил: «В России готовится революционный кризис, он чуть было не разразился пять недель тому назад, но только отложен. С каждым днем русский народ все больше утрачивает интерес к войне, и анархистский дух распространяется во всех классах, даже в армии».

В разговоре с ним великая княгиня Мария Павловна сказала:

— Императрица вполне овладела императором, а она советуется только с Протопоповым, который каждую ночь спрашивает совета у духа Распутина... Я не могу вам сказать, до какой степени я упала духом. Со всех сторон я все вижу в черном свете. Я жду наихудших несчастий... Но Бог не может хотеть, чтоб Россия погибла.

Морис Палеолог ответил:

— Бог поддерживает лишь тех, кто борется, и я никогда не слышал, чтоб он помешал самоубийству. А ведь то, что сейчас делает император, это настоящее самоубийство для него самого, для его династии и для его народа.

Следует сделать оговорку. Палеолог в России вел краткие дневниковые записи, которые, по-видимому, дополнил позже, находясь во Франции. В некоторых случаях его воспоминания могут отражать его более поздние мысли. Не исключено, что он вольно или невольно преувеличил свой провидческий дар. Но для нас интересны факты, которые он приводит. В частности, о «консультациях» министра МВД с духом Распутина в преддверии Февральской революции.

В субботу 27 февраля Палеолог записал, что днем, несмотря на усиленные наряды жандармов, казаков и солдат, горожане стали собираться группами, петь Марсельезу, носить знамена и транспаранты с надписями: «Долой правительство!», «Долой Прото-

попова!», «Долой войну!», «Долой немку!». Судя по всему, за свержение самодержавия тогда никто активно не выступал.

На следующий день, по его словам: «Мрачные известия приходят одно за другим. Окружной суд представляет собой лишь огромный костер: Арсенал на Литейном, дом Министерства внутренних дел, дом военного губернатора, дом министра двора, здание слишком знаменитой охраны, около двадцати полицейских участков объаты пламенем; тюрьмы открыты, и все арестованные освобождены; Петропавловская крепость осаждена; овладели Зимнем дворцом, бой идет во всем городе».

Такова стихия народного бунта. Палеолог, имевший хороших осведомителей, отметил: никакого единого руководства восстанием нет. «Такая скорая и полная измена армии является большим сюрпризом для вождей либеральных партий и даже для рабочей партии... Она ставит перед умеренными депутатами (Родзянко, Милюков, Шингарев, Маклаков и проч.) вопрос о том, можно ли еще спасти династический режим. Страшный вопрос, потому что республиканская идея, пользующаяся симпатиями петроградских и московских рабочих, чужда общему духу страны и невозможно предвидеть, как армии на фронте примут столичные события!»

Это важное замечание. Даже если взбунтовались столичные рабочие и солдаты, для России это лишь частность. Власть остается у правительства, Думы, царя. Если бы эту власть поддерживал народ, она бы не рухнула после подобных беспорядков.

Во вторник Палеолог в разговоре с высокопоставленным сановником узнает: «Председатель Думы Родзянко, Гучков, Шульгин и Маклаков совершенно огорошены анархическими действиями армии». Как видим, еще до пресловутого «Приказа № 1» в армейских частях Петербургского гарнизона уже восторжествовала анархия. Позже Морис Палеолог записывает: «Солдатня теперь всемогуща».

Наконец, обратим внимание на характерную картину организованной анархии, которую посол Франции наблюдал в среду, 1 марта:

«Решительная роль, которую присвоила себе армия в настоящей фазе революции, только что на моих глазах нашла под-

тверждение в зрелище трех полков, продефилировавших перед посольством по дороге в Таврический дворец. Они идут в полном порядке, с оркестром впереди. Во главе их несколько офицеров, с широкой красной кокардой на фуражке, с бантом из красных лент на плече, с красными нашивками на рукавах. Старое полковое знамя, покрытое иконами, окружено красными знаменами...

Немного спустя старый Потемкинский дворец послужил рамой другой, не менее грустной картины. Группа офицеров и солдат, присланных гарнизоном Царского Села, пришла заявить о своем переходе на сторону революции.

Во главе шли казаки свиты, великолепные всадники, цвет казачества, надменный и привилегированный отбор императорской гвардии. Затем прошел полк Его величества, Священный легион, формируемый путем отбора из всех гвардейских частей и специально назначенный для охраны особ царя и царицы. Затем прошел еще железнодорожный полк Его величества, которому вверено сопровождение императорских поездов и охрана царя и царицы в пути. Шествие замыкалось императорской дворцовой полицией: отборные телохранители, приставленные к внутренней охране императорских резиденций и принимающие участие в повседневной жизни, в интимной и семейной жизни их властелинов.

И все, офицеры и солдаты, заявляли о своей преданности новой власти, которой они даже названия не знают, как будто они торопились устремиться к новому рабству».

Последние слова ясно показывают, насколько «западный» человек не может понять русского понятия свободы как «воли вольной», как полного освобождения от рабства. Ведь видел он демонстрацию не преданности каким-то неведомым новым властителям, начальникам, а освобождения от власти других людей над собой. Такова анархия.

Говоря о «новом рабстве», Палеолог ставит знак равенства между пребыванием в ранге «царских сатрапов» и переходом на сторону восставшего народа. Мол, освободились от старого ярма, тотчас радостно надели на себя новое. Но разве можно уравнивать служение хозяину, господину с подчинением народной воле?

Вельможного Мориса Палеолога понять можно. Он справедливо опасался, что анархия грозит или поражением России в войне с Германией, или заключением с ней сепаратного мира. К тому же он рассуждал с позиций именно господина, наблюдающего взбунтовавшихся рабов. Так же могли смотреть римские патриции на восстание Спартака.

Характерный факт: в наши дни примерно из таких же соображений исходят те, кто так же толкует переход царской России — после двух тяжелейших десятилетий — к социализму на основе народной демократии. Мол, из огня — да в полымя; избавились от власти царя и господ, а попали под власть вождей и партийной номенклатуры.

Не вдаваясь в дискуссию, напомним: в СССР произошел небывалый в истории подъем народного самосознания, культуры, образования. Это выразилось в необычайных успехах в науке, технике, литературе, искусстве, индустриализации страны, в великой Победе над фашистской Германией и ее союзниками. Без самоотверженности советского народа в труде и сражениях ничего подобного не произошло бы ни при каких условиях. Жалкие рабы на такое не способны. Понять это нетрудно: была бы совесть чиста и ум не замутнен многолетним воздействием СМРАП (средств массовой рекламы, агитации и пропаганды)...

Впрочем, завершим эту главу сценой, показывающей драматический финал самодержавия. Ее описал Морис Палеолог со слов одного из присутствовавших при этом, скорее всего, Милюкова, с которым он находился в дружеских отношениях.

Суббота, 4 марта. «Собрались в десять часов утра в доме князя Павла Путятина... Кроме великого князя [Михаила] и его секретаря Михайлова, присутствовали князь Львов, Родзянко, Милюков, Некрасов, Керенский, Набоков, Шингарев и барон Нольде; к ним присоединились... Гучков и Шульгин, прямо прибывшие из Пскова.

Лишь только открылось совещание, Гучков и Милюков смело заявили, что Михаил Александрович не имеет права уклоняться от ответственности верховной власти.

Родзянко, Некрасов и Керенский заявили, напротив, что объявление нового царя разнуздает революционные страсти и

повергнет Россию в страшный кризис; они приходили к выводу, что вопрос о монархии должен быть оставлен открытым до созыва Учредительного собрания... Тезис этот защищался с такой силой и упорством, в особенности Керенским, что все присутствующие, кроме Гучкова и Милюкова, приняли его...»

(Отметим: предлагалось не упразднить монархию, а сохранить в этом вопросе неопределенность до решения Учредительного собрания.)

«Гучков сделал тогда последнее усилие. Обращаясь к великому князю, взывая к его патриотическому мужеству, стал ему доказывать необходимость немедленно явить русскому народу живой образ народного вождя:

— Если вы боитесь, Ваше высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите по крайней мере верховную власть в качестве “регента империи на время пока не занят трон”, или, что было бы еще более прекрасным титулом, в качестве “прожектера народа”, как назывался Кромвель. В то же время вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война.

Эта прекрасная мысль, которая могла еще все спасти, вызвала у Керенского припадок бешенства, град ругательств и угроз, которые привели в ужас всех присутствующих.

Среди всего этого смятения великий князь встал и объявил, что ему нужно несколько мгновений подумать одному, и отправился в соседнюю комнату. Но Керенский одним прыжком бросился к нему, как бы для того, чтобы перерезать ему дорогу:

— Обещайте мне, Ваше высочество, не советоваться с вашей супругой.

Он тотчас подумал о честолюбивой графине Брасовой, имеющей безграничное влияние на мужа. Великий князь ответил, улыбаясь:

— Успокойтесь, Александр Федорович, моей супруги сейчас здесь нет; она осталась в Гатчине.

Через пять минут великий князь вернулся в салон. Очень спокойным голосом он объявил:

— Я решил отречься.

Керенский, торжествуя, закричал:

— Ваше высочество, вы — благороднейший из людей!

Среди остальных присутствовавших, напротив, наступило мрачное молчание; даже те, которые наиболее энергично настаивали на отречении, как князь Львов и Родзянко, казались удрученными только что свершившимся, непоправимым, Гучков облегчил свою совесть последним протестом:

— Господа, вы ведете Россию к гибели; я не последую за вами на этом гибельном пути.

После этого Некрасов, Набоков и барон Нольде средактировали акт временного и условного отречения. Михаил Александрович несколько раз вмешивался в их работу, и каждый раз для того, чтобы лучше подчеркнуть, что его отказ от императорской короны находится в зависимости от позднейшего решения русского народа, представленного Учредительным собранием.

Наконец, он взял перо и подписал».

Почему же Михаил принял такое решение? Разве он был демократом? Нет, конечно. Или он твердо стоял за конституционную монархию и ему важно было заручиться поддержкой Учредительного собрания? Вряд ли. Хотя в тексте его отречения есть ссылка на волю народа, Учредительного собрания и, соответственно, на благословение Божие. Вот подписанный им документ:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных. Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное, возможно, в кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тай-

ного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Великий князь Михаил решил вернуться к акции трехсотлетней давности. Тогда Земский собор в 1613 году избрал на царство Михаила из рода Романовых. В 1917 году ситуация в стране была сходной: наступило смутное время. Но только царство уже было не то, что прежде, и отношение к царям кардинально изменилось.

Как свидетельствовал Родзянко, претендент на царский престол вовсе не благоговел перед волей народа, а, скорее всего, опасался ее. «Великий князь Михаил Александрович, — вспоминал Родзянко, — поставил мне ребром вопрос, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно, ибо... твердой вооруженной силы не имел за собой. Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не мог был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него».

Вот в чем была главная причина: «должность» царя стала смертельно опасной. Конечно, великий князь Михаил мог бы рискнуть и продолжить царство Романовых. Однако он решил не искушать судьбу и отрекся от престола.

На следующий день после этого судьбоносного события при встрече с Милюковым Палеолог услышал от него:

— Мы не хотели этой революции перед лицом неприятеля, я даже не предвидел ее; она произошла без нас, по вине, по преступной вине императорского режима...

— В таком случае, династия Романовых свергнута?

— Фактически — да, юридически — нет. Одно только Учредительное собрание будет уполномочено изменить политический строй в России.

В стране осуществилось нечто нигде и никогда не бывалое: юридически сохранялось самодержавие, не свергнутое окончательно; буржуазное Временное правительство; Советы солдатских и рабочих, а затем и крестьянских депутатов. Получилась какая-то странная форма анархии, ибо реальной властью никакой орган управления не обладал.

О «Размышлениях над Февральской революцией»

27 февраля 2007 года были опубликованы массовым тиражом в «Российской газете» соображения А.И. Солженицына о Февральской революции. Они заслуживают отклика уже потому, что отражают, возможно, мнение значительного числа современных россиян. Во всяком случае, до сих пор творения этого писателя многими воспринимаются как откровения.

Сразу скажу: некоторые выражения и высказывания известного писателя вызывают недоумение. Конечно, он преимущественно повторяет то, что говорилось и до него, но в своеобразных сочетаниях и с некоторыми своими выводами. Основной его метод: предположить, а что бы произошло, если бы все было не так, как было, а так, как надо (естественно, с точки зрения автора).

Подобный взгляд — с интеллектуальной вершины, как бы некоего виртуального вершителя судеб, демиурга исторического процесса — характерен для Солженицына. Он привычно выступает в роли пророка.

Пожалуй, наибольшую вину за происшедшее он возлагает на царя, называя его поведение «хилой нерешительностью», безволием, если не отменной глупостью (ибо писатель тут же указывает простые меры, которые задушили бы революцию в младенчестве). Мол, «Государь... всё ждал, всё ждал, что уладится само, всё колебался, всё колебался — и вдруг почти без внешнего нажима сам извихнулся из трёхсотлетнего гнезда, извихнулся больше, чем от него требовали и ждали». Тем более что он перед февральскими событиями «уехал из-под твердого крыла царицы — беззащитным перед самым ответственным решением своей и российской жизни».

Я считаю Николая II фигурой роковой и трагической в нашей истории. Он был жертвой судьбы. Нечто подобное наиболее рельефно показано в древнегреческих трагедиях. Для христиан в подобных случаях принято ссылаться на Бога (древние греки обычно имели в виду волю богов). Правда, Солженицын

не придерживается такой точки зрения. К сожалению, его чрезмерно упрощенный взгляд на исторические события может прийти по душе неискушенным читателям. Именно примитивные идеи чаще всего завладевают массами людей, считающих себя интеллектуалами.

Представлять Николая II жалким, беспомощным «птенчиком», которого прикрывает «твердое крыло» супруги, означает полное к нему презрение. Не удивительно: писатель обвиняет царя в предательстве:

«Ему была вверена эта страна — наследием, традицией и Богом, — и уже поэтому он отвечает за происшедшую революцию больше всех...

Он предпочел — сам устранить от бремени.

Слабый царь, он предал нас.

Всех нас — на **все** последующее».

Сильно сказано. И несправедливо (это вообще свойственно данному писателю). Хотя в действительности, сам того не заметив, Солженицын упомянул трех важных действующих лиц, которых обвинил с еще большей злобой.

Он классифицирует предательство царя едва ли не в глобальном масштабе — всех и всё! Вроде бы он, писатель, стоял на стороне царя как подлинный монархист, а тут — такой конфуз. Хотя невольно вспоминаешь, что Александр Исаевич был в свое время пионером и комсомольцем, присягал, между прочим, вовсе не императору Николаю II, а советской власти, делу партии большевиков и даже, можно сказать, лично товарищу Сталину (в те времена СССР, ВКП(б) и вождь были едины). Правда, его кумирами в зрелые годы были... нет, не цари, а Ленин и Троцкий. А уж они-то революционеры «круче» Сталина.

...Ну ладно, положим, писатель взбешен и не выбирает выражения (увы, для сугубо рационального, весьма ловкого и осмысленного Солженицына такое не характерно). Тем не менее он утверждает: Николай II пытался действовать «для блага России», но то ли по недоразумению, то ли по его недоумию получилось, что он «отрекся в пользу Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — то есть шайки никем не избранного полуинтеллигентского, полуреволюционного отребья».

Тут уж и вовсе остается только руками развести. Разве не известно, в пользу кого отрекся царь?! Мало ли что получилось! Мог ли Николай II предвидеть грядущие события? Нет, конечно. Да и великий князь Михаил при всей непродуманности его отречения передавал власть не Совету, а Временному правительству — до скорого Учредительного собрания.

А в этом самом Совете пребывали, кстати сказать, депутаты, избранные петроградскими организациями рабочих и солдат. Как бы их ни оплевывал через 90 лет писатель, а некоторые из них были не полу-, а вполне нормальные интеллигенты и такие же революционеры. И уж если они дрянь и бездарь, никем не избранная, то как же тогда эта шайка смогла пересилить и монархию, и Временное правительство?!

Мнение Солженицына о 1917 годе и последующей истории России—СССР накладывает тяжелую печать на склад его характера и ума, весь его жизненный путь. Для историка, летописца событий, личное мнение играет второстепенную роль. Но для историософа, их толкователя, оно выходит на первое место. Не стану пересказывать две очень интересные книги Владимира Бушина: «Гений первого плевка» и «Неизвестный Солженицын», где приведены сведения о том, как этот плодовитый писатель был провокатором и грязным доносчиком, а в лагерях — тайным осведомителем; как он постоянно лгал о своем «героическом» пребывании на войне и т.д. Эти факты никто не опроверг, а потому я им верю. (Характерная цитата из труда Солженицына: «Отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым».)

Главное несчастье нашей страны в том, что ее новейшая история продолжает до сих пор извращаться самым гнусным образом благодаря усилиям СМРАП и таких писателей и публицистов, как Солженицын. Когда-то первоначальный почитатель его таланта поэт А. Твардовский сказал ему: «У вас нет ничего святого». И был не совсем прав. Святое для Солженицына, как для множества людей его склада, — он сам.

Спору нет, и в данном его сочинении присутствуют некоторые верные, обоснованные суждения (ядовитые порции лжи

опытный интеллектуальный кулинар дозированно добавляет в свои изделия). Сам того не желая, в «Размышлениях над Февральской революцией» Солженицын убедительно показал, что в 1917 году практически все население России «созрело» для радикальных переворотов, для свержения несправедливой власти.

Не следует думать, будто выразилось это в том, что к тому времени уже не стало Святой Руси. Так может утверждать лишь тот, кто лишен чувства Родины, Отечества.

Благостной сусально-святой Руси не было никогда в природе (это же не Град Небесный!). Достаточно вспомнить о восстаниях Болотникова, Разина и Пугачева, о бесчисленных крестьянских бунтах; достаточно прочесть честных исследователей и классиков нашей великой русской литературы. Но, несмотря ни на что, до 1917 года, после и до сих пор сохраняется Святая Русь. Она не явлена для равнодушного или враждебного глаза. Подобно невидимому граду Китежу, она присутствует в сердцах людей.

Вот секрет наших побед, вот почему наша держава в XX веке не раз побеждала мощнейших врагов. И только к концу героической эпохи изнемогла, поддавшись на пропаганду заморского образа жизни, на дешевые, исчисляемые в долларах ценности западной цивилизации, на лицемерную буржуазную демократию. Вот когда не без помощи писателей, артистов, ученых, киношников, журналистов и прочих, воспринявших такие воззрения, Святая Русь оказалась опошленной и заплеванной прежде всего в их собственных душах. Можно согласиться с мнением писателя, настоящего фронтовика и патриота В.С. Бушина: «А. Солженицын — родоначальник того нравственного разложения, той деградации общества, которые обрушились сейчас на Россию».

Ныне как никогда важно нашему народу вернуть историческую память предельно ясной, чистой, правдивой, а не извращенной в угоду той или иной идеологической установке. Я не собираюсь утверждать, будто постиг истину и вещаю ее без сомнений. Революционный 1917 год всегда будет предоставлять возможность для разных толкований. Но надо уметь развеивать те мифы о нем, цель которых — унижить нашу Родину, наш народ.

Глава 2

ВОЙНА И ОКТЯБРЬ

Тогда раздался новый клич: «Долой
Войну племен, и армии, и фронты;
Да здравствует гражданская война!»
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубились, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Питались человечиной,
Детей засаливали впрок, —
Была разруха,
Был голод.
Наконец, пришла чума...

Максимилиан Волошин

Испытание войной

Многие исследователи событий 1917 года сходятся во мнении, что революционные перевороты произошли по самой простой и печальной причине: русский народ не выдержал тяжелого испытания войной с Германией и Австро-Венгрией.

Испытание было действительно жестоким. Миллионы убитых, искалеченных, отравленных ядовитыми газами, измученных болезнями и ранами. Многое зависело от того, к какой категории общественной иерархии ты принадлежишь и где находишься. Для многих «тыловых крыс» настали времена больших доходов, ловких спекуляций. На фронте положение солдат решительно отличалось от положения офицеров, за которыми был особый уход и на фронте, и в лазарете, и в тылу.

Поэт-офицер Николай Гумилев так выразил свои впечатления:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мёд.

А «ура» вдали, как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это мирное селенье
В самый благодатный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны...

Красиво. И в прозе он высказался в том же духе: «Дивное зрелище — наступление нашей пехоты». Красочно описал это наступление, наблюдая за ним с вершины холма: «Действительно, по слову поэта, нас призвали всеблагие, как собеседников на пир, и мы были зрителями их высоких зрелищ».

Он не представил себя на месте пехотинцев, которые шли навстречу врагам, подставляя голову и тело свое под пули. Бравый кавалерист Гумилев не подумал, что до этого они находились в окопной грязи, изнывая от блох и предчувствия атаки. Над ними не витали серафимы. Оставались родные деревенские убогие избы, тяжкий повседневный труд, родные, для которых, если вернешься инвалидом, станешь обузой... Да и вернешься ли?

Рассказал Гумилев и об одном бывалом унтер-офицере, сделав вывод: «Было бы дико видеть этого человека за плугом или у рычага заводской машины. Есть люди, рожденные только для войны». Что ж это за люди? Профессиональное пушечное мясо? Те, кто всегда готов убивать и быть убитым? Им вроде бы все равно, что это за война, каков ее смысл, ради чего гибнут люди.

Уверен: безмозглых «идеальных» солдат не бывает, если не считать психически больных. Некоторые, конечно, могут смотреть на войну, как на захватывающее зрелище или на профессиональную деятельность. Но для многих миллионов она — горе и беда, которые приходится терпеть, если знаешь, за что рискуешь жизнью или здоровьем.

...Знаменательное событие предреволюционного времени: в начале февраля 1917-го публика артистического петербургского подвала «Бродячая собака», привыкшая ко всяким поэтическим вывертам, была шокирована хлестким выступлением Владимира Маяковского:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

.....

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре б...ям буду
Подавать ананасную воду!

Его слова актуальны и в наши дни. Именно любящим баб, блюда и деньги отдали в угоду нашу Родину и наш народ! Они скупают недвижимость и земли за рубежом, развлекаются с «девочками» на модных курортах...

Впрочем, вернемся к периоду Первой мировой войны. Она была непопулярна у русского народа, ибо велась ради сомнительных целей, обогащая некоторые социальные группы.

Еще одно важное обстоятельство: присяга, данная царю, теряла свое значение после того, как он и его брат отреклись от престола. Сообщалось, что произошла революция. Когда к войскам дошла эта вест, фронтовики в большинстве своем пожелали вернуться по домам, ожидая раздела земли. Лозунг «Земля — крестьянам!» первыми выдвинули эсеры, что позволило им заручиться поддержкой большинства сельского населения.

Среди солдат действовали агитаторы-пацифисты, убеждающие в том, что война несправедливая. Но не следует преувеличивать значение их усилий по дезорганизации армии. Неужели они превосходили значительно более мощную официальную пропаганду? Нет, конечно. Их преимущество было в том, что на их стороне была та правда, которая приходилась по душе солдатам.

Утверждения о том, будто русский народ тогда выродился и не выдержал испытания войной, полностью опровергает Великая Отечественная война. Она продолжалась дольше, была кровопролитней и разрушительней, а наши поражения в первые два ее года были жесточайшими. А народ был тот же самый, русский! Немало советских солдат, офицеров, генералов и маршалов прошли огонь и воду Первой мировой.

Странно получается: один и тот же народ выдержал страшнейшее испытание Отечественной войной, но почему-то не устоял в обстановке значительно менее тяжелой. Кто мешал советским солдатам бросить оружие после проигранных сражений 1941 года, как это сделали, например, бельгийцы и французы, поляки и чехи? В первые месяцы войны стало ясно, что враг значительно сильнее нас. Фашистская армия почти в полтора раза превосходила нашу численно, не говоря уже о превосходстве в технике.

Солженицын удивляется: перебои с доставкой хлеба в Петербург в начале 1917 года привели к бунту и свержению существующей власти, а «тот же самый город в борьбе с той же самой Германией безропотно согласился жить — не одну неделю, но год — не на два фунта хлеба в день, а на треть фунта — и без всех остальных продуктов, широко доступных в феврале Семнадцатого, и никакая революция не шевельнулась».

Для него это необъяснимая загадка. Его ответ: «Теперь-то мы знаем, что никакой голод не вызывает революции, если поддерживается национальный подъем или чекистский террор, или то и другое вместе».

Простое и удивительное по невежеству или моральной ничтожности объяснение устойчивости советской власти и победы в Отечественной войне. Как будто за советскими солдатами стояли чекисты с наганами и гнали их на врага. Только в извращен-

ном воображении национальный подъем может объединиться с террором чекистов. Или то, или другое! Террор подавляет, а не воодушевляет на подвиги.

Да и почему бы вооруженным миллионам не направить свое оружие на гнусного внутреннего врага? Что против них может сделать кучка злодеев, сатрапов Сталина? И что это за исчадия ада, подлинные бесы — чекисты или смершевцы? Им-то что надо? Покуражиться над безответным народом? Во время войны их могла стереть в порошок вооруженная армия, сбросив дьявольское иго. Почему же русский народ этого не сделал?

Наиболее убедительный, подтвержденный всеми историческими событиями ответ на этот вопрос дал Сталин. После капитуляции Германии на приеме в честь командующих войсками Красной армии, увешанных множеством орденов и медалей, их Верховный главнокомандующий (с единственной наградой — звездой Героя Социалистического Труда) предложил последний тост:

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидая родные нам села и города... И народ мог бы уже сказать правительству: вы не оправдали моих ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это... И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»

Ни до, ни после него никто не говорил таких слов благодарности русскому народу. Сказано это не перед миллионными массами, как принято у демагогов, и не по бумажке, подготовленной советниками. Сказано просто и честно, от ясного ума и чистого сердца.

Может быть, он заискивал перед народом? В этом у него не было никакой надобности (можно к случаю вспомнить, что Ленин называл его русским великодержавным шовинистом). Сталин после победы стоял на вершине мировой славы, но ни в одной его речи, ни в одном высказывании не найдешь у него признаков самодовольства, самовосхваления, гордыни.

Кто-то может припомнить нередко звучащее обвинение в его адрес: будто он простых людей обзывал уничижительно «винтики». В таком случае приведенное выше его высказывание следует считать лицемерием. Но обратимся к первоисточнику, где было произнесено это слово.

В июне 1945-го, принимая участников Парада Победы, Сталин произнес: «Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают “винтиками” великого государственного механизма, но без которых мы все — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим».

Верные слова. Сталин понимал, что бедствия войны и послевоенной разрухи ложатся на народные массы, а почести и блага достаются тем, у кого много чинов и высоких званий.

Секрет устойчивости СССР в те времена прост: советский народ доверял Сталину. Так бывает, когда руководитель не раз оправдывает доверие подчиненных. Вот и после войны, несмотря на огромные потери и разрушения, страна невероятно быстро поднялась, промышленность была восстановлена. Рождаемость пришла в норму, смертность уменьшилась, а прирост населения вновь, как и в 30-е годы, стал больше, чем во всех других развитых государствах.

Итак, вернемся к периоду Первой мировой войны. Вряд ли есть основание видеть главную причину Февральской и Октябрьской революций в том, что русский народ не выдержал испытания бедствиями войны. Не столь уж невыносимыми они были. После Русско-японской войны тоже были вооруженные восстания, которые принято называть революцией 1905 года. Но разве тогда в Москве или в Петербурге жители испытывали какие-то особенные бедствия?

Русский народ не выдержал испытания войной, которая разразилась вопреки интересам страны и народа. Овладение Константинополем, например, было идейно обосновано стратегическими или православно-имперскими интересами. Но наш народ, не стремящийся к приращению новых земель к нашей и без того гигантской отчизне, не был вдохновлен перспективой идти за это на смерть.

Главная причина революционных выступлений не в этой несправедливой войне (хотя и она сыграла определенную роль). Более важно, что монархическое, а затем и буржуазно-демократическое Временное правительства утратили доверие русского народа. Он решил взять власть в свои руки. Для этого были использованы опробованные еще в 1905 году, избранные бунтарями революционерами Советы.

За что боролись в Октябре?

«В советской историографии господствовала точка зрения, — писал В.В. Кожинов, — согласно которой, народное бунтарство между Февралем и Октябрем было-де борьбой за социализм-коммунизм против буржуазной (или хотя бы примиренческой по отношению к буржуазному, капиталистическому пути) власти, а мятежи после Октября являлись, мол, уже делом “кулаков” и других “буржуазных элементов”. Как бы в противовес этому в последнее время была выдвинута концепция всенародной борьбы против социализма-коммунизма в послеоктябрьское время — концепция, наиболее широко разработанная эмигрантским историком и демографом И.С. Бернштамом.

И та, и другая точки зрения (и сугубо советская, и столь же сугубо “антисоветская”) едва ли верны».

Вадим Валерьянович убедительно опроверг эти два мифа, имеющие, как нетрудно догадаться, политическую подоплеку. Официальная советская историография еще со времен Сталина планомерно и порой почти с искренним восторгом внедряла в общественное сознание один из главных идеологических мифов о В.И. Ленине — как гениальном вожде мирового пролетариата.

В угоду этой установке события Октября были представлены примерно по такой схеме. Ленин вел за собой к победе социализма передовой отряд пролетариата — партию большевиков. За этим авангардом двигались массы сознательных рабочих и крестьян, нередко в форме солдат и матросов. Остальные представители

простого народа находились в состоянии неопределенности или поддавались на пропаганду «буржуазных элементов».

Было ли нечто подобное в действительности?

В промежуток между февралем и октябрём 1917 года имя Владимира Ильича вряд ли было известно народным массам России. Кто интересовался политикой, тот слышал о нем или даже читал некоторые его работы. Но в основной массе населения преобладали малограмотные или не умеющие читать. Большевики-агитаторы не стремились «рекламировать» Ленина, а его идеи, как мы знаем, в апреле 1917 года далеко не сразу были приняты даже руководящими деятелями партии большевиков.

Широко распространена версия о триумфальном прибытии Ильича в Петроград и пламенной речи с броневика. Однако никакого особенного триумфа не было. Приветствовало его сравнительно немного народа. В отличие, скажем, от возвращения Петра Алексеевича Кропоткина, которого встречала, несмотря на ранний час, гигантская толпа представителей разных партий и просто интеллигенции.

Культ Ленина развернулся во всю ширь после смерти вождя. Мифологизации его образа способствовали многочисленные произведения в стихах и прозе, кинофильмы о нем, его изваяния и портреты, названные его именем улицы, площади, поселки, города, промышленные предприятия, колхозы, пионерская и комсомольская организации, мавзолей, где похоронено его тело. Так правящая партия укрепляла свой авторитет. Ее руководители (включая Горбачева и Ельцина) при случае и без оного истово клялись в верности именно Ленину.

Вполне естественно сложилось общественное мнение о том, что в Октябре восставшие сражались за дело Ленина, под его непосредственным руководством и вдохновленные его идеями. Но было ли так в действительности?

Вот бесхитростные воспоминания П.Ф. Арсентьева, участника Второго съезда Советов. Они были написаны через 5 лет после 1917 года. Он приехал из Крыма в Петроград 20 октября от группы интернационалистов. По его словам, в нее входили те, кто не мог «ужиться в рядах меньшевиков, и те, которым казалось тесно у эсеров». Когда он выступил в Измайловских казар-

мах со словами общего примирения, его прервали и предупредили: «Если хотите остаться живым, к нам не показывайтесь». По его словам, «настроение было определенно большевистское, встречались аплодисментами только те ораторы, которые призывали к свержению Временного правительства».

В общежитии, где он остановился вместе с другими делегатами, «никто определенно ничего не знал, но смутно почувствовалось, что назревают важные события и управлял этими событиями не старый исполком, а кто-то другой, не выступавший наружу». На улицах и площадях собиравшиеся горожане выступали против Временного правительства, за возвращение монархии (!), а рабочие и солдаты — за власть Советов.

Арсентьев побывал 24 октября в Мариинском дворце на заседании Временного совета Республики, где выступил Керенский. Глава правительства сообщил, что завтра ожидается выступление большевиков. Они попытаются захватить власть, но эта авантюра обречена на провал, ибо законное правительство поддерживают многочисленные полки (он их перечислил).

Арсентьев направился в Смольный. «У дверей расставлялись пулеметы и орудия... Перед Смольным большой сад, и уже у входа в этот сад начиналась проверка билетов и документов, и через каждые десять шагов стояли пулеметы... В главном зале шли бесконечные, непрерывные митинги, на которых подготавливались те события, которые разыгрались ночью...

В Смольном из главарей был только тов. Троцкий, тт. Зиновьев и Ленин скрывались... Помню, 25-го я пришел в Смольный, когда говорил в большом зале тов. Троцкий. Он заявил, что в Петрограде власть перешла в руки народа и поэтому свободно могут появиться тт. Ленин и Зиновьев. Эти слова были встречены громом аплодисментов... С речами поочередно выступали и Троцкий, и Ленин, и Зиновьев. Особенно врезалась мне в память бессмертная речь тов. Троцкого... Это был какой-то расплавленный металл, каждое слово жгло душу, будило мысль и рождало отвагу, а говорил он о победе пролетариата. Слушали его с затаенным дыханием, и я видел, как у многих сжимались кулаки, как складывалась определенная решимость пойти за ним беспрекословно, куда бы он ни позвал».

Президиум Съезда избрали из большевиков и левых эсеров, председательствовал Свердлов. Ночью меньшевик Р. Абрамович выступил с протестом по поводу обстрела Зимнего дворца. Позже пришел матрос с «Авроры» и сообщил, что Зимний дворец сдался. Сообщение многими было воспринято с восторгом. Заседание продолжалось до пяти часов утра.

Обратим внимание на то, как воспринял Арсентьев речь Троцкого. Что он извлек из нее? Никаких определенных идей не запомнил, зато был возбужден до крайности словами о полной победе пролетариата, за которую надо бороться. От выступления Ленина у него осталось тусклое впечатление.

Характерное свидетельство Жака Садуля, работавшего тогда во французской миссии в Петрограде. 25 октября он с переводчиком проходил мимо баррикад, охраняемых солдатами. На вопрос, кого они собираются защищать, Временное правительство или большевиков, один из солдат ответил, что поставил их сюда комитет, а с какой целью, он не знает. Конечно, это частный случай, но весьма показательный.

Позже Садуль предположил, что «большевизм не исчез бы с уничтожением большевистских вождей». Очень важное и, по-видимому, верное замечание. Он пояснил: «Россия переживает этап революционной демократии. Огромное большинство армии и, возможно, рабочие и крестьянские массы идет за большевиками. Это большинство, естественно, должно осуществлять свои чаяния».

Какие это чаяния? Он не написал. Его слова о революционном народовластии можно толковать как синоним организованной анархии, то есть отсутствия верховной власти, существование которой предполагал наивный революционер Арсентьев в своих воспоминаниях.

Конечно, существовал Военно-революционный комитет, руководимый Троцким, и прочие руководящие органы. Но они не могли что-либо приказывать конкретным Советам и комитетам, сугубо анархическим организациям, созданным по воле масс на фабриках и заводах, в полках и флотах. Все решалось добровольно.

Ни Троцкий, ни Ленин, ни кто-либо иной не были для них начальниками, приказам которых они обязаны подчиняться бес-

прекословно. Таким еще недавно был царь Николай II, «помазанник Божий». Но когда стали исполнять «Приказ № 1» и демократические распоряжения по армии Керенского, реальная власть перешла к Советам и комитетам. Без их согласия никакие указания или требования большевиков не были бы исполнены. Если они исполнялись, значит, отвечали интересам масс.

Каким интересам? Разным. Первостепенная задача — свержение Временного правительства. В этом были солидарны многие, кроме представителей партий, входящих в него. Даже большинство горожан было недовольно новой властью, желая вернуть старый строй. Так же думали, по-видимому, многие офицеры и генералы, некоторые солдаты и матросы.

Зинаида Гиппиус в дневнике записала разговор доктора И.И. Манухина с группой красногвардейцев (в присутствии комиссара Подвойского), охранявших Петропавловскую крепость.

«Матрос прямо заявил:

— А мы уже царя хотим.

— Матрос! — воскликнул бедный Ив. Ив. — Да вы за какой список голосовали?

— За четвертый (большевицкий).

— Так как же?..

— А так. Надоело уже все это...

Солдат невинно подтвердил:

— Конечно, мы царя хотим.

И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться — солдат вдруг удивился, с прежней невинностью:

— А я думал, вы это одобрите».

Злостная и умная ненавистница большевиков и вообще народных масс, Гиппиус писала о воцарившейся анархии: «В отлучку от бывшего белодержавия это красnodержавие — безликое, массовое». Кстати, тогда вовсе не установилось единоначалие большевиков. Их поддерживали левые эсеры и анархисты, опять же, имевшие свои собственные интересы в осуществленном перевороте.

Большинство солдат, рабочих, матросов вряд ли стремились к социализму. Когда они высказывались за царя, это следовало бы понимать как желание иметь устойчивую власть.

В то же время им были понятны и близки лозунги: «Мир — народам!», «Земля — крестьянам!», «Хлеб — голодным!», «Рабочее управление — заводам!». Их взяли на вооружение большевики, и не ошиблись.

Общее воодушевление поддерживала надежда не на какую-то личность, а на свержение слабой власти и установление порядка. Это вполне отвечало намерениям большевиков осуществить государственный переворот. Они оказались на гребне революционной волны не потому, что сами ее подняли. Ленин чутко уловил ее подъем и направление, а затем умело использовал общее устремление масс в своих целях. Но — не более того.

Все ли участники Октябрьского переворота были высокоидейными борцами за свободу, равенство, братство и справедливость? Как во всякой общественной смуте, была разногласия мнений, стремлений. В пьесе Маяковского «Клоп» бывший пролетарий Присыпкин реализовал свою мечту о красивой жизни: «За што я боролся? Я за хорошую жизнь боролся. Вон она у меня под руками: и жена, и дом, и настоящее обхождение... Может, я весь свой класс своим благоустройством возвышаю. Во!»

Были такие люди среди красногвардейцев? Безусловно, были. Но в тот момент они вряд ли рассуждали так примитивно и определенно. Хотя кому-то, как принято считать, из уголовных элементов видимое безвластие под лозунгом народовластия предоставило возможность грабить магазины и винные склады, «экспроприировать» в личных целях чужие ценности (Подвойский подчеркнул, что при взятии Зимнего дворца пришлось принимать меры по его защите от разграбления).

Миф о победоносной революции не может обращать внимание на такую низменную правду. А контрреволюционный миф, напротив, включает в себя все наиболее мерзкое, преступное, ужасное, что сопровождает подобные общественные катастрофы.

Впору вспомнить о художниках, изображающих набегавшую волну. Она чиста и прозрачна, пронизана солнечными лучами. Даже когда венчает ее пенный гребень, а высота становится угрожающе большой, в ней играют светлые блики в аквамариновой глубине. Хотя в действительности такая волна несет с собой содранные лохмы водорослей, муть и песок, мусор...

Итак, повторю: Октябрьскую революцию можно называть социалистической лишь условно и в ретроспективе, в угоду сложившейся позже мифологии. В первые месяцы, даже годы она таковой не являлась. Это был вооруженный захват власти, свергнувший более или менее законное правительство. Большинство из тех, кто совершил этот переворот, не имели перед собой сколько-нибудь четко обозначенных целей социалистического преобразования общества.

Можно было бы разделить этих людей на группы по интересам и целям. Таких групп будет, пожалуй, больше десятка. В некоторых случаях они противоположны по идее: одни готовы вернуться к монархии, другие намерены строить невиданный доселе социализм; одних вдохновляют вселенские цели мировой революции, других — личные корыстные интересы. Сходятся все лишь в стремлении совершить революционный переворот, свергнуть обманувшее их ожидания Временное правительство. Боролись в первую очередь за это, а результаты...

Увы, результаты оказались такими, какие вряд ли кто ожидал. Даже те, кому в конце концов досталась власть — большевики во главе с Лениным, — оказались в трагическом положении, как вся Россия.

Заговор генералов?

Октябрьский переворот был естественным продолжением февральского. А кто был одним из инициаторов отречения царя? Генералы. Учтем еще один интересный факт: во время Гражданской войны на стороне Красной армии была почти половина бывших царских генералов и военной элиты — офицеров Генерального штаба.

Как это толковать?

По мнению историка О.А. Платонова, они выполняли указания масонов. В таком случае, царские генералы по меньшей мере русофобы, глупцы и негодяи, изменившие присяге и Отечеству.

Олег Платонов написал о «предательстве военного командования» под влиянием масонов — генералов Алексеева и Рузского.

Значительно более серьезный историк — В.В. Кожин — подчеркнул другое: «Все главные создатели и вожди Белой армии были по самой своей сути “детьми Февраля”». Ее основоположник генерал М.В. Алексеев (с августа 1915-го до февраля 1917-го — начальник штаба Верховного главнокомандующего, то есть Николая II; после переворота сел на его место) был еще с 1915 года причастен к заговору, ставившему целью свержение Николая II, а в 1917-м фактически осуществил это свержение, путем жесткого нажима убедив царя, что петроградский бунт непреодолим и что армия-де целиком и полностью поддерживает замыслы масонских заговорщиков.

Главный соратник Алексеева в этом деле, командующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский (который прямо и непосредственно “давил” на царя в февральские дни), позднее признал, что Алексеев, держа в руках армию, вполне мог прекратить февральские “беспорядки” в Петрограде.

В мемуарах внука Николая I великого князя Александра Михайловича, одного из основоположников русской авиации, утверждается: «Генерал Алексеев связал себя заговорами с врагами существующего строя».

Однако сваливать все на него несправедливо. Ведь он разослал телеграммы всем командующим фронтами с вопросом, как они относятся к возможности отречения царя от трона. Только в одном случае ответ был в пользу государя. Все остальные высказались за отречение, за исключением адмирала Колчака, который промолчал (в данном случае — знак согласия).

Вот как толкует это Солженицын:

«Такое единое согласие всех главных генералов нельзя объяснить единой глупостью или единым низменным движением, природной склонностью к измене, задуманным предательством. Это могло быть только чертою общей моральной расшатанности власти. Только элементом всеобщей образованной захваченности мощным либерально-радикальным (и даже социалистическим) Полем в стране. Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии сгустились — и пронизы-

вали, и подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хотя начатками его».

В данном случае имеется в виду Поле не русское, геофизическое или электромагнитное, а какое-то особое общее моральное состояние умов, помраченных просвещением. Странно только, что ни до, ни после этого столь губительное явление не проявило себя, хотя эпоха Просвещения для господствующих классов в России завершилась еще в начале XIX века. И куда же сгинуло мощное монархическое Поле? Разве не было оно традиционным в стране не десятки, а сотни лет? Разве не оно мощно поддерживалось государством и Церковью? Разве не в монархическом духе воспитывались все русские генералы?

Даже серьезный и вдумчивый исследователь Вадим Кожин не учел некоторые важные факты. Да, генералы Алексеев, Корнилов и Деникин, адмирал Колчак были «детьми Октября», сделали себе головокружительную карьеру после свержения царской власти. Но это еще не означает, что они стали ее противниками. Их спрашивали не о свержении существующего строя, а о целесообразности иметь нового царя вместо теряющего или утратившего авторитет Николая II с его супругой, скомпрометированной близкой «дружбой» с Распутиным.

Нет никаких оснований полагать, что кто-то из этих генералов и адмиралов был противником если не самодержавия, то конституционной монархии. Алексеев вряд ли стремился к отрешению Николая II ради того, чтобы занять его пост Верховного главнокомандующего. Предполагался новый законный государь — Михаил. Готовились присягать ему на верность.

Для меня остается загадкой поведение этих высших военных чинов. Называть их радикальными либералами, а тем более социалистами нет никаких оснований. И «мозги... тронутые просвещением», тут тоже ни при чем.

Генерал Алексеев был кадетом или, во всяком случае, сторонником этой партии. Возможно, наибольшим «демократом» среди «заговорщиков» был лишь один адмирал. По сведениям, приведенным в мемуарах военного министра Временного правительства генерала А.И. Верховского: «Колчак еще со времени японской войны был в постоянном столкновении с царским

правительством и, наоборот, в тесном общении с представителями буржуазии в Государственной думе». Когда в июне 1916 года Колчака назначили командующим Черноморским флотом, это было сделано «в обход целого ряда лично известных царю адмиралов и несмотря на то, что его близость с думскими кругами была известна императору... Выдвижение Колчака было первой крупной победой этих кругов».

Может быть, таким назначением Николай II хотел укрепить свой авторитет среди депутатов Думы? Трудно сказать. При дворе закручивались различные интриги, разобраться в которых мне, например, невозможно. Одно ясно: царь сам назначал своих военачальников. Если они не были ему верны, то это свидетельствует прежде всего о его непредусмотрительности. Хотя существовали объективные обстоятельства, заставившие этих людей выступить против своего царя, которому они были обязаны своей карьерой.

Какие это обстоятельства?

Склонить Николая II к отречению некоторые генералы и савановники собирались еще в 1915 году. Почему? Что заставляло их принимать такое решение? Неужели они подрубали сук, на котором сидели, монархию? Разве кто-то мог им гарантировать сколько-нибудь значительные посты после ее свержения? После Февральской революции «взошла звезда» Корнилова, Колчака, Деникина, Алексеева. Но более 150 царских генералов и адмиралов было отправлено в отставку. Немногие из тех, которые поднялись в должности, не были беспринципными карьеристами, которых не волновала судьба России.

Заговор царских генералов и адмиралов если и существовал, то не как тайная организация, а как стихийно сложившееся убеждение в том, что Николай II не может оставаться на троне. Чем оно было вызвано? Мне кажется, убедительный ответ дал наш выдающийся философ Н.А. Бердяев:

«Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что Февральская революция свергла монархию в России. Монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников.

Религиозные верования народа, которыми держалась монархия, начали разлагаться. Нигилизм, который в 60-е годы захватил интеллигенцию, начал переходить в народный слой. Полуинтеллигенция, вышедшая из народного слоя, была решительно атеистической и материалистической. Озлобленность была сильнее великодушия. Церковь потеряла руководящую роль в народной жизни. Подчиненное положение церкви в отношении к монархическому государству, утеря соборного духа, низкий культурный уровень духовенства — все это имело роковое значение. Не было организующей, духовной силы. Христианство в России переживало глубокий кризис.

Роковой фигурой для судьбы России был Распутин. Распутин вышел из народа, принадлежал, по-видимому, к секте хлыстов и обладал, несомненно, мистической одаренностью. Про него говорили, что он обладал дарованиями, которые делают человека старцем и святым, но он употребил эти дарования на зло. В нем сосредоточилась страшная тьма русской жизни. Отношения между царем и Распутиным представляют гораздо более глубокое явление, чем обыкновенно думают.

Последний русский царь — фигура трагическая, он жестоко расплатился за зло прошлого, зло, совершенное династией. Он искренно верил в мистический смысл царской власти. И он мучительно переживал разрыв между царем и народом, изоляцию царя. Он хотел соединения с народом. Царь не имел никакого общения с народом, он был отделен от народа стеной всемогущей бюрократии, между тем как он мистически чувствовал себя народным царем. И вот он впервые встретился с народом в лице Распутина. Это первый человек из народа, который получил непосредственный доступ ко двору. Царь и царица (особенно она) поверили в Распутина, как в народ. Он стал символом народа, религиозной жизни народа.

Царь искал религиозной опоры в трагических событиях своего царствования, он хотел поддержки Церкви. Он не находил поддержки в высшей иерархии, потому что она рабски зависела от него самого. Распутин же представлялся ему народным православием, которое не зависит прямо от царя и может быть поддержкой для него. И, цепляясь за Распутина, как за народное

православие, царь и царица, имевшая огромное влияние, поставили Церковь в зависимость от хлыста Распутина, который назначал епископов. Это было страшное унижение Церкви, и это совершенно компрометировало монархию.

Распутин, мужик, нравственно разложившийся от близости ко двору, окончательно восстановил против монархии даже консервативные дворянские круги русского общества. Во время войны, перед февралем 1917 года, все слои общества, кроме небольшой части высшей бюрократии и придворных, были если не против монархии в принципе, то против монарха и особенно против царицы. Это был конец династии.

Монархия в прошлом играла и положительную роль в русской истории, она имела заслуги. Но эта роль была давно изжита. Религиозно обоснованная русская монархия была осуждена свыше, осуждена Богом, и прежде всего за насилие над Церковью и религиозной жизнью народа, за антихристианскую идею цезаропапизма, за ложную связь церкви с монархией, за вражду к просвещению».

Если согласиться с основными положениями Н.А. Бердяева, приходишь к выводу: формально неорганизованный «заговор генералов» имел целью спасти, а не уничтожить монархию. Быть может, попытка была нелепая или даже преступная в смысле отказа от присяги и превышения своих должностных полномочий, но она ни в коей мере не была направлена против интересов России.

Беда генералов была в том, что к тому времени государственная система страны рушилась. Возможно, действия генералов, вынудивших Николая II отречься от престола в пользу брата, ускорили события. Хорошо это или плохо, можно гадать, но не доказать.

...Есть одно обстоятельство, заставляющее взглянуть на генералов-заговорщиков с другой стороны. Ведь их вдохновители — Алексеев и Рузский, — согласно сведениям Н.Н. Берберовой, состояли в масонской «Военной ложе» (первый вышел из нее в 1917 году). И хотя некоторые исследователи не согласны с ней, вряд ли можно оспорить мнение о том, что масоны организовали заговор против Николая II, были активными участниками событий, происходивших в феврале-марте и составили основное ядро Временного правительства.

Козни масонов?

Наиболее обстоятельно, темпераментно и безапелляционно заявил о заговоре масонов против России О.А. Платонов. Он с умилением пишет не только про царя и царицу (с заглавных букв!), но и про их поистине черного демона Григория Распутина, убийством которого заговорщики, по его словам, «хотели деморализовать Царя».

В его изложении ситуация до наивности проста. К Февральской революции причастны были две тайные силы: «Либерально-масонское подполье и германо-большевистский (диверсионно-шпионский) альянс». Последний организовал февральские беспорядки, а «либерально-масонское подполье с радостью поддержало антирусское восстание, руководимое германскими агентами и большевиками, пытаясь использовать его плоды в своих интересах».

У О.А. Платонова с полнейшей определенностью — на уровне веры — оформилась концепция революции как продукта тайного заговора. Под нее он подбирает факты, не давая себе труда обдумать их как-то иначе. По его словам, с 27 февраля Петроград «очутился в руках подрывных и просто уголовных элементов и пьяных солдат. Очевидцы рассказывали, что в некоторых местах толпы вооруженных, большей частью пьяных солдат, матросов и евреев, врываются в дома, проверяли документы, отбирали оружие у офицеров и попутно крали, что могли».

Занятно, что после революционных солдат и матросов названы не рабочие-пролетарии, не просто горожане, а люди определенной национальности. Будто Петроград был наводнен евреями, которым покорно подчинялись тупые пьяные и вороватые русские. Считающий себя православным, искони русским патриотом О.А. Платонов наиболее скверно отзывается о русском народе, в сравнении с которым ненавистные ему евреи выглядят просто умниками и ловкачами, которые использовали дурные качества русских в своих корыстных интересах.

«Почему же февральская революция удалась?» — задает риторический вопрос Платонов. И отвечает: «А потому, что, кроме антирусского движения снизу, представленного революци-

онной бесовщиной и германскими агентами, развилось одновременно антирусское движение сверху — участников масонского заговора против Царской власти».

Замечательное в своем роде объяснение исторического процесса! Какая же антирусская мощная общественная сила, вдохновленная бесовщиной, действовала снизу? Этой силой могли быть только солдаты, матросы, рабочие. Присовокуплять сюда евреев нелепо, ибо никакого массового движения они в Петрограде не организовывали, а присутствовали среди восставших и бастующих в ничтожном количестве.

Выходит, антирусским был... русский народ! Полная нелепость? Не совсем. В таком утверждении можно усмотреть проявление недовольства и возмущения (не осознанного, но тем более показательного) этим самым народом, восставшим против господ и власти, освященной Церковью. Он не проявил покорности, терпения и самопожертвования в тяжкие годы войны. Иначе говоря, не пожелал быть быдлом, тупым стадом, послушным своим погонщикам и хозяину.

О подобных взглядах писал перед Октябрем в «Новом Сатириконе» поэт Василий Князев:

Сужденья черпая из книжек,
Творили собственный народ,
И был приятен им, как рыжик,
Духами вспырынутый Федот.
И вдруг — ужасная картина!
Под топорами пала дверь...
На место ангела — скотина!
На место брата — лютый зверь!!!
Ах, ах! какое превращение,
Где ж русский добрый наш народ...
И вот уж полон возмущенья
Интеллигентский бедный крот.

В своей благостной и беззаветной любви к представителям царской власти О.А. Платонов, который вряд ли относится к потомкам Романовых или Рюриковичей (эти потомки более

трезво смотрели на свое происхождение), незаметно для себя превратился в ненавистника русского народа. Так писатель-историк, выросший, воспитанный и получивший образование в СССР, знающий о царской России лишь по книжкам, да и то выборочно, превращается в монархиста без царя...

Можно возразить: он же пишет об отдельных отвратительных явлениях, о нехороших русских людях, отравленных революционной пропагандой, предавших царя и Российскую империю, в сущности, о государственных преступниках. А у меня возникает образ характерного для нашего смутного времени интеллигента, вскормленного и воспитанного при советской власти, получившего бесплатное среднее и высшее образование, вряд ли утруждавшего себя непосильным физическим или умственным трудом. И этот человек выступает, сам того не сознавая, в полном соответствии с политикой давних и беспощадных врагов России, выставляющих в мировом общественном мнении СССР как империю зла, а русский народ — как тупое рабское стадо, подверженное бесовщине и всяческим порокам.

«Силы, которые настаивали на уходе Царя, — утверждает Олег Платонов, — не хотели ни победы, ни спасения России, им нужен был хаос и гибель страны. Они готовы были их сеять за иностранное золото».

Не знаю, кто же из тех, кто настаивал на отречении Николая II, продавал Россию ради получения иностранного золота. Алексеев или Рузской, Гучков или Шульгин, кто из генералов или адмиралов? Отчасти — Колчак, да и то с оговоркой. Можно ли назвать конкретные фамилии с указанием полученной или предполагавшейся суммы? Кто из них обоготился после отречения? Никто. Выходит, их обманули свои же масоны? Зачем этим людям нужен был хаос и гибель страны?!

Возможно, следовало бы иметь в виду германского агента (по слухам) Ульянова-Ленина. Но он не мог настаивать из своего швейцарского убежища на уходе царя и даже не предвидел, что это событие свершится так быстро. О его агентурной деятельности в пользу германского Генштаба и за его золото мы поговорим особо. А пока придется сделать вывод: концепция масонского заговора, якобы направленного на уничтожение России, выглядит голословной.

Они хотели свергнуть конкретно Николая II и добились этого? Бесспорно. Но если его отречение считать актом уничтожения России, то вся тяжесть вины за такое злодеяние ложится на царя. Он отказался от престола даже не под угрозой смерти и вопреки установленному порядку. Не отрекся же Павел I, предпочтя умереть императором (а Николай II после отречения стал гражданином Романовым).

Ряд влиятельных деятелей Февральской революции, а также многие члены Временного правительства были масонами, это факт. Но он ничего не доказывает по существу. Масонских лож было в нашей стране и за рубежом немало, и вряд ли все они входили в единую глобальную сеть, руководимую извне какими-то извечными врагами Российской империи.

О.А. Платонов утверждает: «Русское масонство в силу своей зависимости от зарубежных масонских орденов было средоточием лиц, лишенных национального сознания, а нередко просто откровенно антирусской ориентации. Для многих из них масонство было формой русофобии — ненависти к русскому народу и его традициям, обычаям и идеалам, попрания национальных интересов России. В масонстве русская интеллигенция отчуждалась от русского народа, уходила от него в подполье, выдумывая там разные проекты и комбинации “обустройства” России на западный лад».

Но, как показано выше, отношение современного представителя интеллигенции О.А. Платонова к русскому народу по сути своей негативное, если он считает, что наш народ совершал революции как тупое стадо, послушное воле кучки тайных агентов Запада.

Спору нет, многие масоны были влиятельными общественными деятелями и отчасти определяли внутреннюю и внешнюю политику страны. Они входили преимущественно в буржуазные партии — кадетов и октябристов, а некоторые пребывали в рядах эсеров и меньшевиков. Это давало им возможность в той или иной степени координировать действия различных партий.

В 1910 году российские масонские ложи образовали ассоциацию «Великий Восток народов России». Среди ее представителей были поляки, армяне, евреи, грузины и даже украинские сепаратисты, хотя абсолютное большинство составляли рус-

ские. Поправление национальных интересов России не входило в их планы. Во внешней политике они хотели продолжения войны в союзе с Англией и Францией. Во внутренней — свержения самодержавия (но оно перестало реально существовать после либеральных реформ и выборной Думы), установления парламентской республики или по меньшей мере конституционной монархии британского образца.

Масоны представляли интересы почти исключительно крупной буржуазии, отечественного и зарубежного, преимущественно французского и английского, капитала. В этом смысле они являются частью международной элиты, которую можно назвать Глобальными Владыками (сокращенно — ГВ). Вся эта вселенская накипь, поглощающая гигантскую часть национальных богатств почти всех стран, едина лишь в своей истовой вере в капитал, частную собственность на все, что есть на свете, и в материальные богатства.

Во единого бога-творца —
Золотого тельца,
Жизнь дающего полною мерою,
Верую.
В чудотворный процент,
Силу вкладов и рент,
С их влияний чудовищной сферою,
Верую.
В благородный металл,
Во святой капитал,
Возносящий над участью серою,
Верую.

Вот символ веры (стихами Василия Князева) этих самых ГВ и тех, кто им прислуживает и завидует, кто их превозносит. Но все ли масоны были столь убогими в своих устремлениях? Очень сомневаюсь. Среди них были люди разных убеждений и устремлений. Не следовало бы слишком переоценивать их единство и влияние на ход мировой истории. Он определяется не деятельностью тайных обществ, а несравненно более могучими

силами. Недаром в народе в подобных случаях было принято ссылаться на Божью волю, так же как в Древней Греции — на силу Рока.

...Миф о масонах как всемирных тайных владыках существует давно и распространяется, возможно, самими масонами в качестве своеобразной рекламы. Власть над умами приобретается не столько силой мысли, сколько умелой пропагандой. Совершенно секретная организация, о которой слишком многое известно, которой посвящены многочисленные книги и статьи, выглядит весьма странно. То ли то, что о ней пишут, — домыслы и материалы, специально предоставляемые масонами для каких-то их скрытных целей; то ли она представляет собой своеобразную всемирную «партию», имеющую множество секций; то ли это всего лишь различные общества или клубы «по интересам» весьма влиятельных лиц.

Признаться, я не специалист по масонству. Но то, что знаю о них, вовсе не свидетельствует об их идейном единстве и стремлении разрушать общественные устои на пути к мировому господству. Среди них встречались не только знаменитые, но и достойные люди, выдающиеся мыслители. Напомню о двух из них.

Гёте отзывался о целях масонов так: «Мы говорим, что человек должен научиться мыслить без внешних опор. Он должен искать спокойствия не в обстоятельствах, но в самом себе. В себе он и обретет его, любовно его питая и взращивая». Вполне возможно, что немалая часть тех, кто вступал в масонские ложи, искренне стремились приобщиться к «высшим тайнам», найти духовную опору в себе. Но были, конечно, и стремившиеся заручиться поддержкой влиятельных лиц, карьеристы и честолубцы. Не исключены среди русских масонов и агенты влияния иностранных держав. Но разве все это не характерно для любых партий?

В «Философии масонства» Фихте изобразил портрет идеального масона: «Его ум совершенно ясен и свободен от предрассудков. Он господин в царстве идей и охватывает взором широкое поле человеческих истин...

Он не навязывает никому своего света, но он всегда готов поделиться им со всяким, кто того пожелает. Свет — это единственное, что он берет с собой в путь... Он справедлив, совестлив и

строг по отношению к самому себе. Его добродетель столь же естественна и, я бы сказал, вызывающе пряма, как и его мудрость...

На этой земле он живет, надеясь на лучший мир. И эта вера уже сама по себе наделяет его жизнь смыслом и красотой. Но он не навязывает свою веру ни одному человеку. Напротив, он несет ее в себе, как скрытое от любопытного взора сокровище».

Спору нет, идеал остается в области религиозной — как недостижимый образец. Но его вряд ли можно назвать дурным, не достойным мыслящего и честного человека. Правда, переход в область религиозную, который позволяют себе масоны, чреват конфликтами с традиционными верованиями, в частности, с христианством, исламом, иудаизмом, атеизмом. Кроме того, влиятельные масонские объединения могут угрожать правящим группировкам. Поэтому отношение к масонству со стороны властей может быть резко отрицательным.

Историк масонства, наш современник Микеле Морамарко отозвался о нем возвышенно: «Быть может, эта этико-духовная самодисциплина человека, устремившегося через созерцание и размышления к самосовершенствованию, чтобы положить в кладку строящегося всемирного храма свой обработанный камень, и является самой главной тайной масонства. Созидание Храма ведь никогда не будет завершено, оно вечно. Храм только строится, а строясь, постоянно совершенствуется.

Так думаем мы, мыслящие словами. За горизонтом слов — дело, бесконечная вселенная образов».

Но реальные дела, конечно же, не просто за горизонтом слов и образов, а вне их, но в то же время в связи с ними. Вот и роль масонов в историческом процессе, в судьбах стран и народов окутана флером таинственности. По словам того же автора, «масонство стало как бы неким фантомом общественного сознания».

Следы деятельности или влияния этой тайной организации можно при большом желании и определенном навыке отмечать повсюду. Но с не меньшим основанием допустимо и вовсе пренебречь ее существованием как слишком малой величиной в масштабах динамики крупных общественных сил и человеческих масс. Тут многое зависит от нашего представления о природных и социальных процессах.

Чрезмерное увлечение поисками «масонского следа» в истории сужает горизонт познания, искажая картину реальности.

Что следует из того, что Временное правительство состояло практически целиком из масонов? Означает ли это, что они свергли царскую власть и произвели революцию?

Замечательный исследователь российской истории В.В. Кожин написал: «Масонам в Феврале удалось быстро разрушить государство...» С этим утверждением нельзя согласиться. Тайное общество заговорщиков, напрочь отделенное от народа, способно совершать террористические акты или произвести дворцовый переворот, не более того. Государственные устои от подобных акций не меняются. Для их крушения и перестройки требуется не только провозгласить, но и реализовать радикальные реформы. Подобную задачу в принципе не может решить любое временное, то есть не облеченное всей полнотой власти на длительный срок, правительство.

Оказывали масоны влияние на политику России? Да, безусловно. В чем это выражалось? Мне кажется, главным образом в полной поддержке интересов Франции как союзника в войне против Германии и Австро-Венгрии, а также в либерально-демократических целях и провозглашении Российской республики.

Масонам удалось воспользоваться смутой и создать свое Временное правительство. Были у них связи и с Советом рабочих и солдатских депутатов. Но означает ли все это, что они управляли событиями в период от Февраля к Октябрю? Нет. Они могли что-то корректировать, не более того. Обладали они реальной властью в столице, крупных городах и во всей России? Нет. Это убедительно доказала легкость их свержения.

Как вы полагаете, могла ли кучка бессовестных, корыстных и беспринципных масонов (будь их хоть тысячи) вершить судьбу Великой России? Если ответ положительный, тогда следует признать: русский народ в те времена, или даже раньше и позже, — жалок и беспомощен, так же ничтожен, как и его держава, которую смешно и нелепо называть Великой.

Мое мнение — прямо противоположное.

«Еврейская революция»?

Так назвал в 1921 году Октябрьский переворот адвокат и публицист Н.П. Карабчевский. Считать его антисемитом нет оснований. Он успешно защищал Менделя Бейлиса, обвиняемого в ритуальном убийстве христианского мальчика. Это шумное дело с национально-политический подоплекой слушалось в Киеве в 1913 году, вызвав сильный резонанс в России и за рубежом. В Петербурге А.М. Горький и В.Г. Короленко организовали комитет, выступавший против антисемитизма.

Короленко, который всегда клеймил позором национал-шовинизм, написал в своем дневнике (март 1919 года): «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает. Наглости много и у не-евреев. Но она особенно бросается в глаза в этом национальном облике».

Во время разгула украинского национализма в том же дневнике он особо выделил, с крайним возмущением, убийства еврейских семей, сделав вывод: «В повстанческом движении заметны ненависть к коммунизму и... юдофобство, — “Мы теперь под властью жидов”. Они не видят, что масса еврейская разных классов сама стонет под давлением преследования, реквизиций и произвола».

Настоятель епископальной церкви в Петрограде, американец, доктор богословия А. Саймонс писал вскоре после революции: «Многие из нас были удивлены тем, что еврейские элементы с самого начала играли такую крупную роль в русских делах... Я не хочу ничего говорить против евреев как таковых. Я не сочувствую антисемитскому движению... Я против него. Но я твердо убежден, что эта революция... имеет ярко выраженный еврейский характер».

Казалось бы, все это — далекое прошлое. Однако в наши дни нередко можно услышать, что революцию в России совершили евреи или некие «жидомасоны». Уже сама эта кличка более всего подобна клейму, имеющему явный след антисемитизма. Можно с негодованием отвергнуть ее, однако полезней обратиться к

рассудку. Перед нами определенная точка зрения, а то и глубокое убеждение или не менее катастрофическое заблуждение.

Возможно, произошла подмена одних масонов, преимущественно русских, на других, которых антисемиты называют «жидомасоны», а интеллигенты — «иудеомасоны». Один из представителей первой группы горячо доказывал мне, что руководители большевиков принадлежали именно к этой разновидности масонства, молот и серп — масонские символы, пятиконечная звезда — клеймо антихриста. Попытался ему объяснить: у масонских лож множество символов (некоторые из них — на американских долларах); советские серп и молот выражают единство крестьян и рабочих, а звезда антихриста перевернута двумя рогами вверх, типа рогов козла... Не уверен, что он принял к сведению мои доводы. У него уже сложилось простейшее объяснение тому, что произошло с нашей страной и кто в этом виноват.

Некоторое оправдание мифа о «иудеомасонах»: значительное число евреев находилось в высшем партийном руководстве (Троцкий-Бронштейн, Свердлов, Зиновьев-Радомысльский, Каменев-Розенфельд, Урицкий, Сокольников-Бриллиант, Володарский-Гольдштейн, Стеклов-Нахамкис), а также в карательных органах. Однако никто из них вроде бы не был масоном. Кстати, эта организация в СССР была запрещена, участие в ней каралось как государственное преступление.

И все-таки хотелось бы выяснить, не была ли Октябрьская революция в действительности не социалистической, а еврейской?

Наш крупный мыслитель отец Сергей Булгаков, вынужденный с 1922 года жить в эмиграции, писал: «Еврейство в своем низшем вырождении, хищничестве, властолюбии, самомнении и всяческом самоутверждении совершило... значительнейшее в своих последствиях насилие над Россией и особенно над Святой Русью, которое было попыткой ее духовного и физического удушения. По своему объективному смыслу это была попытка духовного убийства России».

Надо ли это понимать как подтверждение версии «еврейской революции»? Вряд ли. Во-первых, сказано о «низшем вырождении» еврейства, то есть об отщепенцах, не представляющих всей данной нации, действующих ей во вред (в этом смыс-

ле его замечание вполне относится и к нашему времени). Во-вторых, он писал в прошедшем времени, о попытке; следовательно, она так и не была в то время реализована. В-третьих, речь идет не о том, что эти люди совершили Октябрьскую революцию, а об их попытке использовать ее в своих целях.

Версия «еврейской революции» выглядит чрезмерно примитивной и далекой от реальности. Она обязана своим появлением либо узости мысли, либо непониманию сути крупных общественных переворотов, либо презрению к народным массам. Неужели русский народ настолько безволен и духовно жидок, что его легко и просто увлекают в неистовый, бездумный бунт и самоубийственную междоусобицу представители одного из национальных меньшинств Российской империи?!

Тут бы кстати вспомнить о роли в революционном движении и установлении советской власти латышей, поляков, грузин, армян, татар... Целый «интернационал»! Или свет клином сошелся на одних только евреях?

До середины 1920-х годов в карательных органах евреи занимали невысокие посты. А среди руководителей, как справедливо отметил В.В. Кожин, преобладали поляки и прибалты (Дзержинский, Петерс, Менжинский, Уншлихт и др.). «Только в 1924 году, — писал он, — еврей Ягода становится 2-м заместителем председателя ОГПУ, в 1926-м возвышается до 1-го зама, а 2-м замом назначается тогда еврей Трилиссер. А вот в середине 1930-х годов и глава НКВД, и его 1-й зам (Агранов) — евреи». И на менее высоких должностях в карательных органах того времени преобладали представители этой национальности.

Осенью 1934 года в «Известиях» сообщалось о присвоении высших званий двадцати работникам НКВД. Из них 11 были евреями, включая Генерального комиссара (маршала), и лишь 4 (!) русскими. Это не объяснишь каким-то особым интеллектом представителей данной национальности. В органах НКВД требовалось в первую очередь нечто другое. Широкое представительство евреев разумнее считать их взаимной поддержкой.

Обратим внимание на то, что за последние два десятилетия не 1920-е годы, а 1937 год стал преподноситься в наших СМРАП как символ страшного политического террора! Но в этом прояв-

лении государственного терроризма (непомерно преувеличенном по масштабам) «еврейский след» обозначен более отчетливо, чем во время революции!

Не удивительно, что в 1917 году против царской власти и Временного правительства активно выступали представители евреев и других малых народов России, не говоря о многочисленных украинцах. Они возмущались ущемлением своих прав (насколько это было обоснованно — другой вопрос). Однако революционные перевороты 1917 года, как мы уже не раз подчеркивали, происходили на волне анархического движения народных масс, где безусловно преобладали русские.

«Сионист М.С. Шварцман, — писал В.В. Кожин, — определил оказавшихся у власти в октябре 1917 года евреев как играющих “отвратительную” роль “отщепенцев” и “преступников”. Могут возразить, что гонения на сионистов со стороны большевистской власти и позже были гораздо менее последовательными и жестокими, нежели гонения на национально мыслящих русских людей. Это действительно так, и имелись, очевидно, две причины более “мягкого” отношения власти к еврейским “националистам”. Во-первых, противостояние власти и сравнительно немногочисленных (в соотношении с русскими) национально ориентированных евреев не представляло грозной опасности для большевиков, а во-вторых, сказывалось, конечно, единство происхождения, племенная солидарность».

Не следует, однако, преувеличивать пресловутую племенную солидарность. По справедливому суждению историка и философа Л.П. Карсавина, евреев (добавим: и не только их) можно разделить на три группы. 1) Ориентированных на свою национальную культуру. 2) Ассимилированных той или иной культурой страны, где они проживают и которую считают своей родиной. 3) Интернационалистов, выступающих как нигилисты и разрушители любой традиционной национальной культуры. Они-то и были революционерами.

В этой связи вспомним прекрасного поэта, человека русской культуры Осипа Мандельштама. По его словам, русский язык не поддавался западным, латинским влияниям; это придавало ему «самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну сво-

бодного воплощения, **и потому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью**».

Весной 1933 года поэт писал в стихотворении «К немецкой речи»:

Себя губя, себе противореча,
Как моль летит на огонек полночный,
Мне хочется уйти из нашей речи
За все, чем я обязан ей бессрочно.

Есть между нами похвала без лести
И дружба есть в упор, без фарисейства —
Поучимся ж серьезности и чести
На западе у чуждого семейства...

Летом того же года под воздействием рассказов о бедствиях в российской деревне при коллективизации, а также ужесточении карательных мер в стране (направленных преимущественно против так называемых русских, украинских и белорусских националистов) он написал настоящий пасквиль на Сталина. В нем было: «Его толстые пальцы, как черви, жирны, / И слова, как пудовые гири, верны, / Тараканьи смеются глазища, / И сияют его голенища». Как тут не отметить, что у Сталина была тонкая кисть и сухие пальцы, да и глаза не тараканьи (так же как усищи). В другом варианте вождь СССР назван «душегубом и мужикоборцем».

За подобные «вольности» (или за русский великодержавный шовинизм?) он был арестован и подвергся... Нет, не казни, а высылке из Ленинграда в город Чердынь Пермской области, а оттуда и вовсе в Воронеж. Это можно понимать как предупреждение: будь осмотрительней!

Побывав пару лет в российской относительной «глубинке», Осип Эмильевич убедился, что жизнь народа налаживается, и с полной искренностью в начале 1937 года сочинил «Оду», посвященную Сталину. Она завершается:

И шестикратно я в сознаньи берегу,
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы,

Его огромный путь — через тайгу
И ленинский октябрь — до выполненной клятвы...

Правдивей правды нет, чем искренность бойца:
Для чести и любви, для доблести и стали,
Есть имя славное для сжатых губ чтеца —
Его мы слышали и мы его застали.

Приветствуя возрождение страны и Сталинскую конституцию, Мандельштам восклицает в июле того же года (фрагмент большого стихотворения):

Но это ощущение сдвига,
Происходящего в веках,
И эта сталинская книга
В горячих солнечных руках...

А через восемь месяцев его арестовали и послали на верную смерть. За что? Кто? Дело в том, что неприязнь к поэту испытывали почти исключительно евреи интернационалисты (Зиновьев, Каменев, Блюмкин, Мехлис, Давид Бродский). Получается, что его казнили за поддержку сталинской политики!

Как видим, наиболее губительной была деятельность не евреев вообще, а вполне конкретных интернационалистов, сторонников Троцкого, мировой революции. Для них культура была орудием в политической борьбе. Заодно с ними выступали такие же яростные интернационалисты других племен и народов.

...Истоки мифа о «еврейской революции» уходят в прошлое, по меньшей мере к осени 1905 года. Тогда Николай II для прекращения общественных беспорядков (всероссийской стачки) и во избежание революции провозгласил 17 октября манифест, предоставляя народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительную неприкосновенность личности, свободу совести, собраний и союзов». В стране устанавливалась конституционная монархия.

На следующий день после этого события во многих городах начались демонстрации и митинги, приветствующие долгождан-

ную конституцию. О событиях в Киеве, написал В.В. Шульгин — редактор газеты «Киевлянин», монархист по убеждениям. «В городе творилось нечто небывалое. Кажется, все, кто мог ходить, были на улицах. Во всяком случае, все евреи. Но их казалось еще больше, чем их было, благодаря их вызывающему поведению. Они не скрывали своего ликования». Конечно же, преобладали русские.

Крещатик был буквально наводнен гигантской толпой. Люди высыпали на балконы, с остановившихся трамваев кричали что-то ораторы. Из трехцветия флага был вырван и распространен повсюду красный цвет. Речи о свержении самодержавия производили с балкона городской Думы. И тут на глазах толпы царская корона, установленная на балконе, грохнулась на грязную мостовую. Кто и как это сделал, осталось неизвестным. Но по толпе пробежал зловещий шепот: «Жида сбросили царскую корону».

Происходящее в городской Думе Шульгин описал так: «Толпа, среди которой наиболее выделялись евреи, ворвалась в зал заседаний и в революционном неистовстве изорвала все царские портреты... Некоторым императорам выкалывали глаза, другим чинили всякие другие издевательства. Какой-то рыжий студент-еврей, пробив головой портрет царствующего императора, носил на себе пробитое полотно, иступленно крича:

— Теперь я — царь!»

Войскам было приказано взять штурмом и очистить от бунтарей Думу. Они дали залп. «Толпа в ужасе бежала, — писал Шульгин. — Все перепуталось — революционеры и мирные жители, русские и евреи. Все бежали в панике, и через полчаса Крещатик был очищен от всяких демонстраций». А в городе начались еврейские погромы.

Шульгина, служившего в чине прапорщика запаса, во главе взвода и с полицейским надзирателем направили на подавление беспорядков в киевское предместье Димиевку. Там они увидели ужасную картину: дома с выбитыми окнами, разбросанный повсюду в грязи скраб, поломанная мебель, пух от вспоротых подушек и перин... Мародеры, преимущественно женщины, бойко растаскивают выброшенные вещи. Человеческих жертв было мало. В целях самообороны некоторые молодые евреи стреляли в толпу. В ответ их (или кого-то еще, как тут разберешь) ловили

и убивали. Это были единичные случаи. Но сами по себе стихийные и тупо-злые погромы возбуждали у вполне мирных до этого момента евреев страх и ненависть к погромщикам, монархистам и вообще русским.

Так «дремучие монархисты» и примкнувшая к ним всяческая шваль, сами того не понимая, спланировали массы евреев и вовлекали в революционное движение даже тех из них, кто до той поры сохранял лояльность к царской власти. Можно возразить: да ведь еврейские активисты сами первыми начали! Но ворвались в здание городской Думы, сбросили корону и глумились над портретами российских императоров не только одни евреи. Для русского взгляда они, конечно же, выделялись особо.

Разве в этой разнузданной акции не участвовали русские студенты? Наверняка участвовали, и в немалом числе. Но когда потребовалось указать на виновников, то их определили до идиотизма просто: во всем виноваты евреи. Хотя представители этой национальности находились не только в рядах революционеров, но были и черносотенцами, а в основной массе, как положено обывателям, сохраняли политический нейтралитет.

Может быть, Шульгин возвел напраслину на евреев, являясь антисемитом? Ведь он нередко отзывался об этом народе нелестно. Но разве не он в 1913 году опубликовал в «Киевлянин» заметку в защиту Менделя Бейлиса, обвинив прокуратуру в предвзятости? За это (как было сказано, «за распространение заведомо ложных сведений о должностных лицах») его приговорили к тюремному заключению и штрафу. Антисемиты распустили слух, будто он «куплен жидами».

А после этого его посетил красивый, библейского облика старик иудей и сказал, что высший чин иудаистов назначил день и час, когда по всему свету верующие в Бога евреи будут молиться за него, Шульгина. «Я как-то почувствовал на себе это вселенское моление людей, — писал он, — которых я не знал, но они обо мне узнали и устремили на меня свою духовную силу». (Не потому ли прожил Шульгин 98 лет, веря в силу такой молитвы?)

...В книге М. Агурского «Идеология национал-большевизма», изданной в Париже, не без основания заявлено: «Я полностью

отвергаю миф о Бухарине как умнейшем “русском” человеке и позволю себе считать его “дураком” советской истории, притом злейшим врагом всего русского». Можно, кстати, вспомнить, что Ленин всерьез обвинял в русском великодержавном шовинизме... Сталина и Дзержинского!

Как понимать такие парадоксы? Русский Бухарин — враг «всего русского», а грузин и поляк — русофилы и шовинисты, а обвиняет их в этом, опять же, русский человек. (У Ленина одна из двух бабушек была еврейкой, но это не имеет никакого значения: он принадлежал к дворянской семье русской культуры и православного вероисповедования.)

Объяснение парадоксов, мне кажется, очевидное: большинство руководителей партии большевиков были интернационалистами. Ведь и Ленин предполагал, что социализм в России может окончательно победить лишь в результате мировой революции. Правда, первым о возможности построения социализма в одной стране высказался Бухарин (обосновал и воплотил в жизнь эту идею Сталин). Но для него социализм ассоциировался с нивелированием национальных особенностей, которые, по его мнению, были пережитками прошлого.

Говоря о «еврейском вопросе», отметим его международный аспект. В 1905 году глава царского правительства граф С.Ю. Витте прибыл в США для заключения мирного договора с Японией. К нему пришла делегация крупных американских банкиров-евреев. В нее входил Шифф (знакомый Льва Троцкого), находившийся в хороших отношениях с президентом Теодором Рузвельтом. Целью визита было стремление добиться того, чтобы евреев в России не ущемляли в правах.

Витте согласился: положение евреев в России оставляет желать лучшего, но оно не столь ужасно, как им сообщили. А предоставление им равноправия может иметь для них плохие последствия. «Это мое указание, — вспоминал Витте, — вызвало резкие возражения Шиффа, которые были сглажены более уравновешенными суждениями других членов делегации».

Мне кажется, роль денег американских банкиров, в частности, Якоба Шиффа, была в русских революциях существенна в отличие от так называемого золота германского Генштаба, яко-

бы полученного Лениным. Но можно ли на такие средства не только содержать революционеров, но и поднять на восстание русский народ? Чтобы поверить в такую возможность, надо весьма туманно представлять себе, что такое народные массы и революция, чрезмерно преувеличивая роль денег.

Те, кто полагает, будто большинство людей нетрудно подкупить, сделав предателями, судят, пожалуй, либо по своему опыту, либо на основе событий последних двух десятилетий, когда миллионы наших сограждан легко поддались на посулы богатой и легкой жизни при переходе к капитализму. (Впрочем, подкупали тогда немногих, а большинству просто солгали.)

В российских восстаниях 1905-го и 1917 года евреи играли немалую роль. Не из ненависти к русскому народу, а, главным образом, борясь за свои права. Во время Октябрьского переворота и в Советской России непропорционально много евреев находились на руководящих постах в руководящих органах. Но свержение Временного правительства было только началом революции. Последовала Гражданская война, показавшая, кто сильнее в жестокой борьбе за власть. Большевики победили только потому, что на их стороне была правда и значительная часть русских, а также представителей других национальностей.

Версия о том, что Октябрьскую революцию совершили евреи во имя своих частных интересов и вопреки воле русского народа так же нелепа, как приписывание Февральской революции масонам. Такое понимание движущих сил истории, грандиозных социальных переворотов не имеет ни религиозного, ни философского, ни научного обоснования. Оно существует только благодаря хитрости одних и глупости или неосведомленности других.

Еще одно замечание. Недопустимо огульно обвинять (или восхвалять) любой народ. Предельно подло звучат призывы к русскому народу покаяться в совершении революционного переворота 1917 года подобно призывам «бей жидов, спасай Россию» (и то, и другое мне приходилось слышать). Гнусные преступления, так же как выдающиеся достижения, совершают конкретные люди или организации. В каждом народе есть и достойнейшие, и скверные люди, а то и преступники.

Черносотенцы

Об этой монархической организации написано немало. Сравнительно недавно были попытки ее реабилитации. Обстоятельно и убедительно сделал это В.В. Кожин в книге «Загадочные страницы истории XX века. "Черносотенцы" и революция».

Многие годы активно распространялись слухи о том, что это было объединение злобных и тупых погромщиков, русских националистов, едва ли не террористов и свирепых ненавистников евреев. Хотя в числе черносотенцев были евреи. Масштабы еврейских погромов обычно значительно преувеличиваются, да еще голословно приписывают их организацию царской власти.

Возникает вопрос: если монархическая организация существовала в Российской империи, почему она не смогла противостоять революционным настроениям? Почему ее члены не встали на защиту самодержавия? Ведь на их стороне были официальные власти, сам государь!

Пожалуй, главных причин было три.

В распространенном среди образованных россиян мнении черносотенцы были ретроgrадами, реакционерами, защитниками изжившей себя системы общественного устройства. Непримиимо относились к ним «западники», сторонники либеральной демократии. В 1916 году, обращаясь к ним, член Главного совета «Союза русского народа» П.Ф. Булацель предупреждал: «Вы готовите могилу себе и миллионам ни в чем не повинных граждан». Он оказался прав. Однако русский путь общественного развития оказался в XX веке совсем не таким, о каком мечтали черносотенцы.

Как часто бывает с «партиями власти», среди черносотенцев было немало приспособленцев, преследующих свои личные цели; они не имели желания защищать самодержавие, когда оно перестало удовлетворять их интересы, утрачивая власть. Впрочем, такие деятели есть в любых более или менее привилегированных политических организациях. Именно они, а вовсе не открытые враги смертельно опасны для партий, в которых состоят.

Но главное, может быть, в том, что Николай II часто вынужден был принимать решения, последствия которых были губи-

тельны для монархии. Так было, когда приблизили к трону Распутина, когда стали проводить недостаточно обоснованную столыпинскую реформу сельского хозяйства, когда начали войну с Германией в неблагоприятный период для России, находившейся на стадии экономического переустройства и развития, еще не достигшей стабилизации.

В феврале 1914 года бывший министр внутренних дел России Петр Николаевич Дурново подал царю записку о положении России. Этот документ, по признанию советского историка А.Я. Авреха, «оказался настоящим пророчеством, исполнившимся во всех своих главных аспектах».

Дурново убеждал Николая II избежать войны с Германией. В противном случае, по его словам, наша держава окажется в критическом положении при разгуле анархии:

«Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имущества... Армия лишившаяся... за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».

Справедливость прогноза доказали последующие события. Обратим внимание на последнее замечание Дурново: о беспросветной анархии, в которую будет ввергнута Россия. Речь идет не об организованной анархии, основанной на единодушии граждан при их ответственности за происходящее. У Дурново анархия означает господство хаоса, отсутствие сильной власти при идейном

разброде, существующем в обществе, и при существовании нескольких более или менее противоборствующих партий.

Царь принял во внимание эти соображения. 29 июля он отправил личную телеграмму кайзеру Вильгельму (своему троюродному, если не ошибаюсь, брату): «Благодарю за твою телеграмму, примирительную и дружескую. Между тем официальное сообщение, переданное сегодня твоим послом моему министру, было совершенно в другом тоне. Прошу объяснить это разногласие. Было бы правильным передать австро-венгерский вопрос на Гаагскую конференцию. Рассчитываю на твою мудрость и дружбу».

Ответа на это примирительное послание не последовало. О нем даже не сообщили общественности. Кайзер не желал мира. Еще раньше он обещал императору Францу Иосифу в случае войны выполнить свои союзнические обязательства. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 30 июля (н.ст.) в России началась всеобщая мобилизация. (Как писал Б.М. Шапошников, выдающийся военный теоретик, подполковник Генштаба царской армии, начальник Генерального штаба Красной армии при Сталине, всеобщая мобилизация — «одиум», преддверие войны.) 1 августа приказ о всеобщей мобилизации отдал кайзер Вильгельм, объявив войну России. Так начиналась Первая мировая война.

В ноябре 1916 года тот же Дурново, по-видимому, выражая мнение целой группы монархистов-черносотенцев, представил дополнительную записку, где были предсказаны события Октября 1917 года. Там подтверждались выводы предыдущего документа и был обоснован неизбежный крах либеральных демократов, если они придут к власти:

«Они столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их стало бы столь же кратковременно, сколь и непрочное... Что дало бы при этих условиях установление ответственного министерства? Полный и окончательный разгром партий правых, постепенное поглощение партий промежуточных, центра, либеральных консерваторов, октябристов и прогрессивистов, и партии кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение. Но кадетам грозила бы та же участь... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов».

Николай II, читавший эти записки и отметивший, что они «достойны внимания», так и не смог в трудный для себя и для России момент найти опору в своих приближенных, иметь верных и компетентных руководителей государства, помощников и советников. Вот что записал он в дневнике 2 марта 1917 года:

«Четверг. Утром пришел Рузский и прочел мне длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что министерство из членов Государственной думы будет бессильно что-либо сделать, ибо с ним борется эс.-дековская партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку Алексееву и всем главнокомандующим. В 12 с половиной часов пришли ответы. Для спасения России и удержания армии на фронте я решился на этот шаг. Я согласился, и из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством: кругом измена, трусость, обман».

Увы, это было такое окружение, которым он сам, отчасти с подачи жены и сановников, себя окружил. Хотя дело не только в этом. Монархия находилась в периоде упадка и кризиса. Попытки спасти ее были неуклюжи, порой принося больше вреда, чем пользы.

Генерал Корнилов, став командующим войсками Петроградского округа, арестовал в Царском Селе семью экс-императора, гражданина Николая Александровича Романова. Этот военачальник без оговорок принял свершившийся государственный переворот, опубликовав такое воззвание:

«Солдаты народной армии и граждане свободной России!

По зову нового правительства прибыл я сегодня в Петроград и вступил в командование войсками Петроградского военного округа.

К вам обращаюсь теперь, доблестные войска: великий русский народ дал родине свободу — русская армия должна дать ей победу!

От вас зависит приблизить этот желанный день. Народ вам много дал, но и многого ожидает от вас.

В этот великий исторический момент теснее сомкните ряды и, сильные своей дисциплиной и единомыслием, явитесь радостным оплотом всему новому правительству и надежной поддержкой бойцам, грудью своей героически защищающим отчизну. Твердо верьте, что только в единении и неустанной работе почерпнем мы силы для того великого труда, которого требует от нас родина. Да поможет нам Бог!

Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Корнилов. Начальник штаба генерал-майор Рубец-Масальский. 5 марта 1917 г., г. Петроград».

Уже само обращение к солдатам **народной** армии и гражданам **свободной** России показывает его отношение к революционному перевороту. И не удивительно: при буржуазно-демократическом Временном правительстве он совершил поистине головокружительную карьеру, в короткий срок «проскочив» сразу несколько ступенек по службе без каких-либо достижений на каждой из них.

В этом он был не одинок. Сходных с ним взглядов придерживались Деникин, Краснов, Колчак. При Временном правительстве из армии были уволены или ушли в отставку монархисты. Многие из них в Гражданскую войну стали добровольно служить в Красной армии. Не потому, что их устраивали большевики. Монархисты не верили в «белую идею», грозившую распадом державы и подчинением ее иностранному капиталу (что и произошло после второй буржуазной революции в 1991 году).

...За последние 20 лет в нашей стране стала популярна легенда о благородных белогвардейцах, сражавшихся за «веру, царя и Отечество» против плебейских толп красноармейцев. Об этом вещают по радио и телевидению, этому посвящают книги, торжественно перевозят гробы с останками белых генералов в Москву. Кому-то это представляется исторической справедливостью, возрождением «русского духа».

Не о том ли мечтал монархист, идеолог Белого движения В.В. Шульгин, когда писал в 1920 году: «Красные — грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны, они жестоки. Для них нет ничего священного... Они отвергли мораль, традиции, заповеди Господни. Они презирают русский народ. Они озверелые

горожане, которые хотят бездельничать, грабить и убивать... Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидеть. И они истребляют “буржуев” сотнями тысяч... Разве это люди? Это звери...»

Логический вывод: «Значит, белые, которые ведут войну с красными именно за то, что они красные, — совсем иные». Какие? Благородные воины, честные и бескорыстные, твердые и чистые, как алмаз, верующие в Бога и высшие духовные ценности... «Разве это люди?.. Это почти что святые!»

Шульгин от штампов переходит к реальности: «“Почти что святые” и начали это белое дело... Но что из него вышло? Боже мой!» И он рассказал, как отпрыски знаменитых родов грабят население, зверствуют над пленными, приказывают обстрелять мирную деревню «в назидание»...

В одной из деревень Шульгин с несколькими офицерами остановился в избе. Старик хозяин, послушав их, спросил: «Кто вы, господа, такие?» Услышал в ответ: деникинцы. Хитро покачал головой, не поверив. Шульгин, поняв его, сказал: «Мы за царя... Только никому не говори».

Так уж вышло, что для населения деникинцы стали хуже красных, у которых со временем налаживалась дисциплина. Для многих русских царь все еще был олицетворением спокойствия и порядка в стране.

Почти все участники Белого движения сравнительно быстро утратили веру в высокие моральные ценности. Еще раньше они отказались от монархии в пользу буржуазной демократии, а Отечество признавали только такое, где сами будут в привилегированном положении. Красные были значительно ближе русскому народу, хотя и они, в частности, их идейные руководители большевики для многих были немногим лучше.

У белых были финансовые «покровители» на Западе, откуда приходило для них оружие, снаряжение. Их поддерживала Антанта. Адмирал Колчак был провозглашен Верховным правителем России, несмотря на то что раньше его начал сражаться с большевиками Деникин, занимая более высокий пост. А дело в том, что Колчак, по его признанию в частном письме, был наемником Америки и Англии. Руководители Белой армии в отличие от большевиков вынуждены были осуществлять политику Запада.

Что было бы в результате победы белых? Скорее всего, в стране установилась бы буржуазная демократия под экономическим господством западных держав, которые, как свидетельствуют некоторые документы, постарались бы предельно ослабить великую Россию. Ее восстановление и укрепление не входили в их планы. Так, Государственный департамент США предполагал создать независимые буржуазные правительства в Прибалтике, Белоруссии, Украине, Крыму и Средней Азии...

Можно только ужаснуться: все это в точности осуществилось в 1991 году, когда была свергнута советская власть и у нас установили буржуазную «демократию», капиталистические отношения — власть капитала, богатых. Выставили в качестве идеологического прикрытия лозунги (включая монархические), как бы восстанавливающие искони национальные интересы. Многие «россияне» так и не заметили, что лишились половины прежней Великой России—СССР да еще попали в экономическую кабалу к иноземным и местным олигархам.

До сих пор многим кажется, будто все беды России начались после свержения самодержавия. Вот если бы массы поддержали черносотенцев и выступили за сохранение Российской империи, страна бы процветала... Конечно, гадать и предполагать никому не запретишь. Но ведь никто и не свергал самодержавие! Царь и его брат сами отреклись от престола. Они признались в своем бессилии управлять страной в столь трудный период. Значит, у них не было надежной опоры ни в высших, ни тем более в низших слоях общества.

Анархисты

Нам приходится постоянно упоминать о том, что фактически весь 1917 год в России преобладала анархия (в переводе с греческого — безначалие, безвластие). Конечно же, она существовала не в своем идеальном проявлении — как отсутствие всякого социального принуждения и уничтожение государствен-

ной системы. Но такое принуждение и такая власть были значительно ослаблены даже в действующей армии, не говоря уже о многочисленных тыловых частях и военных заводах.

Казалось бы, наступило самое благоприятное время для анархического движения. Оно было привнесено в Россию с Запада, но благодаря идеям и активной деятельности М.А. Бакунина. О нем так отзывался Максимилиан Волошин:

Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлетами — Бакунин
Наш истый лик изобразил вполне.
Европа шла культурою огня,
А мы в себе несем культуру взрыва.

(Пресловутое долготерпение русского народа в значительной мере определяет редкие, но чрезвычайно сильные вспышки бунтов. В народе долго копится обида на творимые несправедливости, находя выход в яростных взрывах негодования, слепой ярости, стремлении крошить все подряд, в анархической вольнице.)

В середине июля на родину вернулся из 40-летней эмиграции крупнейший теоретик анархизма, выдающийся ученый, революционер, князь П.А. Кропоткин. В стране к тому времени существовали десятки анархических организаций. Одну из них в Гуляйполе возглавлял (хотя это понятие противоречит анархическим принципам) Нестор Махно.

Участие анархистов в Гражданской войне, прежде всего в крестьянской вольнице «бацьки Махно», сыграло немалую роль в победе Красной армии. Тем более странно, что в самый «анархический» период России, в 1917 году, роль анархистов была минимальной. Осмыслив такое парадоксальное положение, мы лучше поймем суть Октябрьской революции и мифов о ней как о пролетарской и социалистической.

Уже вскоре после приезда Кропоткина выявилось серьезное противоречие теоретических основ анархизма и его практического воплощения. Продолжалась война с Германией — империалистическая. Воевали две государственные системы, само су-

ществование которых в теории анархии было явлением отрицательным, вредным для общественного развития и формирования полноценной личности.

Анархия предполагает свободное существование народных масс, избавленных от необходимости обеспечивать «роскошную жизнь» мирским захребетникам; предоставлять возможность «избранным» обогащаться, получать образование и высокие должности за счет других. А любая государственная система предполагает социальную иерархию, принцип господства и подчинения, причем не добровольного, а по большей части принудительного. И предоставляет блага господствующему классу, подавляя и эксплуатируя все остальные.

Наиболее жестко такая система действует во время войны, когда требуется строгая дисциплина и беспрекословное подчинение начальству. Вот почему едва ли не большинство российских анархистов выступало против войны, сходясь в этом с большевиками.

14 августа 1917 года в Москве, в Большом театре, открылось Всероссийское демократическое совещание, инициированное Временным правительством. Цель совещания — объединить все демократические партии, все социальные слои общества для борьбы с внешним врагом, а также с усиливающейся в стране анархией на производстве и транспорте, с крестьянскими бунтами и угрозой гражданской междоусобицы.

Организовано совещание было самым настоящим демократическим образом. Вся сцена была заполнена его участниками. Стол, за которым сидели члены Временного правительства, располагался на помосте над оркестровой ямой (символично?), рядом с кафедрой для выступающих.

К удивлению едва ли не всех анархистов, согласился принять участие в совещании Петр Алексеевич Кропоткин. По воспоминаниям Нестора Махно, его ошеломило такое согласие, а тем более призыв Кропоткина продолжать войну с Германией. Махно решил: «наш старик» (так он называл Кропоткина) потерял свой революционный пыл.

Председательствовал Керенский. Присутствовали банкиры, промышленники, купцы, генералы, известные писатели, деятели искусств, ученые из разных академий, высших учебных заведе-

ний. Была почетная «группа истории революции». В нее вошли народники, побывавшие в тюрьмах, в сибирской ссылке. Трем из них — Кропоткину, Брешко-Брешковской и Плеханову — было разрешено выступить с индивидуальными речами (остальные говорили от имени партий, организаций).

Казалось бы, объединились все активно действующие силы российского общества. Как говорится, цвет нации. Они олицетворяли все виды власти: государственно-чиновничью, финансовую, военную, духовную, интеллектуальную, политическую, деловую... Что еще требуется для общего единства в созидании новой, демократической России? Присутствие Кропоткина показывало, что даже анархисты в трудный период готовы поддержать правительство, забыть свои теоретические принципы во имя спасения Отечества.

Однако у каждого стороннего наблюдателя закрадывались сомнения в силе и прочности такого единства. Первые же выступления настораживали. Основной пафос был антимонархический. Словно почти все эти важные особы не достигли высокого положения в царской России.

Знаменитый банкир и меценат Павел Рябушинский патетически произнес: «Торгово-промышленный мир приветствовал свержение презренной царской власти, и никакого возврата к прошлому, конечно, быть не может». Положим, прошлое, судя по всему, не вернешь. Но почему для торговцев и промышленников царская власть презренна? Не они ли еще недавно клялись в верности Николаю II, сколачивая огромные капиталы на военных заказах?

Подобные высказывания повторялись на разные лады. В этом не было ни благородства, ни правды. Отношение к новой власти получало явный оттенок приспособления к ней, стремления использовать ее в своих партийных или групповых корыстных интересах.

Никто не заставлял их испытывать теплые чувства и уважение к царю. Но ведь он передал им бразды правления, желая улучшить ситуацию в стране. Зачем же поносить и позорить своего недавнего кумира? Недавно прославляли его как помазанника Божия, а теперь втоптывают в грязь. Разве такие низкие люди смогут возвысить державу?

На митингах и демонстрациях редко можно было услышать проклятия в адрес прошлого и, в частности, царя. Лишь карикатуристы и сатирики — представители интеллигенции — осмеивали и клеймили его. А почти все лозунги и транспаранты были посвящены не прошлому и даже по большей части не настоящему, а будущему.

У присутствующих на совещании неожиданно и резко вскрылись разногласия. Керенский повернулся к Верховному главнокомандующему Лавру Корнилову, произнеся:

— Ваше слово, генерал!

Зал взорвался аплодисментами. Многие встали. В левом секторе продолжали сидеть. Справа почтенные господа завопили: «Хамы! Встаньте!» Им в ответ раздавалось: «Холопы! Сидеть!»

В парламентах Франции или Англии бывали и не такие конфликты. Но в данном случае общественные деятели собрались не для партийных склок, а ради спасения России. Чем объяснить возникшую рознь? Напрашивалось предположение: многие из присутствующих не прочь установить военную диктатуру, испытывая вполне понятный страх перед анархией, волей освобожденного народа.

Они чувствовали себя, как пассажиры утлого суденышка в бурю. Под ними океан народных масс, который пришел в волнение. Что его может усмирить? Только сила. Недаром у эллинов морской бог Посейдон был воителем. Не пора ли объявить в России военную диктатуру?

Правда, начиная совещание, Керенский представил себя Верховным правителем, громогласно заявив: «Я должен вам напомнить, что Временному правительству принадлежит неограниченная власть... Кто этого не понимает, тот будет иметь дело со мной». Но все-таки все понимали, что это слова юриста, адвоката. А вот генерал — это уже по-настоящему, серьезно.

Невысокий, худой, жилистый, широкоскулый генерал сурово и четко сообщил о том, что армия готова защитить демократию. Ведется беспощадная борьба с анархией и дезертирами. Необходимы решительные меры для установления порядка... Упоминание о порядке вызвало энтузиазм и аплодисменты в зале.

Тем временем на улицах, на демонстрациях господствовал красный цвет революции, звучала Марсельеза. По народной примете, багровая заря предвещает ненастье. Так бывает в природе. А в обществе? Как тут не вспомнить: цвет великих революций — красный.

Совещание продолжалось. Общее настроение собравшихся было не только тревожным, но и достаточно оптимистичным. Утверждение Корнилова об укреплении армии и ее верности Временному правительству внушало надежду на подавление хаоса.

Брешко-Брешковская, полная энергичная женщина, не сломленная многими годами ссылки, пламенная эсерка, призвала к вооруженному отпору германскому милитаризму, к защите демократических завоеваний. Но сделала оговорку: есть у русского народа и опасные внутренние враги — торговцы-спекулянты и капиталисты-эксплуататоры...

Слушавшим ее крупным банкирам и промышленникам — богачам, торговцам, капиталистам — такое заявление вряд ли пришлось по вкусу. Но они сочли за благо не обострять отношений с революционерами. Ведь Временное правительство было буржуазным, что их вполне устраивало.

Ну а возможно ли было объединить все демократические силы? Стихийные анархические процессы в стране определенно показывали отсутствие такого единства не на словах, а на деле. Вроде бы объединялись против чего-то: отсутствующего царизма и присутствующего внешнего врага. Но во имя каких идей? На этот счет мнения расходились порой диаметрально.

Задача была неразрешимая: соединить несоединимое. Торжественно и солидно сидят купцы и промышленники, «миллионщики», а неутомная Брешко-Брешковская призывает их бороться... с самими собой как с внутренними врагами. А что скажет другой революционер, князь-анархист Кропоткин, двоюродного брата которого, харьковского губернатора, убили эсеры, «брешко-брешковцы»? Его выступление ожидалось с особым напряжением.

Как Рюрикович, он должен глубоко презирать такого рода собрание преимущественно плебеев. Как народник — презирать вдвойне этих эксплуататоров. Как анархист — втройне как убеж-

денных государственников. На его месте следовало бы выйти, обвешанным бомбами, и метать их в зал... А он дружески обратился к залу:

— Граждане и товарищи! Позвольте и мне присоединить мой голос к тем голосам, которые звали весь русский народ... стать дружной стеной на защиту нашей родины и нашей революции... Родина сделала революцию, она должна ее довести до конца... Если бы немцы победили, последствия этого для нас были бы так ужасны, что просто даже больно говорить о них... Продолжать войну — одно великое, предстоящее нам дело, а другое, одинаково важное дело — это работа в тылу. Репрессивными мерами тут ничего не сделаешь... Нужно, чтобы русский народ во всей своей массе понял и увидел, что наступает новая эра... Разруха у нас ужасная. Но знаете, господа, что и в Западной Европе наступает новый период, когда все начинают понимать, что нужно строительство новой жизни на новых, социалистических началах...

Сделав паузу и уловив настороженность представителей правого крыла, оратор обратился непосредственно к ним:

— Мы многое не знаем, многому еще должны учиться. Но, господа, у вас есть... — Он вновь сделал паузу, почувствовав, что подумали эти преимущественно весьма богатые люди, и возразил им: — Нет, я не говорю про ваши капиталы. У вас есть то, что важнее капиталов, — знание жизни. Вы знаете жизнь, знаете торговлю, вы знаете производство и обмен. Так умоляю вас, дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и Советов, соедините и то, и другое и приложите их к строительству новой жизни. Эта новая жизнь нам необходима...

Его прервали бурные аплодисменты. Возгласы: «Верно!», «Браво!». Никто не ожидал услышать от него ничего подобного. Отвергал ли он свои прежние убеждения о благе безвластия? Нет. Самоуправление, труд, знания, капитал. Если такое добровольное и честное объединение возможно, то и государственная система вроде бы излишня.

Однако Кропоткин не выказал оптимизма. Понимал: пока еще, кроме слов, ничего более существенного не предвидится; опасался гражданской войны, признаки которой замечал. Ведь

и Великая французская революция начиналась с анархических народных выступлений, а продолжилась террором и кровавой междоусобицей. И в России все шло к этому.

Взрыв энтузиазма вызвало его предложение:

— Мне кажется, нам на этом Соборе русской земли следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой... При этом, граждане, республикой федеративной!

Вновь последовали овации (хотя, по-видимому, не всего зала). Новая неожиданность: Кропоткин не призывает к осуществлению сразу же коммунистической анархии. Он реалист и понимает, что отмена государственной системы, да еще во время войны, грозит крахом для России.

— Так вот, граждане, товарищи, — закончил он, — пообещаем же наконец друг другу, что мы не будем больше делиться на левую часть этого зала и правую. Ведь у нас одна Родина, и за нее мы должны стоять и лечь, если нужно, все мы, и правые и левые.

Его проводила овация всего зала. Неужели действительно ему удалось невероятное: объединить всех, несмотря на социальные и политические различия, любовью к Отечеству?

Идея единства была обоснована, провозглашена и поддержана всеми. Но это было только на словах и при одобрительных аплодисментах. Доводы Кропоткина вроде бы нельзя было опровергнуть. Но разве люди живут одной логикой? Нет, конечно. Логикой — лишь в малой степени.

У каждого из присутствующих в зале были свои личные интересы. У представителей всяческих партий и социальных слоев, разных организаций — свои групповые. Да, существует общая великая и благородная патриотическая цель. Но многие ли пожертвуют ради нее своими личными и групповыми интересами?

Видный русский социолог, историк и философ Н.Н. Кареев, присутствовавший на совещании, записал свои впечатления:

«Кропоткин, с большой белой бородой, говорил о необходимости братской любви, напомнив мне легенду об апостоле Иоанне, который, по преданию, в старости не уставал повторять: “Дети, любите друг друга”. По окончании его речи мой сосед наивно сказал мне: “Вот кого бы сделать президентом республики...”

Ничто вообще так мало не соответствовало миролюбивой речи Кропоткина, как та озлобленная атмосфера, которая наполняла зал Большого театра... Она напоминала не общее ликование после победы, а перебранку неприятелей перед вступлением в бой».

Не удивительно ли: наиболее дружелюбную речь, исполненную христианского братства, произнес убежденный революционер и анархист! В этом сказалась замечательная личность Петра Алексеевича, его глубокие убеждения, вера в народ, а не в теоретические положения анархизма.

Анархия в наибольшей степени соответствует убеждениям любого народа. Близка ему, как это ни странно, и монархия. Самодержавный правитель в этом случае выступает как царь-отец. Он призван заботиться обо всех своих подданных. Беда, конечно, что на разных должностях сановники и чиновники озабочены своими благами. Кто может их урезонить? Только царь. Чем сильнее его власть, тем слабей власть местных начальников, тем больше у народа свободы, больше безвластия. Ну, а в крайнем случае — бунтовать. Не против царя, а против тех, кто его добрую волю превращает в злую, в беззаконие.

За такую народно-крестьянскую направленность анархизма большевики называли его реакционным, мелкобуржуазным общественно-политическим учением, отрицающим диктатуру пролетариата. Под мелкой буржуазией подразумевалось преимущественно крестьянство, прочно привязанное к своему хозяйству, к земле.

А теория анархии отвергала претензии любой партии или их объединений на власть. Это относилось прежде всего к революционным партиям. В случае успеха они вынуждены установить диктатуру, ибо им будет противостоять большинство общественных организаций. А где диктатура — там насилие, террор.

«Всякая диктатура, — писал Кропоткин, — как бы честны ни были ее намерения, ведет к смерти революции... Социал-демократия стремится посредством пролетариата забрать в свои руки государственную машину». В 1907 году грузинский большевик Иосиф Джугашвили, в будущем более известный как Сталин,

возражал: «Бывает диктатура меньшинства, диктатура небольшой группы... Есть диктатура и другого рода, диктатура пролетарского большинства, диктатура массы».

С точки зрения логики и соответствия фактам мысль Кропоткина выглядит обоснованней, чем ее опровержение. Ведь понятие о пролетариате как единой массе, составляющей большинство народа, не более чем миф. Однако не только в частной, но и в общественной жизни мифологемы играют огромную роль. Крупные политики умеют ими пользоваться. Петр Алексеевич был великим мыслителем, ученым, но вполне наивным, скажем так, неполитиком.

Вот и анархическое движение по причине слишком честной и наивной своей идеологии во время революции распалось. Стихийные анархисты усиливали хаос, распространявшийся в стране. Идейные анархисты понимали: России грозит кровавая междоусобица, поражение в войне с Германией и расчленение. Но и среди них не было единства. Одни полагали: необходимо поддерживать большевиков, имеющих те же коммунистические идеалы. Другие возражали против требования большевиков мира с Германией и их принципа «чем хуже, тем лучше»: мол, ухудшение ситуации в стране приведет к социалистической революции.

Значительная часть анархистов приняла активное участие в Октябрьском вооруженном восстании, а двое их представителей входили в Военно-революционный комитет. Однако вскоре выяснилось, что под лозунгом «Вся власть Советам!» большевики устанавливают свою диктатуру. Анархисты перешли в оппозицию.

А ведь у них и большевиков был один мифологический враг — буржуй, алчный индивидуалист, ненасытный приобретатель и нещадный эксплуататор. Но был и второй враг, с которым выявились принципиальные разногласия. Им для анархистов было государство, подавляющее свободу личности. Большевики, теоретически признавая вред государства, принимали его как неизбежное на данном этапе зло. Они стремились использовать государственную систему в своих целях.

Глава 3

ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ?

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую
Русь —
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

.....

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Александр Блок

Заговор большевиков?

Антисоветский историк Д.С. Анин пишет: «В советской историографии Февраль представлен как “зародыш”, “пролог” или “оболочка”, в которой таилось “ядро” Октября. На самом деле Октябрь был антиподом Февраля. Февральская революция была явлением истинно народным, стихийным, никем не подготовленным. Октябрь, наоборот, был тайным заговором, в котором участвовало несколько тысяч человек и к которому население, включая рабочих, отнеслось безучастно».

Да, был заговор, направленный на свержение Временного правительства. Об этом открыто заявляли большевики, а двое

из их руководства — Каменев и Зиновьев — предупредили общественность о приблизительной дате переворота. Можно ли утверждать, будто заговор был тайным? Достаточно вспомнить «Апрельские тезисы» Ленина, где вполне определенно поставлена задача осуществления в ближайшее время социалистической революции.

В конце июля 1917 года Ленин писал: «Власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эс-эров и меньшевиков».

Напомню: Кавеньяк — французский генерал, военный министр, жестоко подавивший восстание рабочих в 1848 году. И еще одно замечание: в рукописи Ленин писал не о «решительной борьбе», а о «вооруженном восстании». Но по цензурным соображениям смягчил формулировку. Хотя для любого внимательного читателя ясно, о чем тут идет речь, ибо решительно бороться можно не на словах, а на деле.

20 октября (2 ноября) военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский в секретном докладе о состоянии русской армии высказал здравую мысль: «Если большевики до сих пор не захватили власть, то только потому, что они боялись фронта; но кто может гарантировать, что через пять дней (когда произойдет Второй съезд Советов) они не возьмут власть?»

Такой гарантии ему никто не дал, и правильно, ведь точно через пять дней Временное правительство было низложено. Вряд ли дело было только в том, что большевики боялись прихода с фронта в столицу воинских частей, верных Временному правительству. Таких частей, по существу, не было. Многие царские офицеры и генералы с недоверием, а то и с презрением и неприязнью воспринимали правительство, ответственное за свержение монархии.

Большевики, возглавляемые Лениным, основательно готовились к вооруженному мятежу: укрепляли свои позиции в Советах и вели революционную пропаганду в воинских частях. Безусловно, об этом были осведомлены все заинтересованные лица, включая членов Временного правительства. Заговор большевиков был, как говорится, секретом Полишинеля.

Сошлюсь на документальное произведение честного, талантливого писателя и незаурядного мыслителя Михаила Зощенко. Он почти два года находился в действующей армии, был ранен и демобилизован, в марте 1917 года вернувшись в Петроград. В повести «Керенский» он точно описал события, предшествовавшие Октябрьскому перевороту:

«Уже в сентябре 1917 года все было запутано и разрушено. Армии не существовало. Большевистский фронт ширился.

Подготовка вооруженного восстания шла у большевиков весьма энергично и успешно, и об этом почти открыто говорили на улицах и в казармах.

21 октября Временное правительство поручило министру-председателю Керенскому принять меры к ликвидации ожидаемого восстания.

Керенский приказал своему командующему округом полковнику Полковникову разработать план ликвидации мятежа.

Полковников, не сделав ничего, доложил, что правительство может быть уверено — Петроградский гарнизон окажет сопротивление большевикам.

Керенский сообщил правительству, что меры приняты и восстание, если оно случится, будет подавлено.

Однако 23 сентября Керенский стал терять некоторую свою уверенность относительно войск Петроградского гарнизона и отдал приказ главнокомандующему Северного фронта — подтянуть войска к Петрограду.

Но главнокомандующий генерал Черемисов не исполнил приказ».

Может показаться странным поведение Полковникова и Черемисова. Неужели они тоже «продались большевикам» за германские деньги?!

Вопрос ироничный. Как бы неприязненно ни относились кадровые, недавно еще царские офицеры и генералы к большевикам, взявшие власть «демократы» для большинства из них были узурпаторами, свергнувшими законного государя. Какими бы ни были оговорки на добровольное отречение императора и его брата, на силу судьбы и т.п., осуществилось именно то, о чем долго мечтали партии, желавшие установить в России если не республику, то конституционную монархию.

1 сентября Россия была объявлена республикой, управляемой Директорией в составе пяти министров во главе с Керенским. Он — человек сугубо штатский, юрист — принял пост военного министра и Верховного главнокомандующего, явно переоценив свои силы и возможности. В первый же месяц своего назначения он получил суровый урок, так и не осознав его.

«Он выступал в Мариинском театре перед военной аудиторией, — писал Зощенко. — Он вышел на сцену с двумя адъютантами, которые замерли в неподвижных и почтительных позах, когда он начал свою речь.

Все шло, как полагалось. Бурные аплодисменты услаждали сердце военного министра. Но вот на сцену была брошена записка, которую Керенский сгоряча огласил, думая, что там комплименты. Группа офицеров писала, что адъютанты Керенского «марают честь мундира» тем, что, как фокстерьеры, делают стойку перед штатским человеком.

Взрыв смеха потряс здание театра».

Презрение к руководителю значительно хуже, чем неприязнь к нему. Большевики в этом отношении с точки зрения многих русских офицеров и генералов не были узурпаторами власти, а представляли собой, можно сказать, третью силу. Ее следовало опасаться, но не презирать. К тому времени, о котором идет речь, именно большевики или их сторонники стали возобладать в Советах. Благодаря пресловутому «Приказу № 1» и «демократизации» армии дисциплина в частях ослабла, настроение большинства солдат было анархическое. Если предложить им отправиться на подавление мятежников — рабочих и солдат Петрограда, — нет никакой гарантии выполнения приказа. Даже нельзя быть уверенным, что останешься после таких призывов живым.

Вот одно роковое и знаменательное происшествие. Утром 27 февраля взбунтовалась учебная команда лейб-гвардии Волынского полка. Начальник части штабс-капитан Лашкевич вошел в казарму и приказал всем строиться и направиться на подавление беспорядков. Революционно настроенный фельдфебель Кирпичников предложил ему покинуть помещение. Офицер настаивал, грозил покарать нарушителей дисциплины и был убит выстрелом в спину. Кто это сделал, осталось неизвестным. Однако назначенный 2 марта командующим Петроградским военным округом генерал-лейтенант Лавр Корнилов вручил Кирпичникову Георгиевский крест.

Большинство военачальников русской армии, которая из царской с марта стала революционной, а с сентября республиканской, без особого рвения относились к приказам Керенского, а вступать в острые конфликты с солдатскими Советами не решались.

«В 11 часов утра 24 октября, — рассказывает Зоценко, — Керенский явился в Мариинский дворец и, ввиду чрезвычайного положения, потребовал в своем слове все меры доверия и содействия. Совет республики устроил Керенскому овацию и стоя приветствовал его. Премьер, счастливый и взволнованный... поспешил в Штаб, чтобы заняться военными делами...

Между тем в Совете начались длинные дебаты о тексте резолюции. Этот текст... выработан был только к ночи. Целый день пропал на бесцельные споры и крики.

Большевики тем временем энергично вели подготовку восстания и в ночь на 26 октября стали занимать правительственные здания».

К Керенскому явилась группа казаков с подтверждением своей верности Временному правительству и ему лично. Как показали дальнейшие события, доверять этому заявлению не было оснований: Совет казачьих войск постановил не вмешиваться в борьбу правительства с большевиками. Когда этой же ночью Керенский отдал приказ казакам прибыть для защиты правительственных зданий, то получил уклончивый ответ: мол, пока у нас идет обсуждение, а затем начнем седлать лошадей. Но их лошади так и остались не оседланными.

Узнав, что суда Балтийского флота без его приказа входят в Неву, Керенский послал радиogramму: «Всем судам, идущим

в Петроград без разрешения Временного правительства, приказываю: командирам подводных лодок топить суда, не повинующиеся Временному правительству». Столь несуразное распоряжение вряд ли можно было бы выполнить даже при большом желании. А тут и малого желания ни у кого из моряков не было.

«Полковник Полковников, — пишет Зощенко, — продолжал вести двойную игру и, уверяя Керенского в верности, агитировал офицеров тотчас арестовать премьера.

Тогда Керенский, видя измену Полковникова, принял на себя все командование. Однако дело ни на йоту не изменилось, так как, в сущности говоря, не над чем было командовать».

В чем-то крах Временного правительства напоминал падение самодержавия. В обоих случаях просматривается явный дефицит власти у тех, кто стоял во главе государства. Керенский мог с полным основанием повторить слова Николая II: «Кругом измена, трусость, обман». Но не сам ли он этому содействовал, проводя непоследовательную политику и взявшись руководить страной, умея лишь произносить вдохновенные речи?

«Изучая по материалам и документам его характер, — отмечает Зощенко, — видишь, что ему, в сущности, ничего не удавалось из того, что он задумал. Его слабая воля не доводила до конца ни одно из начинаний.

Он хотел спасти Николая II и не спас его, хотя много старания приложил к этому. Он хотел вести войну до победного конца, но создал поражение. Хотел укрепить армию, но не мог это сделать и только разрушил ее. Хотел лично двинуть войска против большевиков, но не собрал даже одного полка, хотя был Верховным главнокомандующим. Он с горячими речами выступал против смертной казни, а сам ввел ее.

Все его шаги, все замыслы и начинания гибли, извращались им и не доводились до конца...

Он... был крошечной пылинкой в круговороте революционных событий. Правда, за его спиной таились значительные силы контрреволюции. Но этими силами Керенский не располагал по своему усмотрению. Даже больше — эти силы... сами старались уничтожить его».

Николай II и Ленин тоже были пылинками в вихрях революций. Но царь при всех своих недостатках сумел достойно уйти с исторической сцены, о чем свидетельствует текст его отречения. Он оставался патриотом и не упивался в отличие от Керенского своей властью. Его, да и всей страны, беда была в том, что в трудные, критические годы России у него не хватило государственной мудрости и силы воли.

Ленин обладал решительностью и силой воли; действовал упорно и последовательно, а главное, имел какой-то особенный политический ум или, возможно, «нюх», чувство реальности, ощущение скрытых механизмов, динамики революционных вихрей, которые для многих представляются страшным хаосом.

Подобно профессиональным серфингистам, он умел воспользоваться надвигающейся и набирающей высоту и мощь волной — не морской, а социальной — для того, чтобы оказаться на ее гребне или, точнее, на скате близ вершины.

Там, где другие беспомощно барахтаются, подобно Керенскому, или отказываются от борьбы, подобно Николаю II, он ловко, смело, искусно лавируя, движется к намеченной цели. Он предвидит возможный спад революционной стихии, а потому точно выбирает момент восстания.

В этом отношении полезно вспомнить высказывание Сталина о двух сторонах политических движений. Он отмечал в них элементы объективный и субъективный.

К первому относятся «экономическое развитие страны, развитие капитализма, развал старой власти, стихийные движения пролетариата и окружающих его классов, столкновения классов и пр.».

Ко второму — отражение в сознании людей подобных процессов. «Если стратегия не в силах изменить что-либо в ходе объективных процессов движения, то здесь, в области субъективной, сознательной стороны движения, наоборот, поле применения стратегии широко и разнообразно, ибо она, стратегия, может ускорить или замедлить движение, направить по кратчайшему пути или свлечь его на путь более тяжелый и болезненный в зависимости от совершенств или недостатков самой стратегии».

Это он писал еще при жизни Ленина, в марте 1923 года, в статье «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». В ней он называл события октября 1917 года то переворотом, то революцией, словно это одно и то же. Впрочем, надо учитывать, что эта его статья появилась в газете «Правда» и была обращена к широким массам трудящихся, а не к теоретикам революционного движения.

Итак, был ли тайный заговор большевиков, задумавших свергнуть Временное правительство? Нет, тайного заговора не было. Это — один из антисоветских мифов Октября. Он придуман для того, чтобы представить данное событие результатом происков группки заговорщиков, дворцовым переворотом, свергнувшим законную власть.

В действительности была открытая подготовка государственного, можно даже сказать, дворцового (все-таки брали же Зимний дворец!) переворота. Она не представляла тайны ни для кого, кто сколько-нибудь внимательно следил за развитием событий и читал газеты. Такая достаточно длительная подготовка уже сама по себе свидетельствует о том, что Временное правительство утратило контроль за происходящими событиями и не имело сил для того, чтобы предотвратить собственный крах.

К вооруженному перевороту большевики стали готовиться, начиная с середины апреля 1917 года, когда на собрании представителей рабочих дружин в Петрограде была образована комиссия по формированию Красной гвардии. Меньшевики и эсеры выступали против ее создания. Централизованная официальная организация по этой причине не состоялась, но было много местных, в частности, на предприятиях, и там верховодили большевики.

10 марта Петербургский комитет РСДРП(б) постановил организовать Военную комиссию. Позже на ее учредительном собрании присутствовали 97 человек от 53 воинских частей Петроградского гарнизона. Затем Военная комиссия при ЦК РСДРП(б) превратилась в общероссийский центр, руководивший работой большевистских организаций в армии. Массовое создание отрядов Красной гвардии началось 25 августа, когда произошел военный мятеж, возглавляемый генералом Л.Г. Корниловым. А к 20 октября в рядах Красной гвардии Пет-

рограда находилось свыше 20 тысяч вооруженных и обученных бойцов (по всей стране — около 100 тысяч).

После «Апрельских тезисов» Ленина большевики не скрывали, что готовятся совершить социалистическую революцию. А создание Красной гвардии со всей очевидностью показало, что речь идет не о словах, не о тезисах, а о конкретных мероприятиях по вооруженному свержению существующей власти.

Победа социализма?

Вдумаемся в определение: Великая Октябрьская социалистическая революция. Оно стало в нашей стране штампом. Вот что было сказано о ней, например, в советском учебнике Новейшей истории (1975):

«Рабочий класс России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии, созданной Владимиром Ильичем Лениным, в 1917 г. совершил социалистическую революцию, навсегда покончил с господством капиталистов и помещиков, установил диктатуру пролетариата».

В одной этой фразе, отражающей сложившийся к тому времени миф об Октябрьской революции, сразу несколько сомнительных, а то и очевидно неверных утверждений.

Произошла революция или было вооруженное восстание, которое привело к государственному перевороту?

Корректно ли название «социалистическая революция», если она проходила под лозунгом «Вся власть Советам»?

Был ли союз рабочего класса с крестьянством? Разве благодаря этому предполагаемому союзу было свергнуто Временное правительство?

Установилась ли диктатура пролетариата?

Ну а то, что не навсегда было покончено с господством капиталистов и помещиков, теперь и спорить не надо. С той поры, как после 1991 года в России победил капитализм и установился буржуазно-демократический строй, господство капиталистов и помещиков стало реальностью.

Еще одно спорное утверждение. Допустимо ли в данном случае говорить о Великой социалистической революции? Под словом «великая» следует понимать нечто грандиозное, масштабное, величественное. А в октябре 1917 года в Петербурге, а уж тем более в России ничего подобного не произошло. Социалистическая? То есть устанавливающая социальную справедливость?

Возможно, кому-то могло так показаться. Завершение Октябрьского вооруженного восстания Владимир Маяковский выразил так:

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы,
уже —
при социализме.

Увы, такие чудесные превращения общества бывают лишь в сказках и фантазиях поэтов. Никакого свержения капитализма и установления социализма не произошло ни в октябре 1917 года, ни в последующее десятилетие. В этом смысле называть Октябрьский переворот социалистической революцией было бы по меньшей мере преждевременно.

Что потребовалось для того, чтобы свергнуть самодержавие? Отказ царя и его преемника от трона. Только и всего! Смена власти произошла без каких-либо потрясений. В сущности, переворот касался духовной сферы. До того времени в обществе существовало добровольное согласие считать законной (а то и данной Богом!) самодержавную власть царя. Он, в свою очередь, обещал заботиться о народе, как отец. Так порой и называли: царь-батюшка. Его власть освящала Православная церковь. И это, конечно же, относилось к духовной общественной сфере.

Такое общественное соглашение можно заменить другим без особых затруднений, если существует добровольное согласие сторон. В данном случае отречение царя было в значительной мере вынужденным — под давлением анархии, которой воспользовались представители буржуазных партий. Но это ничего принципиально не меняло.

В отличие от самодержавия, определяющего прежде всего духовную, а также социальную структуру общества, капиталистические и социалистические отношения затрагивают прежде всего сферу материального производства, экономики, социальной иерархии, а также предполагают смену нравственных ориентиров. Можно ли такие коренные изменения произвести в приказном порядке? Нет, конечно.

Обратимся к документу, характерному и красноречивому. Он появился сразу после того, как было свергнуто Временное правительство. Крупнейший русский теоретик марксизма Г.В. Плеханов обратился с открытым письмом к петроградским рабочим:

«Товарищи!

Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А.Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Скажу вам прямо: меня эти события огорчают».

Он не стал называть происшедшее революцией. И даже счел это прискорбным явлением. Не потому, конечно, что власть вроде бы перешла к пролетариату: как революционер с огромным стажем, он всегда стремился к этому. По его мнению (со ссылкой на Энгельса), «для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов».

Плеханов обосновал этот тезис: «В населении нашего государства пролетариат составляет **не большинство, а меньшинство**. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист».

Имеются в виду теоретические основы марксизма и демократические формы завоевания и удержания власти, опирающиеся на

мнение большинства населения данной страны. «Но крестьянству нужна земля, — справедливо отмечал он, — в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию. Стало быть, крестьяне — совсем ненадежные союзники рабочего в деле устройства социалистического способа производства... Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить “социальную революцию”, то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение».

Он отмечает положение, выдвинутое Лениным, о перерастании русской революции в мировую. Мол, цепь империализма разорвана в наиболее слабом звене, а затем она рассыплется окончательно под напором мирового пролетариата. Плеханов справедливо возражает: «Большинство немецкого пролетариата... стало поддерживать германских империалистов... Значит, немец не может докончить того, что будет начато русским. Не может докончить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединенных Штатов. Несвоевременно захватив власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года».

Разве не произошло в точности так, как предсказал Плеханов? Мировая революция не свершилась, а Гражданская война разразилась со страшной силой. О том, что она будет после захвата власти большевиками, говорили представители различных партий. Выходит, такова была объективная реальность. Обратим внимание и на то, что крупнейший теоретик марксизма упоминает о социальной революции в будущем времени. Следовательно, считает октябрьские события вооруженным переворотом, не более того.

Относительно ленинского Декрета о мире он тоже высказался логично: «Но чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его

стороне, то, «декретируя» мир, тем самым декретируем... победу германского империализма над нами, трудящимся населением России».

Завершая свое письмо, Плеханов призвал «сознательные элементы рабочего класса» выступить «твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или — еще хуже того — одной партией».

Вот и сказано главное: произошел захват власти одной партией, и это худшее из того, что могло случиться, — «величайшее несчастье», по словам автора письма.

Итак, согласимся с Плехановым: с позиций догматического марксизма нет серьезных оснований называть успешное вооруженное восстание октября 1917 года социалистической революцией. Власть узурпировали представители преимущественно одной партии, не считаясь с демократическими нормами. Установилась диктатура партийного руководства, возглавляемого Лениным, что неопровержимо доказали последующие события. При всем желании новая власть не могла своим декретом ни ввести социализм, ни установить мир с Германией.

Даже среди большевистского руководства не было единодушия по поводу осуществления государственного переворота. Об этом настойчиво упоминал один из главарей восстания, Л.Д. Троцкий, после того, как был выдворен за пределы СССР.

Правда, в те же года Сталин писал: «Должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог». Но тогда между ним и сторонниками Троцкого шла глухая, но достаточно острая политическая борьба, так что такое заявление было, конечно же, продиктовано именно этим, а вовсе не желанием установить истину.

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к статье Льва Давидовича «Кем и как был совершен Октябрьский переворот», помещенной в сборнике его трудов «История Русской революции. Октябрьская революция» (Берлин, 1933). Сразу же отметим: один лидер большевиков говорит об Октябрьском восстании, а другой называет это событие переворотом. Ни о «великой», ни о «социалистической» революции речи вроде бы нет.

Впрочем, вряд ли следует придавать этим формулировкам слишком большое значение. Уже в начале упомянутой статьи

Троцкий пишет об Октябрьской революции. У Сталина тоже чаще всего встречается именно такое определение. Не вдаваясь в теоретические тонкости, будем считать, что слова «переворот» и «революция» они обычно употребляли как синонимы.

В статье Троцкого высказаны некоторые суждения, требующие детального рассмотрения и проверки. В результате приходишь к неожиданным выводам и предположениям.

Образец стратегии или недальновидности?

По словам Троцкого, «Ленин настаивал на поднятии восстания в дни Демократического совещания; ни один из членов ЦК не поддержал его. Неделью спустя Ленин предлагал Смилге организовать штаб восстания в Финляндии и оттуда нанести удар по правительству силами моряков. Еще через десять дней он настаивал на том, чтобы Северный съезд стал исходным моментом восстания. На съезде никто не поддержал этого предложения».

Для ленинской политики захвата власти могло стать гибельным Демократическое совещание, созванное в Петрограде в середине сентября 1917 года меньшевиками и эсерами после разгрома корниловщины. В нем участвовали представители разных организаций, включая некоторые профсоюзы, земства, воинские части. Был создан Предпарламент и провозглашен курс на укрепление буржуазной демократии. Участники совещания знали о подготовке большевиков к захвату власти и старались этому воспрепятствовать.

Судя по всему, Ленин понимал: время для нанесения главного удара по Временному правительству сокращается с угрожающей быстротой. Если бы решения совещания удалось закрепить конкретными действиями, подавив в зародыше готовящийся переворот, судьба большевиков была бы решена окончательно и бесповоротно. Владимир Ильич должен был всерьез обеспокоиться не столько осуществлением социалистических идеалов, сколько спасением своей партии и себя лично.

Троцкий в своей статье всячески возвышает свою роль в Октябрьском перевороте, не останавливаясь перед критикой некоторых ленинских предложений. В частности, по его словам, «Ленин одно время полагал, что начать восстание следует в Москве, предполагая, что там дело разрешится без боя». А на самом деле московское восстание длилось неделю и стоило многих жертв, хотя и здесь победа в конечном счете осталась за сторонниками большевиков.

Троцкий привел слова Сталина, который в работе «Об основах ленинизма» писал о выборе момента решающего удара: «Образцом стратегии можно считать проведение Октябрьского восстания. Нарушение этого условия (правильного выбора момента) ведет к опасной ошибке, называемой “потерей темпа”, когда партия отстает от хода движения или забегает вперед, создавая опасность провала. Примером такой “потери темпа”, примером того, как не следует выбирать момент восстания, нужно считать попытку одной части товарищей начать восстание с ареста Демократического совещания в сентябре 1917 г.».

Кто представлял эту «одну часть товарищей», Сталин не указал. Сделал это Троцкий. По его словам, под неопределенной «одной частью товарищей» подразумевается... Ленин!

«Никто, кроме него, — писал Троцкий, — не предлагал начать восстание с ареста Демократического совещания и никто не поддержал этого предложения. Тактический план Ленина Сталин рекомендует в качестве “примера того, как не следует выбирать момент восстания”. Анонимная форма изложения помогает Сталину в то же время начисто отрицать разногласия между Лениным и ЦК».

Сталин достаточно тонко провел свою линию, никого конкретно не задев и не обидев. О Троцком этого сказать нельзя. Он то ли хитрит, искажая факты, то ли ошибается, представив позицию Ленина прямолинейной. Просматривая ленинские статьи и записи, не находишь подтверждения тому, что он настаивал на проведении вооруженного восстания в те дни и предлагал Смилге нанести удар по Временному правительству из Финляндии.

По первому вопросу есть «Проект резолюции о современном политическом моменте», написанный в середине сентября.

В нем отмечено: события «развиваются с такой невероятной быстротой вихря или урагана, что задачей партии никак не может быть ускорение их; напротив, все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий». Завершается записка: «Весь ход событий, все экономические и политические условия, все происшествия в армии готовят все быстрее и быстрее успех завоевания власти рабочим классом, который даст мир, хлеб, свободу, который ускорит победу революции пролетариата и в других странах».

Ленин писал о необходимости добиваться перехода всей полноты власти к Советам. Но о скорейшем восстании у него речь не идет. О подготовке к нему — да, но это совсем другое дело.

Наиболее ясное свидетельство на этот счет дает письмо И.Т. Смильге, который был председателем Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Оно было секретным. Ленин предлагал его сжечь по прочтении, а подписался псевдонимом «К. Иванов». В данном письме он высказался вполне откровенно.

Прежде всего высказал недовольство отсутствием конкретной подготовки к вооруженному восстанию в то время, когда противник может укрепить свои силы: «Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству. Но правительство имеет войска и *систематически* готовится... А что делаем мы? Только резолюции принимаем?».

Суждение справедливое. И вот его высказывание по интересующему нас вопросу: «События вполне подтвердили правильность моего предложения, сделанного во время Демократического совещания, именно, чтобы партия *должна* поставить на очередь вооруженное восстание. События *заставляют* это сделать».

Сказано совершенно ясно, без обиняков. Ленин упоминает о своем **предложении поставить на очередь вооруженное восстание**. А это, конечно же, совершенно не то, что приписал ему Троцкий.

Ленин пишет Смильге о необходимости «**все внимание** отдать **военной** подготовке финских войск + флота для предстоя-

шего свержения Керенского». О немедленном восстании тут и речи нет. Предлагается: «Для правильной подготовки умов надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, *который передаст ее Съезду Советов...* От *пропаганды* этого лозунгами большевиками и левыми эс-эрами в Финляндии не может быть ничего, кроме пользы».

Как видим, сказано о подготовке умов путем внедрения в сознание определенных лозунгов и пропаганды, а вовсе не о начале восстания. В данном вопросе Троцкий не побрезговал извращением фактов. Правда, в одном своем утверждении он не отступил от истины. Ленин действительно в письме руководителям большевистских Советов Москвы и Питера (точной даты нет; по-видимому, 16—20 октября) призывал:

«Если нельзя взять власть без восстания, надо **идти на восстание** тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания... В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся...

Необязательно “начать” с Питера...

Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно.

Ждать — преступление перед революцией».

Можно ли утверждать, что Ленин предлагал непродуманный план? Сомневаюсь. Во-первых, он писал не директиву на восстание, а только обращение к товарищам, требующее обсуждения. Во-вторых, он вовсе не исключал начала восстания в Питере (что и осуществил). В-третьих, бои в Москве были вызваны тем, что противники большевиков, узнав о свержении Временного правительства, успели организовать сопротивление, а не были, как в Питере, застигнуты врасплох, не ожидая, что восстание произойдет до дня Съезда Советов.

Неудивительно, что Владимир Ильич не раз обдумывал и менял дату восстания и место нанесения главного удара. Иначе

быть не могло. Разыгрывалась не шахматная партия, не кабинетная интрига, а чрезвычайно ответственное и опасное предприятие — государственный переворот.

Вот что писал сам Троцкий в 1924 году в работе «Уроки Октября», имея в виду события 1917 года: «24 октября Ленин пишет: “Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление смерти подобно“, — и далее: “История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять многое завтра, рискуя потерять все“.

Вот эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента... Если бы не было этой ленинской тревоги, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выровняла бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской».

Оставим без внимания нарочитую «красивость» некоторых его выражений. Как видим, в то время он сам привел как пример образца стратегии верный выбор Лениным времени нанесения удара по противнику, то есть именно тот случай, на который сослался позже Сталин. 8 лет спустя Троцкий мог бы напомнить Сталину о своем высказывании, сослаться на свой приоритет в данном вопросе, пошутить на этот счет. Но он предпочел оспорить верное заключение Сталина (а значит, и свое собственное).

Надо иметь в виду, что с момента своего приезда в Петроград Ленин твердо взял курс на свержение Временного правительства. В октябре такие видные партийные деятели, как Зиновьев и Каменев, категорически возражали против восстания. В такой обстановке, да еще находясь на нелегальном положении, Ленин проявил удивительное упорство в достижении цели и талант организатора.

Какими бы ни были сомнения и метания Ленина, что бы он ни писал в статьях и секретных записках, приходится признать как факт: его курс на подготовку и проведение восстания оказался верным, а стратегия и тактика — победоносными.

«Ленинская дубинка»

Льва Давидовича до сих пор нередко превозносят, как это ни странно, враги советской власти, которую он насаждал жесточайшими методами. Обычно ссылаются прежде всего на его ораторский дар, умение бросать в толпу зажигательные лозунги.

Да, оратором он был ярким, вдохновенным, эмоциональным. Хотя многие его высказывания не рассчитаны на логический анализ и не выдерживают сколько-нибудь основательного анализа. По большей части это образцы демагогии, характерной для публичных политиков.

Но и в своих сочинениях он в полемическом задоре позволял себе вольное обращение с фактами, а то и явную ложь. Во всяком случае, желая в упомянутой выше работе представить Сталина как скрытого антиленинца, он не пожелал говорить правду, которую, скорее всего, знал.

Обратим внимание на время и место публикации работы Троцкого, о которой у нас идет речь. И он, и те, кто его поддерживал, не имели перед собой академическую цель — изучить и предельно точно изложить историю Октябрьской революции. Как политический деятель, потерпевший фиаско, Лев Давидович стремился взять реванш. Его ненависть к Сталину была велика, а к России и русскому народу он относился высокомерно и даже, пожалуй, презрительно.

Он писал публицистическую работу, имевшую сверхзадачу: опорочить Сталина и его политическую линию. Для Троцкого наша страна и наш народ были только средством для достижения своих политических целей, прежде всего — для разжигания всемирного революционного пожара. Когда эта затея провалилась, он стал одним из активнейших врагов СССР.

Конечно, и Сталин в своих работах, посвященных Октябрьской революции, преследовал в первую очередь политические цели, не всегда объективно излагая факты. Но для руководителя государства в тот тяжелейший период в истории страны иначе быть не могло. А его целью было укрепление советского общества.

Троцкий, конечно же, не упустил из вида противоречия в высказываниях Сталина, относившихся к разным годам. Так, в газете «Правда» от 6 ноября 1918 года Иосиф Виссарионович писал об Октябрьской революции:

«Вдохновителем и организатором переворота с начала до конца был ЦК партии, во главе с тов. Лениным. Владимир Ильич жил тогда в Петрограде, на Выборгской стороне, на конспиративной квартире. 24 октября, вечером, он был вызван в Смольный для общего руководства движением. Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого».

Шесть лет спустя, когда политическая ситуация в Советской России радикально изменилась, Сталин позволил себе утверждать, опровергая вроде бы самого себя: «Должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог».

Тут с некоторым лукавством сказано об «особой роли». Как это понимать? Если иметь в виду общее руководство партией, выработку ее генеральной линии, подготовку и осуществление государственного переворота, то первая роль безусловно принадлежала Ленину. Ее можно с полным основанием считать «особой». Троцкий был одним из исполнителей, хотя и занимавшим едва ли не самый ответственный пост. Он проигрывал в сравнении с Лениным, но среди остальных руководителей восстания был, если так можно сказать, самым главным.

Но в своей работе, опубликованной в 1933 году, он постарался как можно ярче показать свою выдающуюся роль в Октябрьском перевороте даже в сравнении с Лениным. О себе написал в третьем лице:

«Ленин не был доверчив, особенно в таком вопросе, где дело шло о судьбе революции. Словесными заверениями его успокоить нельзя было. На расстоянии он склонен был каждый признак ис-

толковывать в худшую сторону. Он окончательно поверил, что дело ведется правильно, когда увидел собственными глазами, то есть когда появился в Смольном. Троцкий рассказывает об этом в своих воспоминаниях в 1924 г.: «Помню, огромное впечатление произвело на Ленина сообщение о том, как я вызвал письменным приказом роту Литовского полка, чтобы обеспечить выход нашей партийной и советской газеты... Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что же, можно и так. Лишь бы взять власть». Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора. Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь... он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события».

Лев Давидович, цитируя самого себя, ничего не проясняет. Пожалуй, даже запутывает. Когда он говорит, будто заочно Ленин был склонен «каждый признак истолковывать в худшую сторону», в этом можно усмотреть намек на то, что Сталин, осуществлявший связь Ильича с центром восстания, делал какие-то упаднические доклады и не верил в окончательную победу. Странное впечатление производят слова о том, как после восклицаний и смеха Ленин «стал молчаливее».

Вообще стиль Троцкого (не только в данном отрывке) вызывает немало недоуменных, а то и саркастических вопросов. Но сейчас речь идет о другом. Он написал о приказе одной роте охранять партийную типографию так, будто это было каким-то переломным событием, кульминацией и триумфом вооруженного восстания!

Как это понимать? То ли Владимир Ильич был ошеломлен происходящим и такую мелочь воспринял восторженно (что такое одна рота и одна типография, когда войска гарнизона по приказам руководителей восстания занимают почту, телеграф, телефон, государственные учреждения!)? То ли для Троцкого этот приказ был вершиной его деятельности по организации восстания? Скорее всего, события разворачивались по намеченному и утвержденному Лениным плану, а Троцкий внес свое дополнение в связи с необходимостью охранять партийную типографию.

Эта его статья интересна еще в одном аспекте, достаточно неожиданном. Троцкий приводит письмо Ленина, обращенное к руководителям районов в то время, когда вооруженное восстание, по существу, уже началось:

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го... Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров...

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом, — решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

По словам Троцкого, когда это писал Ленин, «полки и районы, которые он призывал мобилизоваться... были уже мобилизованы Военно-революционным комитетом для захвата города и низвержения правительства».

Из этого письма Троцкий заключает: «Ленин не мог ни предлагать 21-го отложить восстание до 25-го, ни участвовать в утреннем заседании 24-го, где решено было немедленно перейти в наступление». Намекается на то, что Владимир Ильич пребывал то ли в замешательстве, то ли в неведении о происходившем восстании, которое осуществлялось под руководством... конечно же, Троцкого, возглавлявшего Военно-революционный комитет.

И Сталин, выходит, тоже оставался в стороне от событий Октября. «Связь с Лениным, — пишет Троцкий, — поддерживалась в этот день через Сталина. Остается предположить, что, не явившись на утреннее заседание ЦК, Сталин так и не узнал до вечера о вынесенном решении».

К сожалению, все эти суждения Троцкого логично не выстроены и оставляют немало места для сомнений. Тревожное и несколько сумбурное письмо Ленина вовсе не свидетельствует о его незнании хода восстания. Он настоятельно повторяет, что

требуется делать в первую очередь, не останавливаясь на достигнутом. И почему бы Сталин, а от него и Ленин не могли знать о решении заседания ЦК, словно для этого надо непременно присутствовать на заседании?

Тут многовато неясностей. Но самое интересное — дальше. Вот что пишет Лев Давидович:

«Непосредственным толчком к тревоге Ленина могли послужить сознательно и настойчиво распространявшиеся в этот день из Смольного слухи, что до решения съезда Советов никаких решительных шагов предпринято не будет. Вечером этого дня на экстренном заседании Петроградского Совета Троцкий говорил в докладе о деятельности Военно-революционного комитета: “Вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы — у порога Всероссийского съезда Советов. Мы считаем, что съезд проведет наш лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить — 24, 48 или 72 часа, — и выступит против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо”. Таков был лейтмотив всего дня. Оборонительные заявления имели задачей в последний момент перед ударом усыпить и без того не очень активную бдительность противника. Именно этот маневр дал, по всей вероятности, Дану основание заверять Керенского в ночь на 25-е, что большевики вовсе и не собираются сейчас восставать. Но, с другой стороны, и Ленин, если одно из этих успокоительных заявлений Смольного успело дойти до него, мог, в своем состоянии напряженной недоверчивости, принять военную уловку за чистую монету».

Троцкий утверждает: на экстренном заседании Петроградского Совета его заявление о том, что «вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы», было «военной уловкой», которую Ленин мог принять «за чистую монету».

Признаться, такой словесный маневр Троцкого весьма неубедителен. Я не принадлежу к поклонникам Ленина как философа, не считаю его крупным мыслителем. Но, без сомнения, он был выдающимся политиком. Тут его свершения поистине грандиозны. Этим он решительно отличается, скажем, от Троцкого, потерпевшего полное фиаско как политик.

Есть основания полагать: если подготовка к вооруженному восстанию велась фактически открыто, то конкретную дату и час его начала Владимир Ильич держал в секрете не только от большинства ЦК, но и от Троцкого. Поэтому последний в своей речи примерно за 10 часов до начала выступления искренне, резко и красноречиво говорил, что вооруженный конфликт в ближайшие день-два исключен.

Конечно, всякое бывает, но представьте себе: возможно ли, чтобы признанный и единственный лидер партии (Ленин) не знал о том, что один из ответственных ее деятелей, возглавляющий Военно-революционный комитет, прибегает к военной хитрости, чтобы усыпить бдительность противника? Бывает ли, чтобы подобный маневр происходил без ведома главного руководителя, в тайне от него?

Если верить Троцкому, Октябрьское вооруженное восстание он возглавлял единолично, не ставя Ленина в известность о своих действиях и прибегая к таким изощренным «военным хитростям», которые вводили в заблуждение не только противника, но и собственного вождя.

Интересно и, по-видимому, правдиво другое сообщение Троцкого. По его словам, незадолго перед восстанием «Сталин явно маневрировал между Лениным, Троцким и Свердловым, с одной стороны, Каменевым и Зиновьевым — с другой». (Действительно, Сталин старался сгладить противоречия в ЦК, где Каменев и Зиновьев решительно выступили против ленинского курса на вооруженное восстание.) По словам Троцкого, «Сталин доходит по этому пути до грани, за которой открывается разрыв с большинством ЦК. Эта перспектива пугает его. Вследствие этого Сталин спешит восстановить полуразрушенный мост к левому крылу ЦК, предлагая поручить Ленину подготовку тезисов по основным вопросам съезда Советов и возложить на Троцкого политический доклад. И то и другое принято единогласно».

Выходит, в тот ответственный период авторитет Сталина был достаточно высок. Правда, в руководстве восстанием Троцкий занимал более высокий пост, чем Сталин, который был в пятерке Военно-практического центра (вместе с Бубновым, Дзержинским, Свердловым и Урицким), входившего в состав Военно-

революционного комитета. Но какая конкретно была роль Сталина во время переворота, остается неясно. Эта роль явно переоценивалась после того, как Иосиф Виссарионович стал признанным партийным лидером. Хотя вполне возможно, что в первые годы после Октябрьского переворота она недооценивалась.

Борьба с анархией

В своих мемуарах юрист и журналист масон В.Б. Станкевич весьма правдоподобно нарисовал состояние разброда, характерное для российского общества после Февральской революции: «Масса... живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которые вообще против всякой идеологии и организации».

Точнее, в человеческой массе, совершающей анархический государственный переворот, присутствуют группы, имеющие самую разную идеологию, преимущественно неопределенно выраженную, без четких политических установок. Преобладают эмоции, надежды, а не рассудок. Но разнонаправленные векторы интересов отдельных личностей образуют мощную силу, когда у них в сумме выявляется общее направление. Скажем, во время демонстраций активных участников сопровождают толпы зевак или прохожих, значительно увеличивающих количество людей, шествующих в данном направлении.

«Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвестное, таинственное и иррациональное, коренящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало штыками, загремело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах».

С.Г. Кара-Мурза приходит в этой связи к обоснованному заключению: «Большевики, как вскоре показала сама жизнь, выступили как реставраторы, возродители убитой Февралем Российской империи — хотя и под другой оболочкой. Это в раз-

ные сроки было признано противниками большевиков, включая В. Шульгина и даже Деникина».

Поистине разверзлась пропасть между царским, а затем буржуазным правительством, между «хозяевами жизни», привилегированными социальными группами и русским народом. В.В. Шульгин так выразил свои чувства на тот момент, когда «черно-серая гуща», преимущественно солдат и горожан, ворвалась 25 октября (7 ноября) в Таврический дворец:

«Сколько их ни было, у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое.

Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе только одно тоскующее, бессильное и потому еще злобное бешенство.

Пулеметов — вот что мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать в его берлогу вырвавшегося на свободу русского зверя.

Увы — этот зверь был его величество русский народ».

Ныне то и дело многие политики и СМРАП твердят с возмущением, будто Ленин провозгласил лозунг «Грабь награбленное!», тем самым призвав темную и жадную народную массу наброситься на священную частную собственность. Но вопрос в том, откуда взялись богатства у отдельных господ или кланов. Разве недопустимо отнимать у бандитов, воров и жуликов награбленное или наворованное ими?

Необходимо! Так делается в любой нормальной стране, где у власти не находятся жулики, воров и бандиты.

Другое дело — как осуществлять реквизиции. На этот счет Ленин дал ответ: «После слов “грабь награбленное” начинается расхождение между пролетарской революцией, которая говорит: награбленное сосчитай и врозь тянуть не давай, а если будешь тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай».

А вот как объяснял происходившие в России стихийный бунт, грабеж, осквернение усадеб просвещенный дворянин, глубоко ненавидевший буржуа:

«Почему дырявят древний собор?

— Потому что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах?

— Потому что там насиловали и пороли девок; не у того ба-рина, так у соседа.

Почему валят столетние парки?

— Потому что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть».

Пишет это Александр Блок, родовая усадьба которого была разграблена. Другой великий русский поэт, из крестьян — Сергей Есенин, — высказался о Гражданской войне:

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.
Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.

Достойны горьких сожалений и многие павшие белые, из которых далеко не все были палачами. Тем и страшна гражданская война, что губит, в общем-то, своих, вставших по обе стороны незримой линии фронта, проходящей через сердца и разум людей. Идет борьба двух идеологий, вер, надежд. Но когда господствует анархическая стихия, сохраняется разброд.

В теории анархия предстает как форма единства, сотрудничества и взаимопомощи людей. На практике она в трудное военное время, которое переживала Россия в 1917 году, реализоваться не могла. Существовали острые партийные разногласия; наряду с Временным правительством активно действовали Советы рабочих и солдатских депутатов. Правда, отдельные деятели, в частности, Керенский, входили в руководящие органы двух систем власти, но это ничего принципиально не меняло. Слишком различны были интересы, условно говоря, представителей буржуазии (Временное правительство) и на-

рода (Советы), не говоря уже о позициях сторонников и противников продолжения войны.

Весной 1917 года Морис Палеолог отмечал: «Анархическая пропаганда заразила уже большую часть фронта. Со всех сторон мне сообщают о сценах возмущения, об убийстве офицеров, о коллективном дезертирстве. Даже на передовой линии фронта группы солдат покидают свои части, чтобы отправиться посмотреть, что происходит в Петрограде или в их деревнях».

Он вел хронику тогдашней русской смуты, стараясь осмыслить ее особенности. Вот его мнение на этот счет:

«1. Радикальное различие психологии революционера латинского или саксонского от революционера-славянина. У первого воображение логическое и конструктивное: он разрушает, чтобы воздвигнуть новое здание, все части которого он предусмотрел и обдумал. У второго оно исключительно разрушительное и беспорядочное: его мечта — воплощенная неопределенность.

2. Восемь десятых населения России не умеют ни читать, ни писать, что делает публику собраний и митингов тем более чувствительной к престижу слова, тем более покорной влиянию вожаков.

3. Болезнь воли распространилась в России эпидемически; вся русская литература доказывает это. Русские неспособны к упорному усилию. Война 1812 года была сравнительно непродолжительна. Нынешняя война своей продолжительностью и жестокостью превосходит выносливость национального темперамента.

4. Анархия с неразлучной с ней фантазией, ленью, нерешительностью — наслаждение для русского. С другой стороны, она доставляет ему предлог к бесчисленным публичным манифестациям, в которых он удовлетворяет свою любовь к зрелищам и к возбуждению, свой живой инстинкт поэзии и красоты.

5. Наконец, огромное протяжение страны делает из каждой губернии центр сепаратизма и из каждого города очаг анархии; слабый авторитет, какой еще остается у Временного правительства, совершенно этим парализуется».

В этих мыслях есть немалая доля истины. Русские, возможно, более эмоциональны, чем рассудительны, в отличие от обывателей Запада; более мечтательны, идеалистичны, склонны к анар-

хии. Однако дальнейший исторический процесс показал: граждане СССР оказались способны к упорному самоотверженному труду и к достижению победы в тяжелейшей затяжной войне.

Справедливо Палеолог опасался анархии, грозившей распадом страны. «Что Россия обречена на федерализм, — писал он, — это вероятно. Она предназначена к этому беспредельностью своей территории, разнообразием населяющих ее рас, возрастающей сложностью ее интересов».

Почему же держава не распалась? Почему безудержная стихийная анархия, отчасти узаконенная свыше, не привела к катастрофическим последствиям? Каким образом удавалось сохранить порядок в огромных массах демонстрантов, которые периодически шествовали по улицам, останавливаясь для стихийных митингов? Сам Палеолог описал одно такое впечатляющее шествие — похороны жертв революции:

«Сегодня с утра огромные, нескончаемые шествия с военными оркестрами во главе, пестря черными знаменами, извивались по городу, собрав по больницам двести десять гробов, предназначенных для революционного апофеоза. По самому умеренному расчету, число манифестантов превышает девятьсот тысяч. А между тем ни в одном пункте по дороге не было беспорядка или опоздания. Все процессии соблюдали при своем образовании, в пути, при остановках, в своих песнях идеальный порядок. Несмотря на холодный ветер, я хотел видеть, как они будут проходить по Марсову полю. Под небом, закрытым снегом и разрываемым порывами ветра, эти бесчисленные толпы, которые медленно двигаются, эскортируя красные гробы, представляют зрелище необыкновенно величественное».

Так проходил не парад специально обученных войсковых частей, которые автоматически подчиняются своим командирам. Это было шествие толп народа, включая множество солдат, получивших самоуправление. Полное торжество анархии и порядка!

Об этом не подумал Морис Палеолог. Поэтому он не мог себе представить, что революция в России может завершиться созданием великой державы. По его словам: «Русская революция по существу анархична и разрушительна. Предоставленная самой себе, она может привести лишь к ужасной демагогии чер-

ни и солдатчины, к разрыву всех национальных связей, к полному развалу России. При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности: она неизбежно погибнет среди опустошения и варварства, ужаса и хаоса...»

Через месяц, наблюдая происходящее в России, он пишет: «Анархия поднимается и разливается с неукротимой силой прилива в равноденствие... Полиции, бывшей главной, если не единственной, скрепой этой огромной страны, нигде больше нет...»

Что же творится в Петербурге в то время, когда полностью отсутствует эта самая «скрепа»? Вот свидетельство самого французского посла, наблюдавшего первомайскую манифестацию:

«С утра по всем мостам, по всем улицам стекаются к центру шествия рабочих, солдат, мужиков, женщин, детей; впереди высоко развеваются красные знамена, с большим трудом борющиеся с ветром.

Порядок идеальный. Длинные извилистые вереницы двигаются вперед, останавливаются, отступают назад, маневрируют так же послушно, как толпа статистов на сцене... Огромная площадь похожа на человеческий океан, и движения толпы напоминают движение зыби...»

Приходит на память трагедия на Ходынском поле в Москве во время коронации Николая II. Катастрофа произошла, несмотря на то что порядок обеспечивала полиция. Теперь же полиции не было, а порядок был. Как тут не вспомнить тезис: «Анархия — мать порядка!» А кто же отец? Ответ: самоконтроль, самодисциплина при единодушии.

В петербургской разношерстной толпе людей сплотило ощущение свободы. Нередко можно услышать: если так, то все дозволено! Да, конечно. Но это не означает, будто свободные люди должны непременно превратиться в тупое злобное стадо.

Морис Палеолог наблюдал вблизи поведение этой толпы: «Ораторы следуют без конца один за другим, все люди из народа: в рабочем пиджаке, в солдатской шинели, в крестьянском тулупе, в поповской рясе, в еврейском сюртуке. Они говорят без конца, с крупными жестами. Вокруг них напряженное внимание; ни одного перерыва, все слушают, неподвижно уставив глаза, напрягая слух, эти наивные, серьезные, смутные, пылкие, пол-

ные иллюзии и грез слова, которые веками прозябали в темной душе русского народа. Большинство речей касаются социальных реформ и раздела земли...»

Все тут реалистично. Только следовало бы сказать о **светлой** русской душе, ибо картина гигантской толпы при идеальном порядке, искренности и единоклассности — доказательство именно духовной просветленности русских людей. Не этим ли объясняется основная причина того, что Февральская революция в России произошла без яростных междоусобиц? Октябрьский переворот, как известно, не был кровопролитным (кроме Москвы и еще ряда мест).

Анархия — это свобода. Когда народ достоин ее, не утратив чувства собственного достоинства и ответственности перед Родиной, он сохраняет порядок.

Смута началась в России до 1917 года. Избавление от нее прошло в два революционных этапа. Они были predeterminedены нестабильным состоянием общества и озаменовали переход его в новое состояние с мучительной перестройкой социальной структуры.

Считать эти два переворота катастрофами, вызванными горсткой смутьянов, по меньшей мере наивно. Такое мнение опровергается уже тем, что столь грандиозные явления прошли на удивление просто, естественно, с минимальным количеством жертв (на Ходынке погибло больше людей, чем в Питере во время Февральской революции!). Значит, страна была готова к государственным переворотам; значит, анархия не обернулась всеобщим хаосом; значит, русский народ был достоин свободы.

...Во вступлении к своим «Очеркам русской смуты» А.И. Деникин писал: «В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий. После свержения большевизма наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме».

Так он думал сразу после поражения Белой армии в Гражданской войне. Он-то знал, с какой плохо скрываемой радостью воспринимали на Западе кровавую русскую междоусобицу. Ему приходилось получать такую поддержку западных держав, чтобы ни у белых, ни у красных не было решающего перевеса и Россия — именно она — потерпела поражение, перестала быть великой державой.

Деникин в ту пору уповал еще на свержение большевизма и установление в России буржуазной демократии. Его надежды не сбылись. А большевики сумели не только одержать победу, но и в кратчайшие сроки восстановить страну под новым именем — СССР.

Что могло произойти, если бы власть большевиков была свергнута? Вопрос вроде бы умозрительный. Однако четкий ответ на него получен в конце XX века. Власть в России перешла в руки «демократов», ориентированных на Запад. Началась «революция сверху» в 1985 году, когда по инициативе М.С. Горбачева грянула перестройка. Началась она с чистки и обновления руководящего партийного аппарата, куда были введены, как потом оказалось, ярые антисоветчики Э.А. Шеварднадзе, Б.Н. Ельцин, А.Н. Яковлев и многие другие.

Власть этих «демократов» в стране укреплялась. И что в результате? Развал СССР, превращение России в третьеразрядное государство, торгующее своими природными ресурсами при резком обнищании и вымирании коренного населения.

А теперь вспомним, что произошло всего лишь через 17 лет после окончания в 1921 году Гражданской войны. СССР, с неимоверными трудностями преодолев разруху, превратился в сверхдержаву, уступавшую по своему экономическому потенциалу только США. Прирост населения в нашей стране был выше, чем во всех крупных западных державах, а благосостояние народа заметно росло.

Можно возразить: если бы тогда победило Белое движение и к власти пришли не большевики, а демократы, все было бы не так, как в конце XX века. Правил бы не Горбачев или Ельцин, а настоящие государственные мужи... Но разве дело в отдельных личностях? Вопрос в том курсе, который предлагается для страны: идти своим путем или следовать указаниям «западной цивили-

зации». А она всегда выступала против великой России. Об этом упомянул и Деникин, находясь, кстати сказать, на Западе.

Реальный исторический опыт России XX века продемонстрировал то, что происходит при власти и царя, и большевиков, и «демократов». Да, при большевиках было не сладко, но в героические эпохи иначе не бывает. Величие страны и народа — достойная награда.

Необычайно быстрое возрождение России—СССР неопровержимо доказало: победа большевиков в Гражданской войне была волеизъявлением народа. Нет никаких серьезных оснований считать Октябрьский революционный переворот результатом тайного заговора группы под руководством Ленина и Троцкого. Происходившее в 1917 году А.И. Деникин (сошлемся на врага большевиков) охарактеризовал так:

«Революция была неизбежна. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения... После 3 марта и до Учредительного собрания всякая верховная власть носила признаки самозванства».

О Временном правительстве он писал: «Вся его деятельность вольно или невольно имела характер разрушения, не созидания. Правительство отменяло, упраздняло, расформировывало, разрешало... В этом заключался центр тяжести его работы. Россия того периода представляется мне ветхим, старым домом, требовавшим капитальной перестройки... Зодчие начали вынимать подгнившие балки, причем часть их вовсе не заменяли, другую подменили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свежими бревнами без скреп — последнее средство оказалось хуже всех. И здание рухнуло».

Победу большевиков в октябре 1917-го А.И. Деникин объяснял так: «Огромная усталость от войны и смуты (как видим, смуту он распространял на предшествовавший период. — Р.Б.); всеобщая неудовлетворенность существующим положением; неизжитая еще рабья психология масс; инертность большинства и полная безграничного дерзания деятельность организованного, сильного волей и беспринципного меньшинства; пленительные лозунги... Вот в широком обобщении основные причины... непротивления воцарению большевизма.

Власть падала из слабых рук Временного правительства, во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы».

Допустимо ли говорить о «рабьей психологии масс», которые сбросили царское правительство и выступили за изменение политического строя? Такова психология людей, жаждущих свободы. Трудно принять тезис о беспринципности большевиков в борьбе за власть. Официальные принципы большевиков существовали и в значительной степени выдерживались на деле. Ну, а то, что не было полного соответствия свершений с лозунгами, то такого упрека заслуживают все политические партии.

Но вот что интересно. Надеясь на скорое падение большевиков, Деникин понимал, что в этом случае положение России станет вовсе не безоблачным: «Что же? Со дня падения большевизма сразу наступит мир и благоволение в стране, насыщенной рознью, ненавистью и... огромным количеством оружия? Или со дня падения русского большевизма отпадут своекорыстные вождельники многих иностранных правительств, а не усилятся еще больше, когда исчезнет угроза советской моральной заразы?»

Не зря он опасался иностранных правительств, которые с вождельником глядели на природные богатства России. Как только рухнула советская власть и восторжествовали так называемые демократы, они постарались в кратчайшие сроки разграбить и распродать национальные богатства страны. И Запад им в этом помог...

Даже если основываться на мнении А.И. Деникина, наибольшая смута в России наблюдалась до Октябрьского революционного переворота. Позиция большевиков позволила внести ясность в запутанную ситуацию. Произошло нечто подобное поступку Александра Македонского, который даже не стал пытаться распутать хитро запутанный гордиев узел, а разрубил его ударом меча.

Захват власти одной из партий — не самой многочисленной — путем военного переворота изначально чреват был междоусобицей: не могли другие партии с этим смириться. Хотя сами не выказали стремления взять на себя ответственность руководить страной в сложный период фактического безвластия.

Казалось бы, после того как рухнула царская власть, народ должен был успокоиться и мирно организовать новую государственную систему на демократических началах. Разве не этого желало большинство политиков?

Но ситуацией владели не столько политики, сколько «революционные массы». А этим массам всякая государственная власть внушала подозрение и неприязнь. Революционная смута — торжество анархии, безвластия. Лозунг «Вся власть — Советам!» сам по себе анархический.

Буржуазия в России еще недостаточно окрепла, а буржуазная идеология не овладела массами. Поэтому совершившаяся буржуазная революция не прекратила смуту, а лишь придала ей новый вид. При двоевластии Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного правительства первый оказался более влиятельным.

Падение монархии определило в России торжество вольности, а не той ограничительной свободы, которая характерна для буржуазно-демократических стран Запада. Переход из одной крайности в другую — достаточно характерная черта российской истории. Об этом хорошо сказал В.В. Кожин:

«Неограниченная монархия и беспредельная анархия — это в равной мере коренные российские феномены (вполне закономерно, например, что не столь давно громко заявившие о себе анархические группировки на Западе вдохновлялись прежде всего заветами Бакунина и Кропоткина!).

И можно утверждать, что история Руси-России благодаря сочетанию в ней подобных «крайностей» более драматична или, вернее, более трагедийна, чем история стран Запада, но проклинать либо, напротив, восхвалять (что также нередко делалось) Россию за эти ее «крайности» — занятие, по сути дела, примитивное, уместное только в чисто эмоциональном плане, но не в русле историософской мысли».

С анархическим движением масс не смогло справиться буржуазное Временное правительство. Интеллигенция, придя к власти, выдвинула в лидеры человека, подходящего для нее, но не соответствовавшего тем задачам, которые приходилось решать. А.Ф. Керенский, как справедливо писал Михаил Зощенко, был порождением интеллигентской среды, «которая в искусстве со-

здада декадентство, а в политику внесла нервозность, скептицизм и двусмысленность».

Он умел произносить зажигательные речи, но плохо справлялся с повседневной работой. (В этом был похож на него Лев Троцкий в отличие от Ленина и Сталина.)

Не только Керенский, но и более сильный государственный деятель не сумел бы совладать с мощным стихийным общественным движением народных масс (повторю: имеется в виду не весь российский народ, а наиболее активная его часть, принимавшая участие в революционном движении). Искусство политика заключается в умении лавировать в период смуты, принимать решения, соответствующие текущей ситуации и проводить свою линию последовательно и твердо.

Свержение Временного правительства

Буржуазно-демократическое правительство продержалось во главе бывшей Российской империи недолго. Троцкий не без остроумия отметил, что все это время было «двубезвластие». Он имел в виду существование наряду с правительством Советов рабочих и солдатских депутатов.

Впрочем, броские слова Льва Давидовича были привычно рассчитаны на слуховое восприятие (недаром его митинговые выступления пользовались огромным успехом). Если их продумывать, то первое впечатление пропадает. Так осветительная ракета, ярко вспыхнув и совершив свой недолгий полет, гаснет, после чего мрак сгущается.

Что может означать двойное отсутствие власти? Все ту же анархию, возможно, соединенную с хаосом. В этом смысле можно было бы толковать понятие, предложенное Троцким. Хотя в действительности он имел в виду, по-видимому, наличие двух слабых властных структур: правительство и Советы. Только и всего. Это ничего не объясняет и даже затуманивает реальную ситуацию, которую значительно более проницательно оценил Владимир Ленин.

Свержение Временного правительства и победа большевиков объясняются не столько тем, что они смогли увлечь за собой народ, сколько умением использовать в своих политических целях анархические порывы солдат, матросов, рабочих. Но одно дело — захватить власть, а совсем другое — удержать ее и укрепить.

Октябрьский переворот прошел удивительно легко и, можно сказать, естественно благодаря слабости власти, а не силе и авторитету большевиков. Победителей поддержали только левые эсеры и немногие анархисты. Остальные партии сочли свержение Временного правительства контрреволюцией, переходом к диктатуре (отчасти они были правы).

Иногда говорят, будто тогда победила утопия. Но уже по сути своей утопия не может реализоваться, как любой идеал. А коммунистический строй в то время вовсе не был утопией. Вопрос лишь в том, о какой форме коммунизма идет речь. Не только анархия, но и жесткая диктатура может принимать коммунистические формы.

В.И. Ленин, которого писатель-фантаст Герберт Уэллс, не веривший в окончательную победу большевиков, назвал кремлевским мечтателем, был реалистом подобно любому талантливому политику. Он с беспримерным искусством осуществил государственный переворот, завершившийся чрезвычайно быстро и просто. Владимир Маяковский писал:

И в эту
 тишину, —
 раскатившийся всласть
 бас,
 окрепший,
 над реями рея:
 «Которые тут временные?
 Слазь!
 Кончилось ваше время».

И один
 из ворвавшихся,
 пенснишки тронув,

объявил,
как о чем-то простом
и несложном:
«Я,
председатель реввоенкомитета,
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным».

Существовавшая доселе государственная власть упала, как перезревший или подгнивший плод падает с ветки при малейшем порыве ветра. Так было. И этот феномен заслуживает анализа.

Прежде всего возникает мысль, что произошло нечто подобное падению монархии, которую никто не свергал. Правда, в данном случае произошло вооруженное восстание и даже были сражения местного значения в Москве. Но все это мелочи по сравнению с тем событием, которое свершилось: переход к единовластию Советов при дальнейшей цели — установление не виданного доселе в мире социалистического строя.

Был ли штурм Зимнего?

Судя по ряду признаков, штурм Зимнего дворца в дни Октября — один из распространенных мифов революции.

Вызывает недоумение отсутствие внятного, основанного на фактах, непротиворечивого рассказа об этом событии. Это дает повод думать, что настоящего сражения, сколько-нибудь кровопролитной схватки, отличающей подлинный штурм, не было вовсе.

Примерно полвека назад в киножурнале «Новости дня» (обычно он предварял показ художественных фильмов) прошло сообщение, что обнаружены документальные кадры взятия вооруженными рабочими, солдатами и матросами Зимнего дворца в 1917 году. В какой-то из газет промелькнула заметка об одном из героев тех лет, участнике штурма.

По его словам, он был в рядах красногвардейцев, ринувшихся на Зимний дворец. Они полезли на резные ворота, закрывавшие вход, и распахнули их. Бросились вперед в лучах прожекторов под жестоким огнем юнкеров и женского батальона. Перед ним упал, смертельно раненный, его друг, успев завещать, чтобы сражались до полной победы революции...

А через год или два в сатирическом журнале «Крокодил» была опубликована заметка об этом мифическом участнике штурма. Оказывается, в октябрьские дни он безвылазно находился в Кронштадте в должности писаря. Увидев кадры взятия Зимнего дворца, решил воспользоваться случаем и стал выступать перед детьми и взрослыми со своими «воспоминаниями» об этом событии. Ему устраивали торжественные встречи, вручая подарки.

Дотошный журналист, разоблачивший этого писаря-говоруна, сообщил и о том, что кинокадры взятия Зимнего в действительности являются фрагментом незавершенного художественного фильма «Октябрь» выдающегося режиссера Сергея Эйзенштейна.

Официальная «История СССР. Эпоха социализма» (1958) так освещала события 25 октября. Днем на экстренном заседании Петроградского Совета выступил Ленин со словами:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Была без прений принята предложенная им резолюция, где подчеркивались сплоченность, дисциплина и «полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании».

Произошла ли в действительности революция? В этом правомерно усомниться. Допустимо ли так называть захват вооруженными частями отдельных учреждений и коммуникаций в столице при существующем правительстве? Вот и в упомянутой книге сказано:

«Однако нельзя было считать победу завершенной, пока в Зимнем дворце под охраной юнкеров продолжало отсиживаться Временное правительство.

В 12 часов дня 25 октября революционные отряды заняли Мариинский дворец, где заседал Предпарламент. К 6 часам вечера полностью был окружен Зимний дворец.

Во избежания кровопролития Военно-революционный комитет предъявил Временному правительству ультиматум — капитулировать в течение 20 минут. Не получив ответа на ультиматум, ВРК дал приказ начать штурм Зимнего. Сигнал к началу штурма был дан холостым выстрелом с крейсера «Аврора». Затем раздался залп орудий из Петропавловской крепости. Армия революции пошла на приступ Зимнего. Завязалась интенсивная перестрелка. Юнкера и «ударники» (в общей сложности их насчитывалось более 1500 человек. — *Примеч. составителя*), укрывшись за баррикадами, упорно отстреливались. Однако к ночи началась деморализация гарнизона Зимнего. Во дворец проникли первые отряды солдат революции. Но борьба продолжалась и внутри здания. Нелегко было при бешеном сопротивлении юнкеров овладеть дворцом, имеющим более тысячи комнат и залов.

Глубокой ночью Зимний дворец был взят. Юнкера капитулировали. В 2 часа 10 минут ночи с 25 на 26 октября члены Временного правительства были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. <...>

Время господства буржуазии в России истекло. Наступило время победы революции, время торжества подлинных хозяев страны — рабочих и крестьян. Арестом Временного правительства победоносно завершилось вооруженное восстание в Петрограде. Этот стремительный штурм буржуазной власти, организатором и руководителем которого явилась Коммунистическая партия, представляет собой классический образец победоносного вооруженного восстания.

День 25 октября (7 ноября) 1917 года вошел в историю нашей Родины и во всемирную историю человечества как день победы Великой Октябрьской социалистической революции, день начала новой эры — эры коммунизма».

Итальянский историк Д. Боффа пишет так: «Вечером восставшие рабочие, матросы, солдаты штурмом взяли резиденцию Временного правительства — Зимний дворец — и арестовали министров... Победа большевиков была не только и не столько военно-повстанческой, сколько политической».

Англичанин Э. Карр предпочел не упоминать об этом событии вовсе. Француз Н. Верт, употребив выражение «штурм Зимнего дворца», уточнил, что произошел он поздно ночью «после того, как крейсер “Аврора” сделал несколько холостых выстрелов в сторону дворца... Бои, в которых принимали участие с той и другой стороны не более нескольких сот человек, завершились с минимальными потерями (6 убитых среди обороняющихся, ни одного среди нападающих)».

Если эти цифры верны, то перед нами странные бои и невиданный доселе штурм, при котором нападающие не понесли потерь! Можно подумать, что они просто ворвались всей толпой в здание и задавили некоторых из тех, кто попался им на пути.

Обратимся к гигантскому (по объему) трехтомному труду академика И.И. Минца «История Великого Октября» (1968). Глава «Взятие Зимнего дворца». Использовано слово «взятие» вместо привычного «штурм».

«Генерал для поручений при Керенском Б.А. Левицкий, — пишет Минц, — так характеризовал положение правительства утром 25 октября: “Части, находящиеся в Зимнем дворце, только формально охраняют его, так как активно решили не выступать; в общем, впечатление, как будто Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий”».

По словам академика, на последнем заседании правительства министры сами подняли вопрос о действительности их полномочий «в обстоятельствах текущего момента». А поздно вечером «уже шел штурм Зимнего дворца и раздавались непрерывные пулеметные очереди и орудейный гул».

Вечером восставшие без выстрелов захватили штаб округа и арестовали офицеров. В ответ на ультиматум Военно-революционного комитета Временное правительство отказалось капитулировать, надеясь на подход верных ему войск. Они двигались к Петрограду, но по мере приближения к столице все чаще принимали резолюции о поддержке восстания. Никто не хотел воевать против своих.

Зимний дворец был окружен. Около десяти часов вечера его покинули три сотни казаков. К ним захотели примкнуть юнке-

ра. Министры уговорили их остаться. Тем временем в помещения дворца приходили агитаторы и призывали его защитников сдаваться. Укреплялись боевые цепи вокруг Зимнего дворца. В Неву вошли военные корабли, направив на него орудия. Батарея Петропавловской крепости тоже была готова к обстрелу дворца. Под аркой Главного штаба восставшие установили пушки. Руководители этой операции Подвойский, Антонов-Овсеенко и Чудновский получили от Ленина распоряжение об аресте Временного правительства. Начался обстрел дворца.

«Укрывшись за баррикадами, — писал Минц, — юнкера и “ударницы” открыли ответный беглый огонь по атакующим, со всех сторон приближавшимся к Зимнему дворцу... Эта грозная неотвратимость, с которой продвигались вперед восставшие, свидетельствовала о близкой победе революции и неизбежной обреченности сопротивляющихся. Вот атакующие достигли первого подъезда со стороны Эрмитажа, а некоторые смельчаки уже проникли во дворец через подвальные окна. Около полуночи в комнате, расположенной рядом с той, в которой отсиживались члены бывшего правительства, раздался взрыв. Оказалось, что матросы, пробравшись черными внутренними ходами на верхнюю галерею, бросили в нижний коридор бомбу».

А вот свидетельство Подвойского: «Это был героический момент революции, грозный, кровавый, но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночи, озаряемые мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного, подобно урагану, потока».

По словам академика Минца, «распахнув ворота, часть атакующих заполнила двор. Несколько сот человек одновременно ворвались в нижний этаж дворца. Юнкеров стали разоружать. Продвижение по дворцу требовало осторожности, можно было ожидать удара с тыла. Осажденные не раз поговаривали о вылазке и даже в последний момент еще предполагали убедить своих сторонников в городе нанести удар в тыл осаждающим.

История восстаний еще не знала сражения в столь огромном помещении».

Несмотря на то что речь идет об «атакующих», о «молниях выстрелов», падающих и поднимающихся красногвардейцах, сражении в огромном помещении, сведений о жертвах не приводится. Упомянуто о принятых мерах «против расхищения ценностей теми случайными элементами, которые могли проникнуть в занятый дворец».

О том, что сколько-нибудь существенных потерь при «штурме» не было, свидетельствует замечание Минца: «Буржуазные историки усердно извращают самое понятие “восстание”. Они приписывают ему в качестве обязательного признака насилие, кровь, жертвы... Но пролетарская революция не рядится в костюмы прошлого... Штурм Зимнего дворца был завершением восстания». Только он не уточняет, можно ли называть штурмом, атакой и сражением холостые выстрелы «Авроры», после чего вооруженные люди без потерь ворвались в помещение, а главной заботой руководителей было расставить в комнатах охрану и не допустить расхищения ценностей...

В докладе комиссара крейсера «Аврора» А.В. Бельшева Петроградскому военно-революционному комитету четко изложено то, что происходило с легендарным кораблем. Он был задержан в доке Франко-Русского завода приказом Центробалта для поддержки предстоявшего II Всероссийского съезда советов. Военно-революционный комитет назначил Бельшева на крейсер 24 октября. На заседании судового комитета в присутствии командира корабля и офицеров он сообщил, что его приказы и распоряжения должны исполняться беспрекословно. (Как видим, реальная власть была уже в руках комиссара и команды.)

Когда потребовалось ввести корабль в Неву, командир отказался это делать, ссылаясь на недостаточную глубину реки. Бельшев приказал измерить фарватер. Оказалось, что «Аврора» может пройти. С этими данными комиссар пришел к командиру и вновь получил отказ. Тогда он приказал арестовать всех офицеров. Было решено самим вести корабль. В последний момент командир все-таки согласился выполнить приказ.

«Весь день 25 октября, — докладывал комиссар, — корабль приводили в боевое состояние... Вечером получено предписание от Военно-революционного комитета — после сигнальных

пушечных выстрелов с Петропавловской крепости произвести несколько выстрелов холостых и, смотря по обстоятельствам, если нужно, открыть боевой огонь, к чему прибегать не пришлось, так как Зимний вскоре сдался».

Вот и весь доклад о «сражении».

Комиссар Петроградского полка Л.Д. Ёлкин, принимавший участие в операции, изложил ее кратко: «К вечеру Зимний дворец был окружен революционными войсками. Вечер и ночь — очень темно. Холодно. Резкий ветер. Слышится перестрелка. Глубокой ночью Зимний дворец взят. Министры арестованы».

Вернемся к воспоминаниям Н.И. Подвойского, описывающим завершающие моменты «штурма»:

«Матросы, красногвардейцы, солдаты под пулеметную переkreщивающуюся трескотню волна за волной перехлестывали через баррикады. Вот уже смяли первую линию защитников Зимнего дворца и ворвались в ворота. Двор занят. Ворвались на лестницы. На ступенях схватываются с юнкерами. Опрокидывают их. Бросаются на второй этаж, ломая сопротивление защитников правительства. Рассыпаются. Как ураган, несутся на третий этаж, везде по дороге сметая юнкеров. На узкой извилистой боковой лестнице трудно атаковать. Юнкера отражают первый наш натиск. Но вот и эти защитники Зимнего бросают оружие...»

Упоминание о пулеметной трескотне и сопротивлении защитников дворца вызывает удивление. В таком случае атакующие должны были понести потери. О них — ни слова. Судя по всему, стрельбу вели почти исключительно нападающие главным образом для деморализации противника. Для того же предназначались холостые выстрелы с «Авроры». В воспоминаниях свидетеля тех дней большевика И.Х. Бодякина: «Крейсер “Аврора” дал два выстрела, и Зимний дворец замолчал».

В телеграмме комиссарам фронтов и армий подполковник Ковалевский сообщал: «Фактическое соотношение сил таково, что до позднего вечера, когда началась осада Зимнего дворца, восстание происходило бескровно. Восставшие снимали правительственные посты без всякого сопротивления. План восстания, несомненно, был заранее разработан и проводился стройно».

По аналогии с холодной войной и психологическим оружием можно сказать, что Октябрьское восстание в Петрограде было «холодным», а его противников подавили морально. 26 октября в разговоре с генерал-квартирмейстером Северного флота Барановским свидетель событий поручик Данилевич сказал: «Все это вышло просто до изумительного».

Итак, захват восставшими Зимнего дворца, так же как других государственных учреждений, называть штурмом нет никаких веских оснований. Не по этой ли причине фильм Эйзенштейна «Октябрь», где как бы восстановлено сражение за дворец, не вышел на экраны страны?

Миф о штурме Зимнего под залпы крейсера «Аврора» призван был демонстрировать героический энтузиазм красногвардейцев, славный апогей вооруженного победоносного Октябрьского восстания.

В этом была своя правда — такая же, как в мифах разных стран и народов, воспевающих героическую эпоху и ее героев. Никто не сомневается, что Троянская война отличалась от ее изображения в «Илиаде». Но это не мешает вновь и вновь возвращаться к бессмертным образам Гомера.

Анархия — мать порядка?

Возможно, кого-то из нынешних россиян, воспитанных на американских боевиках, информация о бескровном перевороте заставит иронически усмехнуться: «Выходит, никакой Великой Октябрьской революции не было вовсе! Надо еще разобраться, зачем это так рвались толпы солдат, рабочих и матросов во дворец. Может быть, большинство из них захотело “приватизировать”, прихватить находящиеся там ценности, только и всего».

Но крупные исторические события велики не тем, что свершаются в какой-то определенный момент, а своими последствиями. В этом отношении Октябрьский переворот, безусловно, был великим историческим событием.

Удивительное отсутствие жертв при свержении Временного правительства, организованность восставших масс рабочих, солдат и матросов объясняются, на мой взгляд, не гениальным руководством Ленина, Троцкого или Военно-революционного комитета и не только слабостью правительства. Как прежде в феврале, проявилось единодушие народных масс, та самая анархия, которую ее сторонники называют матерью порядка. Ведь порядок действительно был изумительный при отсутствии жесткого руководства.

Мы наблюдаем нечто совершенно противоположное тому, что укоренилось в общественном сознании: мол, когда собираются толпы народа и вершат свою волю, происходит социальная катастрофа, вскипают со дна человеческих душ самые подлые, зверские, разрушительные чувства, начинается вакханалия беззакония и анархии.

И в Февральскую, и в Октябрьскую революцию проявилась наиболее определенно именно анархическая народная стихия. А значительные жертвы и разрушения начинаются в тех случаях, когда противоборствуют государственные системы, классовые или партийные интересы. Тогда разобщаются и вступают в кровавый конфликт или народы, или социальные группы внутри страны. Но если народные массы сохраняют единство взглядов и целей, то они не встречают серьезного сопротивления. Кто может им противостоять?

В октябре повторилось то же самое, что и в феврале. Министры Временного правительства вынуждены были признать свое поражение и отказаться от власти. Они оказались беспомощными перед народной стихией. Впрочем, есть и другое мнение. Судя по характеристикам Солженицына, все они подобно царю и его окружению были, говоря словами Паниковского из «12 стульев», жалкими, ничтожными личностями.

Хорошо и удобно выставить себя вершителем судеб задним числом, управляя лишь потоком собственных слов. Но представим себе положение Верховного главнокомандующего, не имеющего полной власти над своими подчиненными, или правительства, у которого отсутствуют верные воинские части. У них выбора фактически нет. Царь и его окружение не могли пойти с

пашками наголо против восставших. Члены Временного правительства не могли, обвешавшись гранатами и пулеметными лентами, выйти на баррикады и отбивать атаки красногвардейцев.

Любые представители власти являются таковыми до тех пор, пока вся иерархия им подчиненных сверху донизу (властная вертикаль), выполняет их указания, приказы. Когда такая связь обрывается, остается иллюзия власти: приводные ремни работают вхолостую, государственная машина не способна производить необходимую работу.

Вспомним размышления о народе великого русского писателя и патриота Льва Николаевича Толстого:

«Есть две стороны жизни в каждом человеке, — жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы.

Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических общечеловеческих целей».

Оставив в стороне мировые масштабы, ограничимся целями государственными, местными, какие характерны для реальных революций, а не теоретических. Когда в массах более или менее совпадают личные цели и общественные, когда суммирующая составляющая усилий людей ориентирована в едином направлении, тогда и проявляется естественный, а не приказной, не навязанный начальством порядок. Это и есть стихийно организованная на основе единства целей анархия.

Существует и другая, прямо противоположная анархия — хаоса, разъединения, деградации, отсутствия порядка. Она может проявляться и при официальном правительстве или монархе, если приказы руководства не исполняются в полной мере. Так было и перед Февральским, и перед Октябрьским переворотами. Осуществились они по причине отсутствия сопротивления противника. Так бывает не потому, что на одной стороне преимущество силы, а потому, что у нее, помимо всего прочего, преимущество *правды*.

Если уж говорить о реальном штурме, то следует иметь в виду осаду красногвардейцами Московского Кремля. Здесь действи-

тельно были выстрелы орудий боевыми зарядами, ожесточенная перестрелка со многими убитыми и ранеными, разрушениями зданий. Однако этот инцидент был лишь незначительным эпизодом на фоне грандиозного социального переворота. Подобные выступления тогда удалось сравнительно быстро пресечь. Значит, в стране установилась организованная анархия, говоря по-русски, народовластие.

Лев Толстой предлагал перейти к познанию истории не с помощью законов арифметики, а с позиций высшей математики. «Для изучения законов истории, — писал он, — мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами... Очевидно, что на этом пути только лежит возможность уловления исторических законов и что на этом пути не положено еще умом человеческим одной миллионной тех усилий, которые положены историками на описание деяний различных царей, полководцев и министров и на изложение своих соображений по случаю этих деяний».

Казалось бы, после торжества народной демократии у советских историков возобладает именно такой подход. Но и тут все покатилося по накатанной колее: стали славить гений Ленина, затем Сталина, а там и вовсе мелких партийных и государственных деятелей. Где тут докопаться до истины!

Февральские и октябрьские события в чем-то главном напоминают Отечественную войну 1812 года, которая тоже велась не по правилам военного искусства, а по воле и разумению народа. Как образно изложил ситуацию Лев Толстой, Наполеон «вместо шпаги противника увидел поднятую над собой дубину», после чего «не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существовали какие-то правила для того, чтобы убивать людей)». И тут-то «дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Ясное дело, в феврале и октябре 1917 года «дубина народной войны» не гвоздила инородцев и иноверцев, даже и на головы противника не опускалась. Она лишь поднялась, обозначилась, и все уже разрешилось само собой. Ни царю, ни его сановникам и генералам, ни Временному правительству и его немногочисленным приверженцам не захотелось подставлять под нее свои головы. Понять их можно.

Правда, нашему современнику Солженицыну вдруг почудилось, что он-то уж смог бы то ли «извихнуться» из-под этой дубины, то ли выбить ее из рук народа (разве что с помощью щекотки?). Мечтать, как говорится, никому не возбраняется.

Если непредвзято, всерьез и без глупостей ознакомиться со всем комплексом событий 1917 года и ему предшествовавших, приходишь к выводу: не имевшие всей полноты власти царское и Временное правительства, а также лично Николай II и неудавшийся диктатор Керенский поступали более или менее в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Они не были столь глупыми и слабыми, как представляется кому-то, воображающему себя великим стратегом.

Организованная анархия, выражающая волю народных масс, — титаническая сила, противостоять которой решаются только самоубийцы или бездумные авантюристы.

Рабочая и крестьянская или солдатская?

Февральская революция, как мы уже говорили, начиналась со стихийных выступлений рабочих в Петрограде. Когда солдаты начали отказываться от стрельбы по демонстрантам, переходя на их сторону, свершился революционный переворот. Сказалось одно существенное обстоятельство: солдатам было опасно возвращаться в свои казармы при прежнем режиме, ибо тогда их ожидали аресты и расстрелы за невыполнение приказов, бунт.

А что произошло через 8 месяцев?

Ознакомимся с фрагментом письма 19 ноября (2 декабря) 1917 года одного из видных социал-демократов, выдающегося

мыслителя Александра Богданова его товарищу Анатолию Луначарскому, который предложил ему занять ответственный пост в наркомате просвещения. Богданов отказался прежде всего по причинам материальным. Но пояснил свое отношение к установившейся власти:

«Корень всему — война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие военного коммунизма.

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; применительно к нему нормировка сбыта, производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как ублюдок капитализма и потребительского военного коммунизма, — чего не понимают нынешние экономисты, не имеющие понятия об организационном анализе. Атмосфера военного коммунизма породила максимализм: ваш, практический, и «Новой Жизни», академический. Который лучше, не знаю. Ваш открыто противонаучен; тот псевдонаучен. Ваш лезет напролом, наступая, как Собакевич, на ноги марксизму, истории, логике, культуре; тот бесплодно мечтает о социалреволюции в Европе, которая поможет и нам, — Манилов.

В России максимализм развился больше, чем в Европе, потому что капитализм у нас слабее и влияние военного коммунизма, как организационной формы, относительно сильнее. Социалистической рабочей партией была раньше большевистская. Но революция под знаком военщины возложила на нее задачи, глубоко исказившие ее природу. Ей пришлось организовать псевдосоциалистические солдатские массы (крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных коммунах). Почему именно ей? Кажется, просто потому, что она была партией мира, идеала солдатских масс в данное время. Партия стала рабоче-солдатской. Но что это значит? Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к первой среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры — наиболее тихходным кораблем и пр. Позиция партии, состав-

ленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом. Партия рабоче-солдатская есть объективно просто солдатская. И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал.

Логика казармы в противоположность логике фабрики характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть — тогда все можем. Соглашения? это зачем? — делиться добычей? как бы не так; что? иначе нельзя? ну, ладно, поделимся... А, стой! мы опять сильнее! не надо... и т.д.

С соответственной точки зрения решаются все программные и тактические вопросы. Голосование 18-летних: они дети! Жизнь сложна, дайте им подразобраться... вздор! винтовку держать могут; а главное — они за нас; чего толковать. Выборы строевого начальства — агитаторов в стратеги и в организаторы сложнейшего ротного и полкового хозяйства. Сознательный рабочий вряд ли требовал бы выборности инженеров...

Ваша безудержная демагогия — необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное приращение — необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата. Черные годы реакции огрубели его, затемнили его сознание...

А идеал социализма? Ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, тот с рабочим социализмом объективно порвал, тот ошибочно считает себя социалистом...

В России солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, чем ее приближающее. Демагогически военная диктатура принципиально неустойчива: «сидеть на штыках» нельзя».

Тут все сказано определенно и теоретически обоснованно: произошло солдатское восстание. Оно завершилось успешно. Это привело к «солдатско-коммунистической» революции, превращающей страну в гигантскую казарму. Во всем этом нет проявлений социализма, организующего производство, спланивающего трудящихся и повышающего их культурный уровень.

Александр Богданов — один из наиболее выдающихся теоретиков своего времени, основатель теории систем и науки кибернетики (тектологии) — не удержался и от перехода на личности: «Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма солдатчине выполняют грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий».

По его справедливому суждению, ленинская стратегия и тактика противоречат логически обоснованным принципам развития сложных систем. Намек на проигрыши в шахматных играх справедлив: тут Ленин действительно уступал Богданову. И в наиболее общем теоретическом, философском плане тоже как будто у Ленина не было никаких преимуществ. Но приходится помнить, что теоретические схемы далеко не всегда оправдываются в реальной жизни, на практике.

Прав Александр Богданов в том, что Октябрьский переворот был совершен преимущественно солдатами и матросами, для которых лозунг о социалистической революции вряд ли имел решающее значение, был слишком абстрактен. Реальные лозунги Октября, воодушевлявшие массы, были иными, понятными и близкими так называемым простым людям.

Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» высказал эти лозунги:

— *Всем!*

Всем!

Всем это —

фронтам,

кровью пьяным,

рабам

всякого рода,

в рабство

богатым отданным. —

Власть Советам!

Земля крестьянам!

Мир народам!

Хлеб голодным!

О социализме как особом государственном устройстве русский народ знать не мог уже по той простой причине, что была эта система сугубо теоретической, умозрительной. Ее мог обдумывать Богданов, разбивая аргументы Ленина. Однако события происходили преимущественно стихийно, а не по каким-то теоретическим канонам.

При всем уважении к Богданову придется признать: как практический деятель он уступал Ленину, слишком полагаясь на законы науки. А в общественной жизни проявляется так много этих законов и в таких причудливых, изменчивых сочетаниях, что слишком трудно, а то и невозможно осмыслить их с научной достоверностью.

Восставшая «солдатчина», конечно же, ни в коей мере не стремилась устроить всероссийскую казарму. Немного найдется солдат, до такой степени возлюбивших казарменные отношения. В царской России это были почти исключительно крестьяне. Они прекрасно сознавали, что идет война не народная, а «господская».

Как известно, когда баре дерутся, у холопов чубы трещат. Затяжная война с западными врагами не вдохновляла русских солдат на подвиги. А тут еще слухи о разделе земли. Надо подаваться домой, в деревню. Так думали многие. Им пришлось по душе ясные лозунги: о мире, земле и хлебе. Власть — Советам? Значит — народу. В чем это конкретно будет выражаться, задумывались немногие.

Прав был Александр Богданов: Октябрьский вооруженный переворот совершили главным образом солдаты и матросы. Но они выражали волю народных масс, малой частью которых являлись. Как обычно бывает, основная часть населения оставалась пассивной. Судьбу государства слишком часто решают сравнительно немногие, подчас ничтожно малые группы. Вопрос лишь в том, какими явными и тайными целями они руководствуются и как их лозунги воспринимаются активным большинством народа.

Глава 4

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭПОС

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, стужу, в поражения, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот!

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни
Лети за грань, в планетный холод!
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дроби, вселенский молот!

Валерий Брюсов

Миф о буржуе

Без этого мифа трудно было бы осуществить социалистическую революцию. Маяковский писал: «Мало сказать, что “неугомонный не дремлет враг (Блок) ”. Надо точно указать или хотя бы дать безошибочно представить фигуру этого врага. Мало, чтоб разворачивались в марше. Надо, чтоб разворачивались по всем правилам уличного боя, отбирая телеграф, банки, арсеналы в руки восстающих рабочих». Отсюда:

Ешь ананасы,
Рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй...

Верно сказано, по-революционному, с молодым задором.

А вот что сказала умудренная опытом и знаниями зрелость словами Максимилиана Волошина (август 1919 года):

Буржуя не было, но в нем была потребность.
Для революции необходим капиталист,
Чтоб одолеть его во имя пролетариата.
Его слепили наскоро: из лавочников, из купцов,
Помещиков, кадет и акушеров.
Его смешали с кровью офицеров,
Прожгли и сплавляли в застенках Чрезвычайск...

.....
Из человеческих чувств ему доступны три:
Страх, жадность, ненависть.
Он воплощался на бегу
Меж Киевом, Одессой и Ростовом.
Сюда бежал он под защиту добровольцев,
Чья армия возникла лишь затем,
Чтоб защищать его...

Поэзии в этом стихотворении мало, зато присутствует историческая правда. Точно сказано о потребности для революции в четко обозначенном враге (что отметил и Маяковский). Миф о буржуе как злокозненном социальном паразите или, по-русски говоря, о мирском захребетнике был создан раньше, чем появились в Гражданскую войну чрезвычайные комиссии.

В сентябре 1917 года в статье «Один из коренных вопросов революции» Ленин писал: «Власть Советов только одна может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа, как бы ни лгали лакеи буржуазии, Потресов, Плеханов и пр., называющие “расширением базиса” власти фактическую передачу ее ничтожному меньшинству народа, буржуазии, эксплуататорам».

Ленин оказался прав, говоря о неустойчивости власти буржуазии в России. Почему же русская буржуазия оказалась такой слабой? Одни специалисты полагают, что она в нашей стране тогда еще не окрепла. Другие, напротив, считают ее перерезавшей, рано постаревшей.

В начале XX века любая страна мира не имела обширного и могучего класса буржуазии. В БЭС 1951 года о ней сказано: «Господствующий класс капиталистического общества, класс собственников основных орудий труда и средств производства, живущий за счет эксплуатации наемного труда рабочих, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу капиталистам».

Полезно сопоставить это высказывание с тем, которое относится к периоду «перестройки» и беспощадного очернения сталинской эпохи (Философский энциклопедический словарь. 1989): «Буржуазия... господствующий класс капиталистического общества, обладающий собственностью на средства производства и существующий за счет эксплуатации наемного труда. Источник доходов Б. — прибавочная стоимость, создаваемая неоплаченным трудом и присваиваемая капиталистами». Как видим, формулировка принципиально не изменилась.

Еще один вариант объяснения, относящийся к нынешней эпохе капиталистической РФ (БЭС. 1998): «Буржуазия... общественный класс собственников капитала, получающих доходы в результате торговой, промышленной, кредитно-финансовой и другой предпринимательской деятельности... Способствовала утверждению *индустриального* общества и рыночной экономики, ценностей либерализма и демократии...» Тут уже ничего не сказано об эксплуатации, увеличении капитала путем присвоения неоплаченного труда (отметим: не только физического, но и умственного).

Вообще-то индустриальное общество в СССР было создано в десятки раз быстрее, чем в капиталистических странах, без буржуазии, хотя об этом почему-то предпочитают забыть. Значит, дело не в ней, а в научно-техническом прогрессе и политике государства. Стыдливо абстрактное определение буржуа как «получателя доходов» умалчивает о главном: как распределяется доход и на какие цели он используется. Например, в нынешней РФ миллиардеры и миллионеры покупают в личное пользование самолеты и яхты, дворцы и поместья за рубежом и пр. Делается это за счет национальных богатств России, обнищания населения, скудной оплаты труда.

Может ли буржуазия приносить пользу своей стране и ее обитателям? В принципе, конечно же, может. И даже отчасти приносит там, где ее алчность ограничена жесткими государственными законами. Но все-таки буржуазия — не локомотив, который тянет за собой инертную массу остального народа. В странах капитализма и буржуазной демократии СМРАП представляют ее как движущую силу общественного прогресса. На то и пропаганда! В действительности этот класс, как никакой другой в истории человечества, стал главным фактором деградации биосферы (области жизни) и духовного мира личности (назовем его психосферой).

Осмысление мифа о буржуе (и о пролетарии) позволяет понять Октябрьскую революцию с иных позиций, чем привычные — ее превозносящие или проклинающие. Тем более что появление любого социального слоя — процесс естественный. Его надо попытаться осознать, а не осуждать или восхвалять.

В «Похвале французскому буржуа» (1924) Р. Жоанне писал: «Буржуа! Есть ли в нашем языке слово более гибкое, более подходящее для разнообразных применений, которые диктуют ему постоянно меняющиеся обстоятельства? Слово это меняет значение в зависимости от сословия, профессии, традиций или предрассудков того, кто им пользуется. Оно звучит то уважительно, то торжественно, высокопарно или гротескно... Оно бывает вежливым, а бывает презрительным. Оно означает поочередно общественное положение, состоятельность, сытую тупость и тугодумие того, кого наделяют этим эпитетом».

Многозначность данного понятия свидетельствует о том, что буржуи бывают разными, а отношение к ним зависит от принятой или навязанной точки зрения. Это не реальный четко обозначенный объект, а более или менее неопределенный образ. Есть все основания считать его мифическим, надуманным преобразованной разумом человека реальностью. К тому же понятие это существенно изменялось со временем.

В переводе с французского «буржуа» — мещанин, горожанин (то же, что по-немецки «бюргер»). В средневековой Европе так могли называть ремесленника, торговца, служащего, лакея и прочих представителей городского люда. Выше их по социальному

положению находились привилегированные слои дворян, высшей знати. Настоящие зажиточные буржуи — кто не работает, а ест, живя в роскоши, — появились в связи с Великими географическими открытиями с последующим ограблением колониальных и зависимых стран, крупными торговыми операциями, изобретением машин и механизмов, резко увеличивших производительность труда, биржевыми сделками и спекуляциями.

От средневекового доблестного благородного рыцаря — к буржуа капитализма, ловкому рыцарю наживы. У польской исследовательницы Марии Оссовской есть работа «Рыцарь и буржуа», где эта тема достаточно детально разработана. Хотя она отмечала значительную неопределенность понятия «буржуа». Но мы рассмотрим некий обобщенный, схематичный, отчасти идеальный образ этой чрезвычайно распространенной — особенно в наш технический век — разновидности людей.

Революции в Европе, которые называют буржуазными, были в действительности прежде всего народными, крестьянскими, анархическими (определенное сходство с Февральской революцией в России). Их результатами воспользовалась буржуазия — наиболее влиятельный, богатый, политически зрелый класс. Она же учиняла государственный террор как средство сохранения и укрепления своей власти, избавления от социальных конкурентов.

По мнению французского историка и мыслителя Жюль Мишле (середина XIX века), «в дореволюционной Франции было три класса, в современной же Франции — только два: народ и буржуазия». Он же подчеркивал, что этот класс включает не только богатых, но и бедных буржуа. И справедливо напоминал: «Вопреки бытующей вздорной версии вожаки эпохи Террора вовсе не были людьми их народа: это были буржуа или дворяне, образованные, утонченные, своеобычные, софисты и схоластики». (То же относится к тем, кто в нашу Гражданскую войну развязал белый и красный террор.)

Важный факт отметил Мишле полтора столетия назад: «Современный буржуа мелькает у нас на глазах, вместо того чтобы расти с каждой ступенькой, на которую он поднимается... Его дом — полная чаша, сундуки его набиты, но в душе его — пустота».

Конечно, зажиточные буржуа (по экономическому критерию материального достатка — средний класс) не только в каждую эпоху, но и в каждой стране имеют свои особенности. Но есть нечто принципиально важное, позволяющее отличить «настоящего» буржуа. Относится этот критерий не к материальной, а к духовной сфере. Ибо каждый человек в отличие от животного имеет комплекс идеалов — не формальных, обычно лицемерных, а фактических, определяющих его поступки, поведение, цели. («По делам их узнаете их».)

Едва ли не первым написал об этом Николай Бердяев в статье «О духовной буржуазности» (1926). Вот основные его положения:

«Буржуазный дух освободился, развернулся, получил возможность выявить свой тип жизни. И в век торжествующего буржуазного духа явились замечательные мыслители, с особенной силой и остротой его почувствовавшие и его изобличающие. Карлейль, Ницше, Ибсен, Леон Блуа, Достоевский, К. Леонтьев — все эти люди почуяли торжество буржуазного духа, истребляющего подлинно великую культуру и устрояющего свое безобразное царство».

Он цитирует К. Леонтьева, который ужасался тому, что мировая история, великие деяния героев и достижения гениев, проповеди апостолов были вроде бы только для того, чтобы «французский, немецкий или русский буржуа... благоденствовал бы “индивидуально” и “коллективно” на развалинах всего этого прошлого величия».

Бердяев пересказал Л. Блуа: это буржуа распял Христа. Буржуа на Голгофе отрезал мир от Христа, деньги от бедняка. Буржуазный мир управляется деньгами, отделенными от духа. (Буржуазную лицемерную религиозность Блуа ненавидит больше, чем честный атеизм.) Буржуа — идолопоклонник, он живет рабством у видимого. Он раб материальных ценностей, его бог — богатство, золотой телец.

Духовный буржуа столь же разнообразен, как и материальный, и не всегда с ним совпадает. Не обязательно он ест ананасы и жует рябчиков, но непременно мечтает об этом. Он стремится добыть материальное богатство правдами и неправдами. Он мо-

жет быть преступником, рабочим, художником, музыкантом, писателем, политиком, ученым, священнослужителем. Буржуа бывает и консерватором, и революционером. Чаще всего он — бизнесмен и финансист. Уже одно то, что такой человек, по верному американскому выражению, «делает деньги», определенно указывает на буржуа или, по-нашему, буржуя.

«Во всех сферах, — писал Бердяев, — буржуа хочет казаться и бессилён быть». Он чужд творчества и похотлив, занят «суетой сует».

Христос вопрошал: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою повредит?» Буржуа — поврежденная душа — хочет всего здесь и сейчас, как можно больше богатства и власти; денег, денег и еще раз денег, чтобы все покупать, покупать и покупать.

В этом смысле буржуа — бездуховный ненасытный потребитель и угодливый приспособленец — существо, которое необходимо преодолеть, изжить в себе, смести, как нечисть, с лица Земли. Казалось бы, в этом и состоит главная цель социалистической революции. Ведь ее направленность — на искоренение эксплуататорского класса и буржуазной морали. И все плохое, что сказано выше о буржуазности, кто-то может воспринять как оправдание «пролетарской революции». Но, во-первых, исторические события не требуют оправдания, как любое проявление реальности. Во-вторых, в нашей социалистической революции значительную роль играло духовное мещанство. И это стало ясно уже через несколько лет после установления советской власти.

Это дало основание Бердяеву утверждать, что «социализм по духу своему буржуазен». Такое заключение слишком категорично. Ленин вполне откровенно заявил в 1918 году: «Дать характеристику социализма мы не можем; каким социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, это сказать не можем». По мнению Бердяева, социализм равносителен «уравниловке» и строительству Вавилонской башни исключительно материального бытия.

Однако в начале 1934 года Сталин говорил о равенстве, но не уравниловке: «Делать... вывод, что социализм требует уравни-

ниловки, уравнивания, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по плану марксистов все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда, в одном и том же количестве, — значит говорить пошлости и клеветать на марксизм». Он резко и непримиримо выступал против бухаринского лозунга «Обогащайтесь!». В 1939 году Сталин имел все основания утверждать, что за последние годы советский народ пережил период «культурной революции». Он ставил цель: «Продолжать дальше улучшение материального и культурного положения рабочих, крестьян, интеллигенции».

Увы, буржуазная гниль в той или иной степени присутствует, хотя бы в зародыше, едва ли не в каждой человеческой душе. Одни ее в себе стремятся подавить или урезонить; другие холят и лелеют свои постоянно растущие материальные потребности. В одной общественной системе господствует принцип максимального обогащения, в другой — разумной ограниченности материальных и максимального удовлетворения духовных потребностей. Общество первого типа (капиталистическое) потакает буржуа, второго — трудящимся в материальной и культурной сферах.

Но почему же тогда от века в век все более распространяется и укрепляется буржуазное мировоззрение? Оно победило в нашей стране и определило свою победу над социалистической системой. (Утверждения нынешних буржуинов, будто социализм пребывал в экономическом кризисе, — ложь; чтобы опровергнуть ее, достаточно посмотреть в экономические данные ООН.)

Обоснованный ответ на этот вопрос требует глобальных масштабов осмысления развития технической цивилизации. Она превращает биосферу в техносферу, всепланетную область господства техники, на которую тратится более 90 % энергии, материалов, человеческого труда. Именно материальная техносфера определяет тот человеческий тип, который ей наиболее удобен, выгоден. Она творит личность, как писал Бердяев, по своему образу и подобию. Это я называю техногенным человеком. Его главные достоинства: умение приспособляться к окружающей среде и неутолимые именно материальные потребности. Кто это? Буржуа, техногенный человек.

Миф о пролетариате

В поэме «Россия» (1924) Максимилиан Волошин утверждал:

До Мартобря (его предвидел Гоголь!)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата...
Была земля, купцы да голытьба,
Чиновники, дворяне да крестьяне...
Да выли ветры, да орал сохой
Поля доисторический Микула...
Один поверил в то, что он буржуй,
Другой себя сознал как пролетарий,
И началась кровавая игра.

Созданный «для революционного употребления» мифологический образ буржуа как врага трудящегося требовал противостоящего ему столь же мифологического героя — пролетария. Он был представлен как могучий титан, скованный цепями экономического рабства.

Вообще-то первые пролетарии были официально оформлены как социальная группа в рабовладельческом обществе. В Древнем Риме царь Сервий Туллий назвал так неимущих граждан, занимающих низшую ступень социальной иерархии. В XIX веке пролетариатом стали называть наименее квалифицированных рабочих, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу за ничтожную плату.

Подобные рабочие были преимущественно сезонными и относительно малочисленны, плохо организованы. Они не имели даже начального образования, в политике плохо разбирались, признавая царскую власть безоговорочно. Существенной социальной силы они из себя не представляли.

Ленин выделял еще «широкий слой средних рабочих» и наиболее образованную и квалифицированную «рабочую интеллигенцию». Советские юмористы вдобавок упоминали «пролетариев умственного труда», и в этой шутке была немалая доля прав-

ды. Так можно величать малоимущих мелких служащих, студентов, людей свободных профессий. Они-то едва ли не активнее всех участвовали в революционных выступлениях. Владимир Маяковский, пролетарий умственного труда, воскликнул:

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Поэт понимал, что совершенно недостаточно взять за горло мир, истребить буржуев («Через труп буржуазии коммунизма шаг», — писал он). Требуется нечто большее даже после того, как взята большевиками власть и началось строительство социализма. Позже, завершая поэму «Владимир Ильич Ленин», он воскликнул:

— Пролетарии,
стройтесь
в последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

Здесь загадочно звучат слова о радостной и скорой революции, сказанные через семь лет (!) после так называемого Великого Октября. Судя по всему, поэт мечтал о мировой революции. Не исключено, что имеется в виду и культурная революция: только ее допустимо называть радостной.

Маяковский был в числе творцов мифа о титане-пролетарии. Фигура получалась грандиозная: мускулистый гигант, разорвавший свои цепи (скульптура Сергея Коненкова), и даже как-то слишком жалким выглядит его классовый враг — буржуй: рыхлый, толстопузый, трусливый... В этом отношении миф о пролетарии был не вполне отработан.

Но почему же миф?

Потому что в действительности пролетариат составлял малую часть населения России, так же как всего мира, даже если включать в него «широкий слой средних рабочих». В начале XX века даже в промышленно развитых странах он не составлял большинства. Едва ли не большинство более или менее обеспеченных материально рабочих были в значительной степени «заражены» буржуазным духом.

В России революционные массы выступали за власть Советов, а не за социализм, о котором не только они, но и сам Ленин, как мы убедились, не имел сколько-нибудь определенного представления. Победу обеспечили лозунги: «Земля — крестьянам!», «Мир — народам!», «Хлеб — голодным!». Для этого требовалось: «Вся власть — Советам!» Выходило, что пролетариям гарантировали только хлеб.

Если учесть, что совершали Октябрьский переворот преимущественно солдаты и матросы (они были главным образом из крестьян и не желали воевать), а руководителями были профессиональные революционеры (пролетарии «революционного труда») и сознательные рабочие, то в действительности подлинные пролетарии остались где-то на втором плане.

В революционной мифологии должен был присутствовать образ могучего класса, способного совершить титанический подвиг разрушения старого мира и строительства нового, еще не бывалого. Под таким лозунгом массы людей обретают единство, нечто подобное общей цели. Как писал Максимилиан Волошин, они

...возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле.

Реальные идеалы почти всех так называемых простых людей были просты. Подлинному, а не плакатному пролетарию виделся идеалом едва ли скромный и спокойный, в меру обеспеченный быт небедного мещанина. Какое ему дело до загадочного социализма и мировой революции? О таких предметах могут мечтать начитанные теоретики, непомерные любители славы и власти, пылкие юноши-студенты, не обремененные опытом жизни и не знающие повседневного тяжелого труда.

И все-таки в словах Волошина чувствуется тон мэтра, представителя высокой культуры, вселенского полета мысли. Таким, возможно, и должен быть подлинный поэт. В отличие от него рабочий-пролетарий, лишенный доступа к культурным ценностям высшей пробы, имеет перед собой не призрачные, а реальные цели. Сводятся ли они только к созданию мещанского «райского уголка»? Для кого-то — да. Однако у многих и многих пролетариев устремления не столь примитивны.

Ближние цели, пожалуй, могут быть и такими. Кому не хочется жить в нормальных условиях? Но человеку, в отличие от животного, требуется удовлетворять и культурные, интеллектуальные потребности: в образовании, чтении, познании, общении к подлинному искусству. Пролетарий, помимо материальных целей, имеет в виду и духовные, а потому он стремится к культурной революции. Для него в отличие от пресыщенного сноба она выражается не в причудах модернизма, а в освоении классического наследия.

Духовный бунт

В любом обществе всегда присутствуют не только политические, но и интеллектуальные экстремисты. Для них революция — явление не столько социально-политическое, научно-тех-

ническое или экономическое, сколько духовное. Они приветствуют крушение прежнего затхлого, застойного, по их мнению, общества и полное обновление жизни, культуры.

В чем оно выражается? В свободе от условностей и традиций в искусстве, литературе, одежде, поведении. Словно при геологическом катаклизме взламываются окаменелые пласты и выступают из недр расплавленные, вязкие, не оформленные в окончательном виде, но насыщенные энергией и пышущие жаром потоки лавы. В обществе возникает вспышка творческой энергии.

Так в умах решительно и новаторски настроенных интеллектуалов складывается миф о духовной революции. Одни ее представляют с позиций анархизма, другие — социализма, но в любом случае она антибуржуазна.

Профессиональным революционерам, ориентированным на политическую борьбу, подобные иллюзии чужды. Но при случае они готовы использовать их в собственных партийных целях.

Миф о революции духовной, интеллектуальной стал воплощаться в жизнь сразу же после падения самодержавия. А ведь время было тревожное и голодное, продолжалась мировая война и назревала Гражданская, пока еще вспыхивающая отдельными частными конфликтами. Казалось бы, когда грохочут выстрелы, музы должны молчать.

В интересной книге В.П. Лапшина «Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году» (1983) убедительно показано, насколько активно работали в это бурное время выставочные центры, художественные салоны, поэтические кафе, театры, культурно-просветительные учреждения.

В Москве большой популярностью пользовалось «Кафе поэтов». На стенах — броские росписи Давида Бурлюка, Григория Якулова, Владислава Ходасевича, Владимира Татлина, Аристарха Лентулова. Со сцены — звучные строки стихов Василия Каменского, Владимира Маяковского, Велимира Хлебникова. Почти все поэты прямо или косвенно приветствовали революцию. Однажды вышел на сцену Каменский и, резко рубя слова, порой переходя на крик, читал свою поэму «Стенька Разин». Казалось, поэт сам готов примкнуть к разудалой вольнице:

Эй, сермяжники!
 Беритесь за привычку —
 Дорогих гостей встречать.
 Эй, гуляй —
 Сарынь на кичку!
 Наворачивай сплеча.
 Драли,
 Жрали
 Бары
 Долго
 Крепостную голытьбу.
 А теперь —
 Бунтует Волга
 За сермяжную судьбу.

Подчас грандиозным общественно-политическим событиям становилось «планов громадьё» деятелей искусств. Якулов предлагал воздвигнуть на Кузнецком Мосту Мировой вокзал искусства! Отсюда будут отправляться в города и страны экспрессы новых достижений художеств. Откуда? Из кафе «Питтореск», которое оформляли известные художники.

Заявление Якулова было новаторским, революционным. Хотя плакат, который он написал к открытию кафе, напоминал парижские вывески по стилю и содержанию: рыжеволосая изящная девица с алыми губами, в шляпке с вуалеткой, в длинных перчатках... То ли актриса в драматической роли, то ли вариация на тему «Незнакомки» Александра Блока...

Казалось бы, происходят события катастрофические, раздавались голоса о гибели русской культуры и крушении России. Тем не менее в крупнейших городах страны культурная жизнь продолжалась, как ни в чем не бывало. В столице и Москве действовали постоянные выставки картин самых разных направлений. В Камерном театре — премьера пьесы Р. Лотара «Король-арлекин», В.Мейерхольд собирается ставить здесь пьесу П. Клоделя «Обмен»; успешно прошла премьера пантомимы «Ящик с игрушками» на музыку К. Дебюсси. В бывшем оперном театре Зимины, переименованном в театр Совета рабочих депутатов,

премьера оперы «Евгений Онегин» Чайковского, а в Большом — оперы К. Сен-Санса «Самсон и Далила». В Художественном театре репетируют пьесу Блока «Роза и Крест»...

Одни интеллигенты последними словами проклинали Октябрьский переворот и власть большевиков, другие приветствовали молодой правящий класс и мировую революцию, третьи продолжали заниматься своей профессиональной работой в твердой уверенности, что политические пертурбации изменчивы и бренны, а искусство вечно.

Напрашивается аналогия общества и живого организма. Люди рождаются и умирают, а государство, страна остается жить. В нашем теле рождаются и отмирают отдельные клетки, а оно сохраняется. Общество подобно организму порой испытывает тяжелые кризисы — духовные и материальные или те и другие вместе, что и определяет суть революции. Подобные катастрофы приходится переживать и преодолевать.

Провозглашают новое государственное устройство? После Российской империи — республика? Ну и что тут особенного? Можно сменить имя и фамилию (так же как название государства), от этого мало что меняется. Есть нечто основное, главнейшее, определяющее устойчивость индивидуального или общественного организма.

Что же это? Народ и культура. Остаются города и села, фабрики и заводы — все то, что называют страной, с ее природой, естественной и искусственной, созданной людьми. Вот что не в силах изменить (тем более сразу) никакая революция.

В России поначалу произошли политические перемены. Их результаты должны были сказаться через несколько лет или десятилетий. Лозунги, похожие на мистические заклинания, не совершают чуда. Не возникнет новый мир по одному лишь страстному желанию отдельных вождей и даже миллионов граждан. Для этого требуется серьезная, долгая, кропотливая творческая работа. Люди не могут творить из ничего, единственно словом и волей своей.

Возможно, революция изменила русский народ — пробудила в нем энтузиазм и надежду на лучшее будущее. Возможно, именно эта надежда определила победу и Февральского, и Ок-

тябрьского переворотов. Во всяком случае, так считали, об этом мечтали, на это надеялись некоторые деятели искусств, поэты. Они жаждали обновления всего и всех. Раздались призывы «сбросить Пушкина с корабля современности».

Потом Россия шагнула в Неведомое. Стало ясно, что это совсем не похоже на земной рай. Да и откуда ему вдруг взяться?

А если это — пропасть? И началось падение? Или, как при крушении «Титаника», жизнь идет своим чередом, играют оркестры, танцуют пары, работают рестораны и кафе, поэты декламируют стихи, еще работают моторы, но страна уже обречена? Пройдет еще какой-то срок, и она перестанет существовать, медленно, но неотвратно уйдет в небытие, поглощенная бездонным океаном истории...

Вот апрельский номер популярного естественно-исторического журнала «Природа». Продолжается война, свершилась революция, в столице больше анархии, чем порядка. Бурлят революционные толпы, большая сумятица в головах. Поистине смутное время.

Открыв журнал, оказываешься в мире ином, в царстве идей, в интеллектуальном оазисе. Здесь нет политической злобы дня, иссушающей мозги и души. Одна из статей посвящена... туннелю под Ла-Маншем! Или — другая: «Древний Багдад и его ирригационная система».

Словно слышишь негромкое: господа, жизнь русской интеллигенции продолжается! Текущие события пройдут рано или поздно, как мимолетные волны. Останется культура.

Вот о чем свидетельствует этот скромный журнал, в чем убеждены его редакторы и авторы. Впрочем, есть здесь в некотором роде политическая заметка Н.К. (по-видимому, известного генетика Н. Кольцова, одного из редакторов журнала). Она посвящена генеалогии дома Романовых. Оказывается, наука о наследственности может и в революционное время сказать свое веское слово.

«Начиная с Павла I, — писал он, — все цари принадлежали юридически к дому Гольштейн-Готторп, и лишь из-за династических соображений к этому двойному имени прибавляется третье — «Романовы». Из 8 генеалогических прадедов Павла только один — Петр I — был русского происхождения, остальные германцы».

Выходит, в России пала немецкая династия? У бывшего царя Николая II всего лишь $\frac{1}{128}$ доля русской крови. Автор заметки присоединяется к мнению историков, полагающих, что отцом Павла I был не законный муж императрицы Екатерины II, а русский дворянин Сергей Салтыков. Поэтому в дальнейшем цари обнаруживали физические признаки славянского типа. Хотя, конечно же, вряд ли есть сколько-нибудь существенные физические различия между германцами и славянами.

Не следует придавать серьезного значения малой доли русской крови у царей России. Не в этом дело. Человек — существо не только разумное. Оно становится полноценным только благодаря воспитанию в определенной среде. В зависимости от ее особенностей формируется личность.

По духу своему, по складу характера представители царской фамилии не могли походить на обычных, наиболее распространенных представителей русского народа вовсе не по причинам генетическим. Почти вся российская аристократия, в особенности правящая, образовала особую касту. Таким было наследие феодализма. Непроходимая пропасть отделяла аристократов от так называемого простого народа. Они существовали в разных мирах.

В России, как некогда во Франции, были порушены сословные перегородки. Не от того ли угрожающе зашатались все опоры государства? Слишком долго они стояли. Пожалуй, слишком сильно прогнили. Поэтому крушение царской власти должно было вызвать значительные, колоссальные последствия: смену традиционного общественного уклада, настоящую культурную и — шире — духовную революцию.

Вселенский масштаб революций

Творческие порывы человека не знают пределов. Даже события, происходящие в огромной стране, несоизмеримы с Солнечной системой, не говоря уже о Галактике. Но это никогда не смущало ни поэтов, ни ученых.

Показательна в этом отношении статья в упомянутом журнале «Природа» профессора Сорбонны Виктора Анри «Энергетика жизни».

«С мировой точки зрения, — писал он, — жизнь есть не что иное, как постоянное задержание и накопление химической и лучистой энергии, замедляющее превращение полезной энергии в теплоту и препятствующее рассеиванию последней в мировом пространстве».

Отсюда он делает вывод: «Присутствие живых организмов на Земле удлинняет продолжительность существования мира, так как, если бы не было живых организмов, деградация энергии происходила бы быстрее, Земля скорее бы охлаждалась и мир скорее бы приближался к состоянию окончательного равновесия».

Автор приходит, как он выражается, к универсальному оптимизму: «Существующий мир — лучший из всех возможных». Он так формулирует цель нашей жизни: «Постоянной сознательной работой создавать везде и во всем такие условия жизни, которые содействовали бы максимальной утилизации энергии».

Звучит замечательно! И все-таки возникают смутные сомнения. Так ли все замечательно просто и ясно? По таким ли законам происходят реальные общественные процессы? Или ученые живут в ином, чем простые смертные, интеллектуальном мире? Идет страшная, кровопролитная, разрушительная мировая война. Она уничтожает жизнь, губит миллионы людей, разрушает инженерные сооружения. Неужели ничего лучшего нельзя придумать?

А что происходило тогда в России? Постепенно страна погружалась в хаос. Не означает ли это, что люди идут наперекор космическому процессу, о котором так убедительно писал Анри? Вопрос чрезвычайно важный для осознания общего направления глобальной цивилизации, для нашего времени и ближайшего будущего, ибо на таком пути у человечества дальняя перспектива отсутствует.

...Странные мысли «о вечном» приходят в голову, когда из интеллектуального оазиса, который представляет собой превос-

ходный журнал «Природа» 1917 года, обратить внимание на реальные события того времени. Революционный переворот вскрывает глубинные пласты общественной жизни, заставляет по-новому осмыслить реальность.

С позиций академической науки можно было сопоставить природные процессы, происходящие на Земле миллиарды лет, создавшие уникальную среду жизни — биосферу, предопределившие появление человека и становление цивилизации, с тем, что создает эта самая техническая цивилизация.

Не без влияния идей В. Анри наши замечательные ученые В.И. Вернадский и А.Е. Ферсман в те же годы стали разрабатывать учение о геологической, изменяющей природу глобальной деятельности человека. Не тогда ли Вернадский проникся идеей о космической роли человечества, создающего на планете область разума, где торжествует научная мысль, переводя биосферу на более высокий уровень организации, совершенства? Через несколько лет на лекциях в Париже он, обсуждая эту проблему с французскими философами Эдуардом Леруа (Ле Руа) и Тейяром де Шарденом, решил назвать эту новую, особую оболочку планеты **ноосферой**.

Вернадский даже в те тяжелые годы России отрешился от жестокой реальности, отдав предпочтение умозрительной идее. В Гражданскую войну он разрабатывал учение о биосфере. А теперь предположил: техническая цивилизация призвана перестроить область жизни, подняв ее на более высокий уровень организованности, превращая в глобальную сферу господства разума.

Тогда же Ферсман назвал геологическую деятельность человека верным термином **техногенез**. Ведь глобальные результаты достигаются только с использованием техники. Но и в этом случае он полагал, будто таким образом на планете создается нечто более совершенное, чем биосфера.

Пожалуй, во всем этом проявилось, хотя бы отчасти, влияние революционных общественных событий. Они пробуждали столь же новаторские научные идеи. Правда, они относились в данном случае к идеальной модели общественного развития и находились в разительном противоречии с действительностью.

Через несколько десятилетий выяснилось: техногенез преимущественно разрушает и загрязняет среду жизни (это не голословное утверждение, а вывод на основе фактов, конкретных расчетов). Он создает на Земле не идеальную *ноосферу*, а реальную *техносферу*, преобразуя даже человеческую личность. К сожалению, это чрезвычайно важное обстоятельство до сих пор остается вне общественного сознания и не осмыслено как следует мировым научным сообществом.

...Мифы 1917 года наводят нас на мысли актуальные, помогают понять то, что происходит на Земле сейчас. А если вернуться в Россию, взбудораженную Октябрьской революцией, переживавшей не только смуту, но и духовное брожение, интеллектуальный подъем, то отметим еще одно характерное явление того времени: в Москве на заборах появилось поэтическое воззвание Василия Каменского:

Декрет

о заборной литературе, о росписи улиц,
о балконах с музыкой, о карнавале искусств.
А ну-ко, робята-talанты,
Поэты,
Художники,
Музыканты,
Засучивайте кумачовые рукава!
Вчера учили нас Толстые да Канты, —
Сегодня звенит своя голова.
Давайте все пустые заборы,
Крыши, фасады, тротуары
Распишем во славу вольности,
Как мировые соборы
Творились под гениальные удары
Чудес от искусства. Молодости,
Расцветайте, была не была,
Во все весенние колокола.

Поэты!

Берите кисти, ну.
И афиши — листы со стихами,
По улицам с лестницей
Расклеивайте жизни истину, —
Будьте пред ней женихами —
Перед возвестницей.

Художники!

Великие Бурлюки,
Прибивайте к домам карнавально
Ярчайшие свои картины,
Тащите с плакатами тюки,
Расписывайте стены гениально,
И площади, и вывески, и витрины.

Музыканты!

Ходите с постаментами,
Раздавайте ноты-законы,
Влезайте с инструментами
Играть перед народом на балконы.
Требуется устроить жизнь —
Раздольницу,
Солнцевейную, ветрокудную,
Чтобы на песню походила,
На творческую вольницу,
На песню артельную, мудрую.
Самое простое и ясное дело:
Рабочих дней шесть, и я
Предлагаю всем круто и смело
Устраивать карнавалы и шествия
По праздникам отдыха,
Воспевая Революцию духа
Вселенскую.

От «Мистерии-буфф» до «Бани»

О революционном эпосе можно (и хотелось бы) написать солидный трактат. Тема эта чрезвычайно важна для историософии и познания психологии общества. В России 1917 года произошел поистине геологический переворот социальных пластов. Спустя два года Велимир Хлебников выразил это заменой одной буквы:

Это шествуют творяне,
Заменявши Д на Т.
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.

Произошла смена правящего класса. Дворян сменили Творяне. Для общественной системы эта катастрофа не могла произойти без колоссальных потрясений. Хотя немало дворян признало советскую власть и даже служило в Красной армии, большинство попыталось ниспровергнуть «творян». Чем это кончилось, известно.

Победу пролетариата наиболее талантливо восславил Владимир Маяковский. К юбилею Октябрьской революции в Коммунальном театре музыкальной драмы знаменитым режиссером Всеволодом Мейерхольдом была поставлена его пьеса в стихах «Мистерия Буфф». На афише было изображено полушарие Земли с Евразией, Африкой и Австралией с перечеркнутой надписью «Старый Свет».

Представление имело глобальный охват с библейскими образами и революционным содержанием. Место действия указано просто: «Вся вселенная», с уточнением: Ковчег, Ад, Рай, Страна обломков и Земля обетованная. Среди действующих — семь пар Чистых и семь пар Нечистых, Молот, Серп, Машины, Поезда, Хлеб, Соль, Сахар... Как тут не вспомнить «Синюю птицу» Мориса Метерлинка. Но символизм Маяковского футуристический.

Один из семи пар Нечистых в прологе поясняет:

Суть первого действия такая:
земля протекает.

Потом-то
все бегут от революционного потопа.
Семь пар нечистых,
и чистых семь пар,
то есть
четырнадцать бедняков-пролетариев
и четырнадцать буржуев-бар,
а меж ними,
с парой заплаканных щечек —
меньшевичёчек.

Развертывается действие в мифологическом пространстве с участием мифических персонажей. Это позволяет автору обобщенно показать социальные отношения и события, происходящие в обществе.

В ковчеге, спасаясь от потопа, «чистые» выбрали помазанником божьим Негуса, но он слопал все припасы. За это его свергли с ковчега и объявили республику. Но «нечистым» не стало от этого легче. Рудокоп недоумевает:

Товарищи!
Что это!
Раньше жрал один рот, а теперь обжирают ротой.
Республика
оказалась
тот же царь,
да только сторотый.

Ему отвечает сытый Француз, ковыряясь в зубах:

Что кипятитесь?
Обещали и делим поровну: одному — бублик,
другому — дырку от бублика.
Это и есть демократическая республика.

После скитаний по Аду и Раю Нечистые достигают Земли обетованной — той, где можно трудиться на себя, а не на Чис-

тых. В завершение спектакля они поют гимн освобожденному человечеству на мотив партийного гимна «Интернационал»:

Навек о прошлом память сгинет.
Не встать буржуям — крут удар.
Землею мы владеем ныне,
солдаты армии труда
Сюда от фабрик и от пашен,
из городов сюда и сел!
Земля от края к краю наша,
кто был ничем — сегодня всё.

Этот гимн наш победный,
вся вселенная, пой!
С Интернационалом
воспрянул род людской.

Таков революционный запев. Первый вариант пьесы был написан в 1918 году и обработан для постановки в 1920-м. После оптимистической поэмы «Хорошо!» (1927) последовала «фее-рическая комедия», которую точнее было бы назвать сатирической, — «Клоп» (1929) и, наконец, «Баня» — в год самоубийства автора (1930).

Причину своего преждевременного ухода из жизни поэт объяснил как будто исчерпывающе: «Любовная лодка разбилась о быт». Однако остается ощущение, что дело не только в этом. Он не был однолюбом (если не считать постоянную страсть-привязанность к Лиле Брик). В его отношении к окружающему стал намечаться душевный надлом. Это заметно по его последним пьесам.

В «Клопе» бывший пролетарий Присыпкин, став «гегемоном», превращается в пошлого хама, жадного до материальных благ мещанина. Обуржуазился! Из-за несчастного случая он оставался замороженным в погребке 50 лет и был оживлен. По мысли автора, в 1979 году два пришельца из прошлого — «Клопус нормалис» и «Обывателиус вульгарис» — видятся людям будущего доисторическими животными. Человекоподобное суще-

ство особенно страшно и опасно, ибо приспособляется к любой обстановке, прикидываясь писателем, политиком и т.д. Оно курит, пьянствует, плюется и непристойно выражается.

...Мне довелось видеть в Театре сатиры постановку «Клопа» примерно в то, указанное автором время, когда и происходит оживление Присыпкина. В конце представления актер, игравший его, обратился в зал: «Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Что ж я один в клетке? Родимые, пожалте ко мне!..»

Звучало это символично. «Обывателиус вульгарис», духовный буржуа, которого Мережковский назвал Грядущим Хамом, расплодился в нашей стране. Его материальные потребности выросли непотребно. Он готов был порушить систему коллективизма ради индивидуальных благ капитализма, который представлялся этим людям (не только служащим, интеллектуалам, но и рабочим) царством «среднего класса» с коттеджами, личными автомобилями и прочими радостями не бытия, но — быта.

«Баня» Маяковского — сатирическая драма. Главный герой — товарищ Победоносиков, главный начальник по управлению согласованием, Главначпупс. Это тип номенклатурного деятеля из породы все того же «Обывателиус вульгарис». Вновь происходит фантастическое перемещение во времени. Является из коммунистического будущего — 2030 года — Фосфорическая женщина.

Приветствуя изобретение машины времени, Победоносиков восхищается ее великолепными возможностями сокращать рабочее время и растягивать отпуск, а вместо получения жалования раз в месяц можно получать его за месяц каждый день. (Разве не такая мечта вдохновляет обывателя всех времен и народов: получать как можно больше денег за наименьший труд.)

Для подобных «деятелей», утверждает автор, путь в будущее закрыт. Фосфорическая женщина, отправляясь в XXI век, объясняет:

«Товарищи!.. Будущее примет всех, у кого найдется хотя бы одна черта, роднящая с коллективом коммуны, — радость рабо-

тать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью. Удесятерим и продолжим пятилетние шаги. Держитесь массой, крепче, ближе друг к другу. Летящее время сметет и срежет балласт, отягченный хламом, балласт опустошенных неверием».

Так Маяковский в своем творчестве прошел путь от революционного эпоса к мифологии будущего. Он приветствовал 1917 год как великий духовный переворот, очищающий души от скверны, творящий новую человеческую личность. Но с годами убеждался: прежние иллюзии все более отдаляются от реальности.

Вспоминается эпизод из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. На сеансе магии Воланд, оглядывая московских социалистических горожан, задумчиво произносит: «Ну что же... они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... В общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Да, еще после 1905 года благодаря либеральным реформам, а также индустриализации в крупные города хлынули массы людей из провинции, поселков, деревень. С улучшением жизни росли и материальные потребности. Ориентиром для большинства стал средний горожанин, мещанин.

При НЭПе процесс этот расцвел пышным цветом, затем несколько подувал, но и при социалистическом строительстве не остановился. Появилась новая разновидность «Обывателиус вульгарис» — совслужащий (советский служащий). И уже примерно через 6 лет после революции Маяковский написал «О дряни»:

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло мещанина.

Поэт оговорился, что имеет в виду не просто горожанина, а тех, кто «засели во все учреждения», «свили уютные кабинеты и спальни». На них даже портрет Маркса глядит с отвращением:

Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот
да как заорет:
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»

Вскоре Маяковский испытал дальнейшее разочарование:

Теперь —
затишье.
Теперь не нарудится
дрянь
с настоящим
характерным лицом.
Теперь
пошло
с измельчением народа
пошлое,
маленькое,
мелкое дрянцо.

Уже не народ — народец, и даже не дрянь — дрянцо. Миф о вселенской революции духа подобно любовной лодке разбился о риф быта.

Слишком большие надежды возлагали молодые романтические натуры на быстрое обновление внешнего и внутреннего мира людей после революционного переворота. А социальная катастрофа, как выяснилось, подобна таранной волне цунами.

Она оставила после себя разрушения, разруху, измученное по-редевшее население. Многое, прежде устоявшееся, пришлось отстраивать заново.

Начало 1930-х годов, как предчувствовал Маяковский, вызвало кризис не только в сельском хозяйстве, которое требовалось срочно, со все той же революционной катастрофической быстротой перестраивать на индустриальный лад. Затем над страной нависла угроза нового социального переворота: заявили о себе набравшие силу и власть «победоносиков». Их устраивал лозунг, предложенный Н.И. Бухариным: «Обогащайтесь!»

Но через новые испытания, через две волны террора, когда вторая смела тех, кто вызвал первую, страна вновь возродилась, окрепла, превратилась в сверхдержаву. И помог в этом, как мне кажется, новый миф: о великом русском народе.

Искусство политики, или Миф о великом русском народе

Существует политология. Как следует из названия — наука о политике, то есть сумма соответствующих знаний на основе фактов и логики.

Если исходить из такой предпосылки, политическое пространство уподобляется шахматной доске, где действуют фигуры разного достоинства. Такое понимание стало преобладающим во второй половине XX века. Недаром антисоветчик и русофоб Збигнев Бжезинский, советник правителей США, назвал одну из своих книг «Большая шахматная доска».

Станным образом популярность политологии совпала с прискорбным обмельчанием ведущих политических деятелей почти всех ведущих мировых держав. И не только нескольких конкретных личностей, но и целого сонма их помощников и советников. Почему так получилось? Выскажу несколько соображений, имеющих отношение к теме данной книги.

Напомню стихотворение Валерия Брюсова, обращенное к юному поэту:

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Эти заветы в значительной степени относятся к искусству политики. Сочувствие действительно может сильно повредить политическому деятелю. Слишком часто ему приходится быть беспощадным. Правда, непомерный эгоизм характерен лишь для некоторой части политиков — почти исключительно буржуазного толка или соответствующей идеологии. Они, обуреваемые честолюбием, порой способны на грандиозные авантюры подобно Наполеону Бонапарту.

Другую часть представляют политики, беззаветно преданные идее. Это служение для них сродни религиозному подвигу. Так религиозные средневековые фанатики Западной Европы могли сжигать на кострах сотни тысяч людей да и сами готовы были отдать свои жизни во имя веры. Идейные политики обычно беспощадны и тоталитарны. Их обобщенный образ — Великий Инквизитор — раскрыт Достоевским в романе «Братья Карамазовы».

Политика, рассматриваемая как проявление научной мысли, имеет в виду только одну и, пожалуй, не главную сторону дела. Не случайно выдающиеся политики ею не занимались в таком аспекте. Для них первостепенное значение имеет не анализ предыдущих политических событий, а выработка стратегии и тактики в конкретном месте и в данный, неповторимый период времени.

Можно возразить: разве не следует тщательно анализировать уроки прошлого? Профессиональный шахматист в отли-

чие от любителя запоминает огромное количество дебютов, миттельшпилей и эндшпилей, выбирая наилучшее продолжение той позиции, которая сложилась на доске. Во многом этим и определяется его успех. Разве не так?

Да, в игре, к тому же достаточно примитивной и в значительной степени механистичной (недаром ее быстро и успешно освоили компьютерные программы), подобный анализ может играть решающую роль. В жизни все происходит иначе.

Политическая ситуация в мире и в какой-либо стране может повторяться в отличие от шахматной партии только в самых общих чертах. Для философского осмысления исторического процесса черты сходства имеют существенное значение. Но для принятия конкретных решений такие сопоставления могут оказаться не только бесполезными, но и вредными.

Политический деятель должен оценивать ту или иную ситуацию не только в общих чертах, но и в деталях, да еще с учетом конкретных «игроков» — союзников и соперников. Это напоминает динамичные спортивные командные состязания типа футбола или более интеллектуального баскетбола, где сложные решения приходится принимать при острейшем дефиците времени.

Недостаточно искушенный или не слишком сообразительный политик склонен действовать по шаблону, полагаясь на мнения советников. При этом оцениваются только ближайшие последствия данных решений. Стремление достичь ближайших результатов — особенность политиков нашего времени и вообще стран буржуазной демократии.

Великий государственный деятель порой вынужден пренебрегать ближайшими целями, допуская тактические промахи. Он озабочен не только решением текущих проблем, но и стремится реализовать стратегические планы, рассчитанные на годы и десятилетия вперед. В этом отношении монархическое правление при феодальном или социалистическом (народно-демократическом) строе имеет явные преимущества.

Не имея твердых дальних ориентиров, политические лидеры постоянно заводят свои народы в тупик, болото или смертельно опасные провалы. И когда любители ближайших выгод восторгаются крушением «коммунистической утопии», это не

только подло, но и глупо. Ведь и Полярная звезда недостижима, однако она остается надежным ориентиром.

Ну а каким образом подобные общие рассуждения соотносятся с темами данной книги?

У нас речь идет о мифологических версиях исторического процесса. А это уже само по себе связано с эстетикой, чувством прекрасного.

Что же такого эстетического, прекрасного в политике? Ее принято называть грязным ремеслом, искусством обманывать противников и даже партнеров, а также обольщать сторонников, наивных граждан.

Да, преобладают политики-демагоги. Но даже в этом нечистом деле они используют не только риторические приемы, но и художественные образы, способные поразить, привести в восторг слушателя. Едва ли не все мифы революционного времени и классовой борьбы созданы такими политиками или их популяризаторами.

Революционный порыв требует идейной «подпитки». Громкие лозунги, грандиозные мифологические образы заставляют сильнее биться сердца, воодушевляют на подвиги. Они не обращены к холодному рассудку и под его пристальным взглядом тускнеют и гаснут. Героическим периодам революций требуются эпические образы. Полвека назад раздавалось гордое: «Широка страна моя родная». Теперь скромненько выпевают: «Маленькая моя страна». Какое время — такие песни.

На примере трагичной судьбы Ленина можно видеть, как деградирует политический деятель под ударами тяжелого заболевания нервной системы. Оно сузило политический диапазон, ослабило способность оценивать текущую ситуацию в контексте не только ближайшего, но и отдаленного будущего, подвигло на простейшие решения и советы.

Исступленно, другого слова не нахожу, выступал Ильич против русского великодержавного шовинизма, обвиняя в нем двух грузин (Сталина и Орджоникидзе) и одного поляка (Дзержинского). Почему бы тогда не привести хотя бы парочку русских фамилий? Получается, что данный порок не характерен именно для русских!

Вопрос даже не в самой идее. Возможно, у Ленина сложилось такое субъективное, личное мнение. Но он даже не заметил, насколько нелогичны его доводы. Выходило, что он выступал не за равноправие наций, а за расширение прав национальных меньшинств. Но тогда о какой народной демократии может идти речь, если у представителей преобладающей нации прав и привилегий меньше, чем у нацменов?

К чему это приводит в перспективе, видно на примере хрущевской реабилитации «репрессированных народов». Казалось бы, дальновидному политику следовало подчеркнуть справедливость таких репрессий как ответ на пособничество фашистам и массовые убийства многими представителями этих народов во время Великой Отечественной войны не только коммунистов, но и вообще русских. Но ради сиюминутных политических целей Хрущев представил эту высылку чудовищной и преступной акцией Сталина (можно было бы это считать проявлением великодержавного шовинизма!).

Что вышло в результате того, что на Северном Кавказе некоторые из «обиженных» нацменьшинств получили дополнительные права? Уже при советской власти на этих территориях начался, по существу, геноцид русского народа: не караемые грабежи, изнасилования, убийства.

Сошлюсь на достаточно характерный случай. У моего знакомого, доктора геолого-минералогических наук И.В. Крутя четверть века назад пропали в горах Северного Кавказа молодые сын и сноха. Они ушли в туристический поход и не вернулись. Местная милиция безмолвствовала. На поиски отправилась мать пропавшего с московской группой. Они обнаружили в заброшенных загонах для скота двух полумертвых русских, которых использовали в качестве рабов, а потом бросили, а также несколько трупов. Тех, кого искали, найти не удалось.

Порой слышишь, будто «репрессированные народы» претерпели страшные мучения и были поставлены на грань вымирания. Однако все было наоборот. Если бы из их числа были отобраны те многие, кто активно сотрудничал с врагами и совершал преступления во время войны, то почти все мужчины оказались

бы в лагерях. И тогда бы эти народы вымерли. А вышло так, что за период войны количество белорусов, которые сражались с оккупантами, уменьшилось почти втрое, а число ингушей и чеченцев увеличилось. Кто же пострадал?!

Надо ли напоминать, что результатом хрущевского поощрения нацменьшинств стали в конечном итоге и отчленение Крыма от России, и распад СССР, и чеченский кровавый конфликт?

Может показаться странным, что Ленин — гениальный политик — оказался столь недалек. Вновь сошлюсь на его болезнь. Он исходил, возможно, из того, что в Гражданской войне белогвардейцы и украинские националисты потерпели поражение в значительной мере потому, что их шовинистические лозунги вызывали неприязнь, а то и ненависть к ним представителей малых народов, главным образом евреев.

Но ситуация в корне изменилась в период мирного строительства великой многонациональной державы. Теперь националисты, в частности грузинские и украинские, прибалтийские и северокавказские, препятствовали укреплению страны, расшатывали ее устои. Сталин был искуснейшим политиком, а потому создавал миф о великом русском народе.

Почему миф? Хотя бы потому, что любой народ, кроме самого малочисленного и достаточно изолированного, не составляет единого целого. Он состоит не только из разнообразнейших личностей, но и делится на группы, социальные слои, классы. (Как марксист Сталин должен был это не только понимать, но и всячески подчеркивать.) В любом народе есть достойнейшие люди, а есть и подонки.

Представители русского народа внесли значительный вклад во все области культуры; среди величайших писателей мира — Толстой и Достоевский, среди величайших ученых — Ломоносов, Менделеев, Вернадский. Но если подсчитать число выдающихся деятелей на общее количество того или иного народа, то русские окажутся далеко не на первом месте. Когда-то один мой знакомый говорил, что он с товарищами провел такого рода подсчет простейшим способом: по именам, упомянутым в энциклопедии. И оказалось, что на первом месте... нет, не догадаетесь: норвежцы. На втором — армяне, а на третьем — евреи. Почему

такое распределение? По критерию демографическому: преимущество получили малочисленные народы.

В принципе национальная принадлежность для выдающихся людей (и для преступников) не имеет существенного значения. Приобщение к той или иной культуре начинается с детства. При прочих равных условиях не имеет значения ни «родовитость», ни национальность. Едва ли не главное — увлеченность профессией, энтузиазм, упорство, стремление к совершенству... Все это — качества личности, а не какого-нибудь народа. Великими представителями русской культуры были француз Брюллов, армянин Айвазовский, еврей Левитан, украинцы Гоголь и Вернадский, немцы Бэр и Ферсман, грузин Джугашвили и многие другие.

Искусство политики создало миф о великом русском народе (было бы верно — о великой русской культуре). В СССР он получил широкое распространение в эпоху Сталина. До него был интернационалист Ленин, а еще раньше — представители социальных групп, которых принято противопоставлять «простому народу».

Американский политолог Р. Тагер писал, что в 1937 году в СССР был собран небывалый урожай, а в деревне установилась «атмосфера умиротворенности». «Для верхнего же и среднего слоев городского населения наступила пора страшных страданий. Аресты приняли характер эпидемии, что этот политолог расценил как «величайшее преступление XX века».

Приведя эти высказывания, В.В. Кожинотметил: «В 1918—1922 годах в России погибло примерно в 30 раз больше людей, чем в 1936—1938-м, а в 1929—1933-м — в 10 раз больше... Так что слово “величайшее” едва ли хоть сколько-нибудь уместно... Если бы Р. Тагер придерживался “прокоммунистических” взглядов, его формулировка (“величайшее преступление!”) была бы вполне понятной».

Дело вот в чем. В период, как теперь принято говорить, «большого террора» 1936—1938 годов, пострадали главным образом большевики-интернационалисты, причем в наибольшей степени — высокопоставленные, поднявшиеся на высокие посты еще во времена Ленина (Зиновьев, Бухарин, Каменев, Радек, Туха-

чевский, Якир, Гамарник и многие другие). Почему так произошло? По мнению Тагера, Сталин «предусматривал возникновение великого и могучего советского русского государства».

Американскому политологу это не нравится. Он переживает не за колоссальные потери народов России в Гражданской войне, а за небольшие в сравнении с ними (в масштабах страны) репрессии против убежденных революционеров, многие из которых поддерживали идею Троцкого о мировой революции, даже пытались разжигать ее, в частности, в США. Конечно, от 106 до 185 тысяч политических заключенных в эти годы и около 20 тысяч расстрелянных — цифры значительные. Но ведь в Гражданскую войну погибло около 20 миллионов мирных жителей!

Очень характерно, что представитель «демократической» державы с презрением относится к народным массам, зато переживает беды политической «элиты», даже не разделяя ее убеждений. (Как-то невольно вспоминаешь, что не только у Колчака, но и у Троцкого были в США влиятельные и богатые покровители.)

Не случайно миф о великом русском народе появился именно в то время, которое «демократы» и антисоветчики (что часто одно и то же) называют периодом «большого террора». Тогда наша страна достигла замечательных успехов не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, культуре (вспомним хотя бы патристический фильм «Александр Невский»), технике, в освоении Северного морского пути, перелетах через Северный полюс в Америку. СССР в полный голос заявил о себе как о великой мировой державе.

Во время революционного брожения, когда требовалось разрушать прежнюю государственную систему и традиционную организацию общества, официально провозглашался миф об интернациональном единстве пролетариата всех стран и мировой революции. Для строительства первой и единственной в мире социалистической державы нужен был новый миф: о великом русском народе, ибо именно на его плечи легли главные тяготы восстановления и развития народного хозяйства, да еще в преддверии войны с фашистской Германией.

Характерен эпизод с постановкой глумливой комической оперы «Богатыри» осенью 1936 года. В постановлении о ней говорилось: «Спектакль... а) является попыткой возвеличивания разбойников Киевской Руси как положительный революционный элемент, что противоречит истории... б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются... носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое издевательское изображение Крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа».

Судя по стилю, писал или серьезно редактировал текст Сталин. А впервые оперу поставили в 1932 году, и рецензии на нее были хвалебные. Вряд ли за этот срок у Сталина каким-то коренным образом изменились представления о Киевской Руси и былинных богатырях. Просто прежде он опасался высказываться откровенно, возвеличивая «царское прошлое», Крещение Руси и русских былинных богатырей. Тут бы и вспомнили, пожалуй, обвинение Ленина в великодержавном русском национализме. Но в 1936 году это уже было бы слишком опасно.

Эпос о богатырях земли Русской был предтечей мифа о великом русском народе. С научной точки зрения миф подобно героическому эпосу не отражает реальности. Однако политика — больше чем наука или практическая деятельность. Она включает элементы искусства, эстетики, позволяя тем самым воздействовать не только на рассудок, но и на эмоции людей. Это чрезвычайно важно, в особенности в те времена, когда от них требуется самоотверженный труд или мужество в смертельном бою. Надо верить в собственные силы и в своего руководителя, верить в свой народ и гордиться Отечеством.

О социальном рае

Книгу «Психология социализма» (перевод с французского, автор Густав Лебон или Ле Бон, 1908 г.) я впервые прочел полвека назад. Она произвела на меня сильное впечатление. Многие

предположения автора подтвердились революциями 1917 года в России. Это был, что называется, чистый эксперимент.

В этом отношении теория марксизма-ленинизма, основанная преимущественно на законах политэкономии капитализма, выглядела менее убедительной. Мучительный переход к социализму завершился у нас только в конце 1930-х годов. А по мысли Ленина, более прогрессивная, чем капитализм, общественная система должна была бы победить быстро и сразу же показать свое превосходство.

Фундаментальная ошибка марксистско-ленинской теории в том, что она утверждает веру во всеобщий прогресс. В физике такая концепция выражается предельно просто — «стрелой времени», имеющей единственное направление. А у любого реального объекта, включая социальный, свой, собственный масштаб времени, а направление процессов (что можно толковать как направление времени) меняется порой на противоположное, когда развитие сменяется деградацией.

Всеобщего прогресса нет, если не считать развития техники, хотя и оно с экологической точки зрения приносит возрастающий вред окружающей природе, а значит, в глобальном масштабе биосферы это — регресс. И человеческая личность при этом деградирует.

Лебон попытался осмыслить идеи социализма с точки зрения психологии масс. Не со всеми его мыслями можно согласиться (его буржуазные предпочтения слишком очевидны и отчасти иллюзорны). Но все-таки учитывать их полезно для понимания законов жизни общественных организмов.

«Логика и разум никогда не были настоящими руководителями народов. Неразумное всегда составляло один из самых могучих двигателей человечества», — утверждал Лебон. И пояснял: массы людей увлекают на революционные преобразования не научные строгие теории, а надежда и вера. «Благодаря его обещаниям возрождения, благодаря надежде, зажигаемой им у всех обездоленных, социализм начинает представлять собою гораздо более религиозное верование, чем доктрину».

Тут присутствует фигура умолчания. Следовало бы признать, что таким же верованием являются утверждения о благе,

пользе для общества частной собственности на средства производства, конкуренции, существования богачей. Поклонение богу-богатству — более пошлая и подлая религия, чем социалистические иллюзии о свободе, равенстве и братстве.

Про обездоленных Лебон упоминает так, словно это какая-то низшая каста, изначально обреченная на прозябание. Но разве несметные богатства миллионеров и миллиардеров заработаны непосильным трудом или великими интеллектуальными свершениями? Они обогатились именно за счет обездоленных, обманутых, эксплуатируемых. И в этом — правда и привлекательность для народных масс идей социализма.

Лебон утверждает, по сути, повторяя мысли Льва Толстого: «Силы, создаваемые нашими бессознательными стремлениями, всегда непреодолимы. Разум не знает их, а если бы и знал, то ничего не мог бы сделать против них. А между тем эти темные и верховные силы и являются настоящими двигателями истории».

Ну, а разве стремление к справедливости не относится к таким силам? Ведь речь идет не о всеобщей «уравниловке»; достаточно ограничить чрезмерное богатство одних — причем далеко не лучших представителей человечества — ради удовлетворения хотя бы минимальных нужд обездоленных.

Интересен прогноз Лебона: «За социальным разложением, порожденным торжеством социализма, неизбежно последовала бы ужасная анархия и общее разорение. И тогда скоро появится Марий, Сулла, Наполеон... который водворит мир посредством железного режима, установленного вслед за основательным массовым истреблением людей, что не помешает ему, как не раз то было в истории, быть встреченным радостными криками в качестве избавителя. Впрочем, он и будет таким в действительности...» И, наконец, как бы его завет своему правительству: «Социализм должен быть где-нибудь испытан, ибо только такой опыт исцелит народы от их химер, и наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы этот опыт был произведен за пределами нашего отечества».

У Лебона был достаточно серьезный изъян в знаниях экономики и социологии. К тому же он был буржуа, хотя и интеллигентным, боявшимся (и справедливо) народных масс. Но его

мнение в определенной степени справедливо.

Вопрос лишь в том, каким людям при капитализме и при социализме принадлежит власть, кто и с какими целями распоряжается национальными богатствами. Тут можно вспомнить замечание крупного испанского мыслителя Хосе Ортега-и-Гассета (1930 год):

«Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее [власть. — Р.Б.] и навязывают ее всем и всюду... Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир становится массой». По его словам, отличительные черты массового человека: «беспрепятственный рост жизненных запросов» и «неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь». Надо лишь уточнить: запросы эти сугубо материальные, а неблагодарность распространяется и на людей, и на прошлое своей родины.

В конце XIX века Лебон достаточно благосклонно смотрел на «массового человека». Он не без основания утверждал: «Толпа редко подчиняется эгоистическим побуждениям, а чаще всего повинуетя интересам общественным и бескорыстным». Это подтверждают события революций 1917 года, когда речи ораторов пробуждали энтузиазм толпы. Но почему же стали происходить изменения в психологии масс и возобладали эгоистические побуждения?

Ортега-и-Гассет в 1939 году сделал вывод: вера в науку превратилась в догму; это тормозит ее развитие, а также делает общественное мнение однообразным. «Иметь действительно собственное, расходящееся с общепринятым мнение, — писал он, — не так легко, как может показаться на первый взгляд». Социальные догмы «являются могучей, суровой и грубой реальностью». Добавим: они научно не обоснованы, а потому имеют признаки мифологии, основанной на вере. А распространять и укоренять ее в сознании людей в техническую эпоху не представляет большого труда, если используются СМРАП и психотехнологии.

Как мудро заметил семнадцать столетий назад святой Августин, «вера в авторитет весьма сокращает дело и не требует боль-

шого труда» — она необходима «для пользы простейших... более тупоумных или занятых житейскими заботами»; «если они ленивы или привязаны к иным занятиям, пусть они верят». Все это относится не только к вере в религиозные догмы, но и к вере в науку, а также в социально-политические мифы, навязываемые существующей властью.

«Человеческое ускользает от физико-математического разума подобно воде, вытекающей из решета», — утверждал Ортега-и-Гассет. В.И. Вернадский предполагал, что во второй половине XX века восторжествует иное мировоззрение, основанное на учении о биосфере. Этого не произошло. Когда высшей ценностью признаются доход, частная собственность на средства производства, материальная выгода, конкуренция и прочие признаки капитализма, именно такую общественную систему восхваляют СМРАП на средства власть имущих и капиталы.

Недавно умерший крупный американский историк, экономист и социолог Артур М. Шлезингер (миллионер) писал: «Миф о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства, оказался на редкость живучим. Этот миф одновременно и льстит самолюбию бизнесменов, и служит их интересам. Он оставался главным символом делового мира, лейтмотивом пропаганды монополий». И еще: «Механизм саморегулирования рыночного хозяйства если и существует, обходится слишком дорого и в экономическом, и в политическом, и в социальном плане». Он привел конкретные примеры, подтверждающие данные тезисы.

Народы СССР смогли на собственном примере убедиться в том, насколько лживы мифы о благах капитализма. Даже такой «реформатор», разрушитель социалистической экономики, как Егор Гайдар, был вынужден признать: «Несомненная правда, что большинство стран с рыночной, капиталистической экономикой пребывает в жалком состоянии застойной бедности. Они куда беднее, чем Россия, вступающая на рыночный путь». Теперь на этом пути наша страна обрела состояние застойной бедности.

Но ведь и миф о благах социализма оказался несостоятельным. Он вдохновлял революционеров еще со времен социализ-

ма утопического. Правда, благодаря ему возникли могучая мировая держава — СССР и ряд стран народной демократии, включая великий Китай. Но почему же социализм в СССР потерпел сокрушительное поражение?

На этот вопрос, завершающий нашу тему мифов 1917 года, мы постараемся найти ответ в конце книги. А пока признаем, что главные события мировой истории XX века вдохновлялись мифологией не только социально-политической, имеющей псевдонаучную основу, но и более древней. Скажем, в фашистской Германии возродились мрачные и жестокие нордические легенды, а также бредовые идеи об избранной расе и сверхчеловеке.

«В сравнении с пышностью и бодрым оптимизмом коммунистического мифа, — писал этнограф и философ Мирча Элиаде в 1959 году, — мифология, проповедуемая национал-социалистами, кажется странно несостоятельной», ибо она предполагает гибель богов в последней битве и конец света. Но, несмотря на это, народные массы в Германии приняли такую идеологию и миллионы фашистских солдат погибли во имя таких иллюзий. По мнению Элиаде, «миф является неотъемлемой частью человеческого состояния и отражает беспокойство человека, живущего во времени».

Дело, пожалуй, не во времени как таковом: оно является символом любых изменений, самой жизни (смерть — переход в вечность). Человека беспокоит будущее, он ищет духовную опору для оправдания своего пребывания в этом мире и своей деятельности.

Современные исследователи предпочитают говорить о политических псевдомифах. Но это, пожалуй, излишнее усложнение. Миф сам по себе есть псевдореальность. Велимир Хлебников писал:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В зыбком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

В зыбком зеркале нашего сознания реальность отражается более или менее искаженно, порой причудливо. Человек убежден, что видит и понимает все самостоятельно, по собственному разумению. Однако любого из нас формирует окружающая духовная среда, где мифам с древнейших времен уготовано почетное место.

Рассуждая о мифологии российских революций 1917 года, не надо воспринимать ее анализ как развенчание мнимых идей, которыми руководствовались и те, кто мечтал о социализме-коммунизме, и непримиримые их противники, убежденные в святости царской власти или величии бога — богатства.

«Борясь с псевдомифами, — пишет немецкий философ Курт Хюбнер, — не следует забывать, что существуют также подлинные мифы, которые все еще образуют одно из оснований современных национальных государств и соответствуют самым глубинным человеческим чувствам. До сих пор неясно, как можно от них полностью отказаться, не разрушая современного политического ландшафта».

Как показывает история падения Российской империи, а также ее преемника Советского Союза, крушение социально-политических мифов вызывает смуту в обществе, потерю нравственных ориентиров и разложение.

В таком случае, для современной капиталистической, буржуазно-демократической Российской Федерации следует укоренять миф о ценности современного строя, дабы внушать населению веру в будущее, оптимизм и желание активно участвовать в подъеме народного... простите, частнособственнического хозяйства.

Увы, мифология максимальной частной собственности, дарующей человеку счастье, не только пошла и недостойна полноценной личности, но и лжива. Даже если предположить, что материальными благами капитализма будут обладать все жители данной страны, этот сытный, бездумный и бескрылый земной рай сможет вдохновить лишь самые примитивные натуры духовных буржуа. Разве таким должен быть смысл человеческого бытия?!

В современной Норвегии установлена система, можно сказать, капиталистического социализма. Здесь почти все жители

материально обеспечены. Стали они от этого счастливей, чем в те сравнительно недавние времена, когда у них были выдающиеся ученые, писатели, композиторы, географы-путешественники? Сомневаюсь.

Да бог с ними, не знакомыми мне норвежцами. Я вспоминаю образ русского человека Счастливецва (пьеса А.Н. Островского «Лес»). Этот бродячий, полуголодный артист как-то остался погостить у своей сестры, богатой помещицы. Полная вроде бы благодать! А тут мысль: «А не удавиться ли мне?» И вот избавляясь от этого искушения, ушел он из этого «земного рая».

Правда, мне могут сказать: этот несчастный Счастливецв, так же, как вы, — старый русский. Пришло время новых русских (к ним относятся и представители иных национальностей). Они вписались в нынешнюю реальность, умеют пользоваться радостями жизни...

Вот еще один миф, творящий техногенного человека — потребленца, предельно приспособленного к техносфере. Он — поистине космический паразит, червь, разъедающий и отравляющий биосферу, область жизни на Земле. И это не миф, а реальность, подтверждаемая неопровержимыми фактами.

Начиная с древнейших времен мифология имела целью духовно возвысить человека, пробуждать в нем добрые и героические чувства. Такова и революционная мифология, хотя она слишком часто оборачивалась трагедией. Однако героическая трагедия не унижает человеческого достоинства в отличие от пошлого прозябания.

Миф о Белой гвардии

Этот миф, популярный в антисоветских кругах во время Гражданской войны, вновь возродился 20 лет тому назад. В последние годы торжественно перезахоронили в Донском монастыре прах белогвардейских генералов А.И. Деникина и В.О. Каппеля.

Почему — миф? Разве не белогвардейцы сражались с красноармийцами? Вот и у М.А. Булгакова роман, изданный при советской власти, так и называется — «Белая гвардия». Уж он-то знал, о чем писал: сам некоторое время служил в этих частях.

Обратимся к Большому энциклопедическому словарю:

«Белая гвардия — неофициальное наименование русских военных формирований, боровшихся в годы Гражданской войны против советской власти. Происхождение термина связано с традиционной символикой белого цвета как цвета сторонников законного правопорядка. Основа Белой гвардии — офицерство бывшей царской армии...»

Эти формирования появились в конце 1917 года на юге Европейской России под названием Добровольческой армии (вскоре она перешла к принципу мобилизации). Но почему же все-таки офицеры и генералы, поднявшие мятеж против советской власти — на то время единственной и в определенной степени законной, — восстав против нее, называли себя белыми?

На этот вопрос многие ответят без сомнений: они хотели восстановить монархию, единственно законную власть в Российской империи. Но это, конечно же, заблуждение. Монархисты среди белых были, но в небольшом количестве и, можно сказать, подпольно. Ибо сражаться им приходилось за буржуазную демократию западного образца, да еще при помощи и под присмотром капиталистических стран: Франции, Англии, США.

Как это ни покажется странным, но большинство офицеров и генералов, имевших монархические убеждения, оказались на стороне Красной армии!

Временное правительство произвело чистку в армии, выведя в отставку (некоторые ушли добровольно) из командного состава тех, кого считали убежденными монархистами. Некоторых из них расстреляли анархически настроенные солдаты. Остались только избранные Советами солдатских депутатов.

Например, генерал-лейтенант Генштаба М.Д. Бонч-Бруевич, близко знавший царскую семью, в Первую мировую войну занимал высокие командные посты в действующей армии. Вот как вспоминал он свои чувства в середине февраля 1918 года, после встречи с Лениным и своего согласия служить советской власти:

«А кто ты, в конце концов, уважаемый генерал, вернее, бывший генерал, Бонч-Бруевич? “Слуга двух господ”, ловкий приспособленец, готовый ладить с любой властью, или человек каких-то принципов, убеждений, способный по-настоящему их отстаивать?

Тотчас же со всей внутренней честностью я признался себе, что судьба нового, Советского правительства волнует меня до глубины души, что никакого интереса давно не вызывает во мне участь Николая II и его семьи, находящихся в тобольской ссылке, что моя судьба навсегда связана с той новой жизнью, которая рождалась на моих глазах и при моем участии в таких неизбежных и жестоких муках».

В то время не было никакой гарантии, что большевики удержатся у власти. Зато стало ясно, что Ленин никакой не немецкий шпион: он собирал все имеющиеся в его распоряжении силы, чтобы остановить немецкое наступление на Петроград. Это отрезвило многих военных специалистов, которые привыкли подозревать «вождя социалистической революции» в тайном сговоре с врагами России (живуч был миф о Ленине-шпионе!).

По словам М.Д. Бонч-Бруевича, «разочарование в династии пришло не сразу. Трусливое отречение Николая II от престола было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Ходынка, позорно проигранная Русско-японская война, пятый год, дворцовая камарилья и распутинщина — все это наконец избавило меня от наивной веры в царя, которую вбивали с детства.

Режим Керенского с его безудержной говорильней показался мне каким-то ненастоящим. Пойти к белым я не мог: все во мне восставало против карьеризма и беспринципности таких моих однокашников, как генералы Краснов, Корнилов, Деникин и прочие.

Остались только большевики...»

Возможно, он преувеличил степень карьеризма и беспринципности упомянутых генералов (добавить можно и адмирала Колчака). Но факт остается фактом: они поднялись черед две-три ступеньки в карьере именно благодаря буржуазно-демократическому Временному правительству, «обскакав» монар-

хистов. Скорее всего, сначала они выступили против большевиков, считая их узурпаторами, незаконно присвоившими власть. Но вскоре убедились: без помощи Запада и США их положение безнадежно. Они вынуждены были пойти на сотрудничество с ними, сознавая, что в определенной степени предадут интересы независимой России.

Михаил Бонч-Бруевич пояснял: «Огромную роль в ломке моего мировоззрения сыграла Первая мировая война с ее бестолочью, с бездарностью Верховного командования, с коварством союзников и бесцеремонным хозяйничаньем вражеской разведки в наших высших штабах и даже во дворце самого Николая II». Подобно многим другим генералам и офицерам — из наиболее образованных — он понимал, насколько опасно для России подпасть под власть западных союзников, неизменной целью которых было ослабление и ограбление нашей страны.

Среди белогвардейцев были герои, честные и мужественные люди. Но не они составляли большинство этой армии. Верность долгу? А какой был у них долг и перед кем или чем? Присяга царю отпала, новая присяга — Временному правительству также утратила силу. Надо было делать самостоятельный выбор: встать на сторону Советов, сохранять нейтралитет или воевать с большевиками за...

Тут-то и приходилось им отстаивать интересы отечественных крупных частных собственников и зарубежных капиталистов (за их финансовую помощь). Вряд ли такое служение назовешь благородным и патриотичным.

В этом отношении роман М.А. Булгакова «Белая гвардия», пьеса на его основе «Дни Турбиных» (ее действие происходит в Киеве), а также пьеса «Бег» дают реалистичные и в целом положительные образы офицеров бывшей царской армии, не по своей воле попавших в мясорубку Гражданской войны. Выбор у них невелик: или бежать за границу, или примкнуть к местным сепаратистам (например, к петлюровцам), к добровольческим частям или к Красной армии.

Один из главных героев «Дней Турбиных», полковник Алексей Турбин обращается к своим подчиненным, приказывая им снимать погоны и скрываться: подходят превосходящие силы

петлюровцев, а гетман Скоропадский бежал вместе со своими союзниками — немцами. Некоторые офицеры предлагают отправиться на Дон, к Деникину. Полковник возражает:

— Я вам говорю: Белому движению на Украине пришел конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено. Гроб! Крышка!

Алексей Турбин погибает. А вскоре петлюровцы бегут из Киева под ударами Красной армии. И капитан Мышлаевский готов идти служить к большевикам. На вопрос товарища, почему он принял такое решение, отвечает:

— Потому что у Петлюры, вы говорили, сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом подмазали и дуют при одном слове «большевики». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить? Рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли... Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине? Слуга покорный! Нет, мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас. Алешка был прав.

Тому, кто готов драться с большевиками, Мышлаевский предсказывает, что белогвардейцев разгромят, а Деникин «даст деру за границу». А там — «в харю наплюют от Сингапура до Парижа».

Конечно, написано это уже после того, как эти якобы предсказанные события произошли. Пьеса была принята к постановке в 1926 году на сцене советского театра. Однако нет никаких оснований подозревать, будто Михаил Булгаков покривил душой, стараясь приспособиться к новой власти. Уверен: кто так думает, сам принадлежит к всепроникающей категории приспособленцев. Булгаков был честным художником. Да и как можно было написать что-то другое, если такой была правда истории? Конечно, «мужички» в большинстве своем не были за большевиков. Они старались как-нибудь прокормить семью, раздобыть побольше земли, а то и пограбить помещичью усадьбу. Но те, кто был организован в Красную армию, представляли народную

власть Советов, выступали за целостность и независимость Отечества. Их противники не имели идеологии, способной противостоять этим принципам. В этом была их главная слабость. Они были более чужды русскому народу, чем большевики.

В своих воспоминаниях генерал П. Краснов приводит такой случай. Он выступил с пламенной речью перед своими казаками. Затем «все офицеры и казаки, не стовариваясь, дружно грянули:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв Монарха он...

Все сняли фуражки. Так, под могучие напевы этой песни я сел в автомобиль и с нею в сердце и душе уехал из Пулкова...»

Поневоле задумаешься: как же brave боевой генерал при внешней торжественности момента не заметил страшной ухмылки судьбы в роковом противоречии слов и дела? О каком призыве монарха можно было говорить, когда он уже отрекся от престола, а воинская часть направляется на помощь Временному правительству, которое возглавляет эсер Керенский? Отзываются-то на призыв эсеров и кадетов, выступая против Советов рабочих и солдатских депутатов.

В этих же мемуарах Краснов признался, что верил в Учредительное собрание и провозглашение конституционной монархии. Но убедительно показал, как разлагалась армия при Временном правительстве после «Приказа № 1», как солдаты стали расстреливать не угодных им командиров. «Сколько я мог судить, — писал он, — большинство склонялось к тому, чтобы Россия была конституционной монархией или республикой, но чтобы казаки имели широкую автономию». А когда Керенский и Корнилов издали приказ о введении в армии наказаний и смертной казни, по его словам, среди солдат имя Корнилова не пользовалось почтением. Они говорили: «Корнилов хочет войны, а мы хотим мира».

Следует с полной серьезностью отнестись к признанию Краснова об «общем развале Армии и крушении всех идеалов». В кон-

це августа 1917 года настроение у него было подавленное: «В те печальные дни, когда не проходило недели, чтобы кто-либо из начальников не был убит, то случайно, то умышленно, мы все чувствовали себя обреченными на смерть». Прибыв под командование М.Д. Бонч-Бруевича, Краснов услышал от него:

— Вот вчера на улице солдаты убили офицера за то, что он в разговоре с приятелем сказал «совет собачьих и рачьих депутатов». И ничего не скажешь. Времена теперь такие. *Их* власть. Я без *них* ничего. И потому у меня порядок и красота. И дисциплина, как нигде...

Секрет его власти был прост: революционные солдаты избрали Бонч-Бруевича членом Исполкома Псковского Совета. Получалось, что офицер, ядовито отозвавшийся о Советах, оскорбил не только солдат, но и своего генерала. Вот какие страшные парадоксы сопровождали анархию, а затем и Гражданскую войну, где М.Д. Бонч-Бруевич встал в ряды Красной армии, а его недавний подчиненный П. Краснов перешел к белогвардейцам.

Советские историки писали, что Краснова, взятого в плен красногвардейцами, отпустили под честное слово, что он не будет воевать против советской власти. Он нарушил это слово. То, что Добровольческая армия была обречена на поражение, можно заключить из его собственного признания: «Яд большевизма вошел в сердца людей моего полка, который я считал лучшим, наиболее мне верным». Казаки стремились «не к Каледину, чтобы сражаться против большевиков, отстаивать свободу Дона, а домой, в свои станицы, чтобы ничего не делать и отдыхать, не чувствуя и не понимая страшного позора нации».

Таково мнение человека, привыкшего служить, командовать, но не трудиться на производстве или в сельском хозяйстве. Как тут не усмехнуться: да разве казаки дома бездельничают? Разве из-за лени и трусости они стремились домой?

Короче говоря, в романе «Белая гвардия» и пьесе на его основе Михаил Булгаков написал правду. Об этом свидетельствует, как это ни странно, развернувшаяся кампания по его травле, предпринятая теми, кто называл себя советскими писателями. После триумфальной премьеры «Дней Турбиных» в художе-

ственном театре 5 октября 1926 года в центральной печати появилась масса статей, где гневно клеймилась «булгаковщина» как апология белогвардейщины. Выступая в театре Мейерхольда, критик А. Орлинский назвал ее белой, кое-где подкрашенной под цвет редиски. Подобные статьи и выступления были, в сущности, доносами. Тогда же на Булгакова завели дело в ОГПУ, его допрашивали, а на квартире произвели обыск.

Пьесы Булгакова разбирались даже на Политбюро ЦК ВКП(б). О них был вынужден отозваться Сталин. В частности, он писал: «Что касается собственно пьесы “Дни Турбиных”, то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, оставшееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: “Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит большевики непобедимы, с ними, с большевиками, ничего не поделаешь”. “Дни Турбиных” есть демонстрация всепокрушающей силы большевизма».

В феврале 1929 года Сталину пришлось выдержать достаточно сильный напор со стороны делегации украинских писателей. Они дружно потребовали запретить «Дни Турбиных», поставив вместо нее пьесу Киришона о бакинских комиссарах. Когда Сталин возражал, его не раз прерывали выкриками с места. А. Десняк открыто заявил: «Когда я смотрел “Дни Турбиных”, мне прежде всего бросилось в глаза то, что большевизм побеждает этих людей не потому, что он есть большевизм, а потому, что делает единую, великую, неделимую Россию. Это концепция, которая бросается всем в глаза, и такой победы большевизма лучше не надо».

Тонко подмечено! Не учли только делегаты, что сталинская политика была хотя и неявно, но твердо направлена на создание именно единой, неделимой, великой России — Советского Союза. Не случайно почти все недруги Михаила Булгакова были репрессированы в 1937—1938 годах.

Выходит, Сталин, смотревший пьесу «Дни Турбиных» более десяти раз, не имел желания развенчивать миф о Белой гвардии? Отчасти — да. По тем же соображениям, по которым уко-

ренялся в сознании советского народа миф о непобедимой Красной Армии (оказавшийся, в конечном счете, совершенно верным!), а также о великом русском народе.

Многие белогвардейцы начинали воевать против большевиков из патриотических соображений. Они были идейными сторонниками Учредительного собрания, конституционной монархии или буржуазной республики. Но постепенно стало выясняться, что противостоит им большинство русского народа, не желающего возвращения старых порядков, разуверившегося сначала в царской, а затем и в буржуазной власти, а заодно и в стихийной анархии.

Приведу справедливое суждение монархиста Шульгина: «Большевики -- 1) восстанавливают военное могущество России; 2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов; 3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского». Почему? Потому что «в русской действительности героические решения может принимать только один человек». Им, по его мнению, высказанному в 1920 году, не будет ни Ленин, ни Троцкий.

Удивительная прозорливость! Таким самодержцем стал Сталин.

А теперь вспомним, что произошло в 1991 году. В СССР окончательно победила буржуазная революция. Все великие достижения советской власти были отменены во имя капитализма (под мифы о перестройке, рыночных реформах, правах человека, священной частной собственности, благах западной цивилизации). И с Великой Россией было покончено.

Будем помнить: мифы бывают героические, призванные укрепить страну и армию, возвысить народ и личность, прославить деяния великих людей. И если такие мифы ополшают, это ослабляет страну и армию, унижает человека.

Глава 5

ХАОС И ПОРЯДОК

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском океане,
И в дуновении чумы.

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волне
ния
Их обретать и ведать мог.

Александр Пушкин

Эпоха эпоса

Английский мыслитель Джон Лёббок писал: «Природа предстает перед нами в виде какой-то священной книги, богато иллюстрированной, но написанной на не понятном нам языке». Обилие научных сведений о природе создает лишь иллюзию понимания, ибо гигантское количество фактов лишь затрудняет их осмысление.

Может быть, с познанием общества дела обстоят лучше? Как бы не так! Во-первых, оно постоянно меняется, и, чтобы учесть это, необходимо вносить коррективы в теоретические схемы, а то и принципиально обновлять их. Во-вторых, на эти теории

оказывает сильное влияние текущая политическая ситуация и пристрастия авторов. В-третьих, общество в отличие от природных объектов находится в большой зависимости от изменений в духовной сфере, в психологии народных масс.

В периоды спокойного существования общественная жизнь течет ровно подобно равнинной реке. Более или менее обоснованные с научной точки зрения теории общественного развития описывают именно такие периоды. Иная ситуация — в бурные эпохи крупных социальных потрясений или научно-технических революций. Они проходят при эмоциональном подъеме и с ослаблением влияния строгой логики, холодного рассудка. Поэтому такие эпохи порождают эпические творения, героические мифы.

Так было у всех народов. Наиболее древние — сказания о культурных героях, добывающих или похищающих у богов блага цивилизации: огонь, полезные растения, воду для орошения земель, уничтожающих или умиряющих свирепых животных. В древнем Двуречье таким героем был Гильгамеш, у ацтеков — Кетцалькоатль, у древних греков — Прометей.

В конце концов люди начинают соперничать с богами. Лидийский царь Тантал, похитив с неба нектар и амброзию, раздавал божественную пищу людям. Певец Фамирид вступил в состязание с музами. Дочь Тантала Ниоба считала себя красивее Латоны, матери Аполлона и Артемиды. Диомед вступает в рукопашный бой с Аресом и Афродитой. Фаэтон дерзает управлять конями солнечной колесницы, а Геракл взваливает себе на плечи свод небесный!

Героические мифы воспевают людей, дерзнувших совершить невероятное, небывалое, а то и невозможное. Они отличаются от животных тем, что имеют высшие устремления, не удовлетворяясь прозябанием, пусть даже благообильным и сытным. Такова суть человека. Он даже способен вступить в противостояние с Богом. Как писал Яков Полонский:

С Богом боролся во сне
Сын Исаака Иаков, и Бога не мог
Даже во сне побороть он, и стал оттого хромоног.

Говорят, что сатана был некогда светоносным ангелом Люцифером, но восстал против Бога, за что был низвергнут с небес на землю и тоже повредил ногу. Странные предания. Выходит, если Бог всемогущ, значит, он допускает и мятеж даже на самом высшем уровне духовных небес. Не это ли имел в виду Максимилиан Волошин, утверждая:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И все, что есть, началось чрез мятеж.

Действительно, без устремлений за пределы изведенного не бывает научных открытий. Смирение и долготерпение — качества благие, но не в любых обстоятельствах. Порой они становятся клеймом на лбу покорного раба. О таких не складывают ни песен, ни мифов. Народ хранит память о героях, пусть даже таких буйных натурах, как Стенька Разин или Емельян Пугачев.

И когда мы продумываем события 1917 года, всколыхнувшие всю Россию, то постоянно сталкиваемся с мифами. Они придают историческим событиям фантастический оттенок, словно переносят их из реальности в миры воображаемые. Героические эпохи порождают эпос.

Новые мифы не похожи на поэтические сказания далекого прошлого. Настала пора других людей, озабоченных политикой и выгодой для своих групп, партий, классов. Прежние классические мифы воплощали в себе единую духовную культуру: религиозные, философские, научные идеи своего времени, облеченные в поэтическую форму. Тем не менее и под политической шелухой мифов 1917 года можно увидеть нечто значительное, серьезное и поучительное, помогающее лучше понять не только прошлое, но и настоящее, а возможно, предвидеть некоторые черты будущего.

Любой исследователь или читатель в той или иной степени подвержен воздействию СМРАП и мнениям, распространенным в духовной среде его обитания. Требуются немалые усилия, чтобы понять это (все уверены, что мыслят независимо, самостоя-

тельно, и это — самое безнадежное заблуждение). Но после этого нетрудно преодолеть «притяжение среды» и подняться в более высокие интеллектуальные сферы, как бы пребывая в идеологической невесомости.

Такой переход необходим для тех, кто стремится жить осознанно, как и положено человеку разумному. Но это вовсе не означает, будто не следует иметь никаких твердых убеждений. Ведь и тем, кто пребывает в невесомости на космических орбитах, требуется надежная защита от опасных внешних воздействий и постоянный приток энергии, источник которой, в конечном счете, — Его Сиятельство Солнце.

Крушение мифа — падение монархии

Григорий Распутин — одна из наиболее загадочных фигур XX века. Диапазон мнений о нем предельно диаметральный. Одни считают его великомучеником, ангелом-хранителем царской семьи и России. Другие уверены: он — демон зла и распутства, погубивший царскую семью, виновник краха Российской империи.

В подписи к шаржу на царицу (1917) говорилось: «Известна как рукодельница, вышивавшая рубашку св. Григорию». В сноске уточнялось: сокращенное слово не «святой», а совсем другое. Таковы две крайности его характеристик.

Как он и предрекал, вскоре после его смерти царская власть пала, а еще через некоторое время были убиты Николай II, его жена и дети, близкие родственники. Это похоже на пророчество Распутина. Не означает ли это, что на него нисходила благодать как дар свыше?

Десять лет назад журналист Ф. Морозов опубликовал заметку о том, что в Царском Селе на месте захоронения Григория Распутина (тело его было выкопано и сожжено) «ежегодно совершаются непонятные обряды. 17 декабря по старому стилю ветви окрестных елей окрашиваются в синий цвет, верхушки светятся, словно намазанные фосфором».

Статья была в популярном журнале «Чудеса и приключения», а потому загадочное излучение нельзя считать убедительно доказанным. Однако очевидно, что до сих пор образ Григория Распутина окружен ореолом тайн и чудес.

Не вдаваясь в детали, обратимся к свидетельству преемника П.А. Столыпина на посту председателя Совета министров Российской империи (с 1911-го по 1914 год) В.Н. Коковцова. Он был человеком строгих правил, умным и трезво мыслящим. На него в отличие от великосветских дам чары Распутина не действовали.

Коковцова сильно тревожили газетные статьи о беспутствах Распутина при дворе, его кутежах и близости к царской семье, появившиеся в 1912 году. Однажды было напечатано сообщение о том, что на почве отношений к Распутину возникла размолвка в царской семье; якобы великая княгиня Елизавета Федоровна из-за этого совершенно отделилась от Царского Села.

В Государственной думе пошли пересуды в «кулуарах», затем перешли и на думскую трибуну. По столице распространились отпечатанные на гектографе копии писем — одно императрицы Александры Федоровны, остальные от великих княжон — к Распутину. Письма относились к 1910-му или 1909 году, а их содержание, в особенности отдельные места из письма императрицы, отражающие, по мнению Коковцова, ее мистические настрояния, давали повод к возмутительным пересудам.

Попытки Коковцова и министра внутренних дел Макарова уговорить редакторов не печатать такие материалы вызывали ответ: «Удалите этого человека в Тюмень, и мы перестанем писать о нем». Как не без оснований полагал Коковцов, такие статьи «играют в руку всем революционным организациям, расшатывая в корне престиж власти монарха, который держится главным образом обаянием окружающего его ореола, и с уничтожением последнего рухнет и самый принцип власти».

Последнее соображение можно толковать так: одной из главных опор государственной власти была традиционная вера в царя как помазанника Божия, поставленного высшей волей над всеми подданными. Этот миф следовало всячески поддерживать, особенно в трудные для страны времена. Конечно же, то же самое относится к любой государственной власти.

«Газетная кампания не предвещала ничего доброго, — писал Коковцов. — Она разрасталась все больше и больше, и, как это ни странно, вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом ближайшего будущего и не сходил со сцены почти за все время моего председательства в Совете министров, доводя меня до отставки с небольшим через два года».

Николай II однажды сказал ему, что хочет поговорить с министром внутренних дел, чтобы подумать об издании закона, который давал бы правительству некоторое влияние на печать. Коковцов ответил, что Дума не решится поддержать такое предложение из опасения встретить обвинение себя в реакционности. Государь перевел разговор на другие темы. Свобода печати, дарованная императором в комплексе либеральных реформ, укрепила позиции «демократов», в частности, кадетов, и способствовала ослаблению, а затем и падению царского режима.

Родственник Коковцова, знавший Распутина, отзывался о нем так: «Он, конечно, негодяй, но хуже его те, которые пресмыкаются перед ним и пользуются им для своих личных выгод. Вот ты поступаешь хорошо, что не знакомишься с ним, но зато это тебе не выгодно. Не поклонись ему, тебе, вероятно, несдобровать».

Редактор газеты «Россия» Г. Сазонов постоянно надоедал Коковцову советами познакомиться для пользы дела с Григорием Ефимовичем. В подтверждение силы и влияния Распутина Сазонов рассказал, что весной 1911 года он вместе с ним ездил в Нижний Новгород, где они были приняты «на славу», их кормили, поили и забавляли, «чего лучше невозможно». Распутин спросил губернатора Хвостова, согласен ли он быть министром внутренних дел, если на должность председателя Совета министров снова назначат графа Витте. Хвостов якобы отказался. Вернувшись в Петербург, Распутин сказал будто бы, что Хвостов «хорош, шустёр, но очень молод. Пусть еще погодит» (министром внутренних дел Хвостов был в 1915 и 1916 годах).

Произошел новый конфликт с участием Распутина. Его вызвали на беседу епископ Гермоген и почтенный иеромонах Илюдор. Они стали упрекать его в развратной жизни и посещениях Царского Села, чем он губит государя, ибо газетные статьи

топчут в грязь имя, которое должно быть священо для всех. От Распутина потребовали немедленно уехать к себе в село Покровское Тобольской губернии. Он стал горячиться и браниться. Ругань перешла в драку. Она могла закончиться удушением Распутина, если бы за него не заступился юродивый Митя Козельский. Распутин вырвался из рук своих приятелей, выбежал на улицу в растерзанном виде и стал кричать, что его хотели оскотить. Гермоген послал государю телеграмму с просьбой об аудиенции, намереваясь раскрыть перед ним весь ужас создающегося положения. Однако уже на следующий день Гермогену было приказано срочно отбыть из Петербурга, а Илиодору — отправиться во Флоришеву пустынь, где и пребывать, не выходя из ограды монастыря.

«Весь этот инцидент еще более приковал внимание Петербурга к личности Распутина, — писал Коковцов. — В обществе, в Государственной думе и Совете только и говорили, что об этом, и меня вся эта отвратительная история держала в нервном состоянии... Государь со мной не заговаривал о происшествии и даже наводимый мной на этот предмет ловко уклонялся».

В феврале 1912 года Коковцова пригласила вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Николая II). В ответ на ее вопрос он честно признался, что сильно обеспокоен тем, что интимная жизнь царской семьи стала предметом пересудов всех словес населения, сплетен и клеветы. Мария Федоровна горько заплакала и сказала: «Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию, и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвратить несчастье».

Она была совершенно права. Корни Февральской революции относятся именно к тем годам. Главным фактором подрыва авторитета царя стала близость к нему и его семье Григория Распутина (другим фактором была столыпинская реформа сельского хозяйства, но это уже другая тема).

Распутин письменно попросил председателя Совета министров принять его. О том, как происходила беседа, Коковцов рассказал подробно.

Когда Распутин вошел к нему в кабинет и уселся в кресле, Коковцова поразило отвратительное выражение его глаз. Глу-

боко сидящие, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они впились в собеседника. Распутин смотрел молча, долго и пристально, точно стараясь загипнотизировать Коковцова. Затем резко закинул голову вверх и стал рассматривать потолок, обводя его взглядом по всему карнизу, потом потупил голову и стал упорно смотреть на пол и — все время молчал. Коковцову показалось, что они бесконечно долго сидят в таком бессмысленном положении. Он обратился к Распутину:

— Вот вы хотели меня видеть, что же именно хотели вы сказать мне? Ведь так можно просидеть и до утра.

Распутин как-то глупо, делано осклабился и пробормотал:

— Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната.

Он продолжал молчать и, закинув голову вверх, смотрел на потолок. В это время пришел знавший его сенатор Валерий Николаевич Мамонтов, женатый на сестре Коковцова. Он поцеловался с Распутиным и спросил, действительно ли он собирается уехать домой. Вместо ответа Распутин снова уставился на Коковцова своими холодными глазами и проговорил скороговоркой:

— Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет, и чего плетут на меня!

— Да, конечно, вы хорошо сделаете, если уедете, — отозвался Коковцов. — Плетут ли на вас или говорят одну правду, но вы должны понять, что здесь не ваше место, что вы вредите государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о вашей близости и давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений.

— Кому я что рассказываю, все врут на меня, все выдумывают, нешто я лезу во дворец, зачем меня туда зовут! — почти завизжал Распутин.

Его прервал Мамонтов, заговорив тихим, вкрадчивым голосом:

— Ну что греха таить, Григорий Ефимович, вот ты сам рассказываешь лишнее, да и не в том дело, а главное — не твое там место, не твоего ума дело говорить, что ты ставишь и смещаешь министров, да принимать всех, кому не лень идти к тебе со вся-

кими делами да просьбами и писать о них кому угодно. Подумай об этом хорошенько сам и скажи по совести, из-за чего же льнут к тебе всякие генералы и большие чиновники, разве не из-за того, что ты берешься хлопотать за них? А разве тебе даром станут давать подарки, поить и кормить тебя? И что же прятаться — ведь ты же сам сказал мне, что поставил Саблера в обер-прокуроры, и мне же ты предлагал сказать царю про меня, чтобы выше меня поставил. Вот тебе и ответ на твои слова. Худо будет, если ты не отстанешь от дворца, и худо не тебе, а царю, про которого теперь плетет всякий, кому не лень языком болтать.

Распутин сидел с закрытыми глазами, опустив голову. Молчание продолжалось необычайно долго и томительно. Подали чай. Распутин забрал пригоршню печенья, бросил его в стакан, уставился опять на Коковцова своими рысьими глазами, и тот сказал напрямик:

— Напрасно вы так упорно глядите на меня. Ваши глаза не производят на меня никакого действия. Давайте лучше говорить просто, и ответьте мне, разве не прав Валерий Николаевич?

Распутин усмехнулся, заерзал на стуле, отвернулся и проговорил:

— Ладно, я уеду, только уж пущай меня не зовут обратно, если я такой худой, что царю от меня худо.

Коковцов стал расспрашивать Распутина о продовольственном деле в Тобольской губернии, где в тот год был неурожай. Распутин отвечал здраво, толково и даже остроумно. Но стоило только мне сказать ему: «Вот, так-то лучше говорить просто, можно обо всем договориться», — как он опять съезжился, стал закидывать голову или опускал ее к полу, бормотал какие-то бессвязные слова: «Ладно, я худой, уеду, пущай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то да другое, про того да про другого...» Долго опять молчал, уставившись на Коковцова, потом сорвался с места и сказал только: «Ну, вот и познакомились, прощайте», — и ушел.

Судя по этим воспоминаниям, на спокойного, здравомыслящего человека «животный магнетизм» Распутина не оказал никакого воздействия.

У Коковцова был опыт общения с людьми подобного типа во время службы в Министерстве юстиции. По его мнению, Распутин — типичный сибирский варнак, бродяга, умный, играющий роль простеца и юродивого. Ему недоставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине, как опасному каторжнику.

На следующий день Коковцов узнал от Мамонтова, что «миленький» (так называл он Распутина, подражая его привычке говорить всем «милый, миленькой») уже доложил в Царском Селе о том, что был у председателя Совета министров, который уговаривал его уехать в Покровское. И услышал в ответ сердитые слова о том, что Коковцов суется туда, куда не спрашивают.

При очередном докладе царю, закончив деловую часть, Коковцов передал ему содержание разговора с Распутиным. Николай II спросил:

— А какое впечатление произвел на вас этот мужичок?

— Самое неприятное. Мне казалось во все время почти часовой с ним беседы, что передо мной типичный представитель сибирского бродяжничества. С подобными типами я встречался в начале своей службы в пересыльных тюрьмах, на этапах, среди так называемых не помнящих родства. Они скрывают свое прошлое, запятнанное преступлениями, и готовы буквально на все во имя достижения своих целей. Мне не хотелось бы в дальнейшем встречаться с ним наедине. У него отталкивающая внешность, искусственные приемы какого-то гипнотизерства и юродства. Он способен на простой толковый разговор на обыденные темы, но который быстро сменяется потом таким же юродством.

Распутин уехал из Петербурга. Коковцову довелось убедиться, что письмо императрицы к Распутину было подлинным. В нем ему запомнилась фраза: «Мне кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя, и я чувствую прикосновение к себе твоей руки». Были и другие высказывания, из которых можно было заключить о достаточно близких отношениях «миленького» с супругой царя. Она верила в Распутина как в чудотворца, способного исцелить ее горячо любимого сына.

Выяснилось, что Распутин показал эти письма Илиодору, когда они дружили, и позволил ему взять их на хранение. В кон-

це концов они оказались у Мамонтова, а он показал их Коковцову. По каким-то своим соображениям Мамонтов передал их государю. Тот побледнел, вынул письма из конверта, взглянул на них и сказал: «Да, это не поддельное письмо». Открыв ящик стола, резко бросил туда конверт. А вскоре последовала отставка Мамонтова.

Сближение Распутина (его настоящая фамилия была Новых) с царской семьей произошло из-за неизлечимой болезни цесаревича Алексея — гемофилии, слабой свертываемости крови. Царица была убеждена, что он может помочь сыну. Как человек сообразительный, Распутин расположил к себе даже царя и стал влиять на некоторые государственные дела. Вот и Коковцов был снят со своего высокого поста в значительной степени (если не исключительно) из-за того, что он якобы позволил Государственной думе слишком много говорить и критиковать действия исполнительной власти, а главное — не смог пресечь публикаций о Распутине. Несмотря на отставку, Коковцов сохранил теплое чувство к царю.

...Вопрос не в том, насколько сильно влиял Распутин на царицу, а через нее и на царя. Основная беда для царской России была в пересудах на этот счет. Они быстро распространились в обществе. Когда во время войны в кинотеатрах показывали награждение Николая II Георгиевским крестом, из рядов публики раздавалось глумливое: царь с Георгием, а царица с Григорием.

Великосветские сплетни о «распутинщине» распространялись по стране не только благодаря газетам, но преимущественно в анекдотах и листовках, слухах. Слишком высоко был вознесен трон, и виден он был отовсюду; слишком много сплетен и злословия, глупости и пошлости было в «высших кругах».

Авторитет царской власти, основанный на вере в помазанника Божия, рушился. Подтачивались главные опоры трона — невидимые глазом. Ведь основа государственной власти находится не в политической или экономической, а в духовной сфере.

У одного из наиболее квалифицированных историков советской цивилизации С.Г. Кара-Мурзы есть книга «Столыпин — отец русской революции». На мой взгляд, такое мнение справедливо только в социально-экономическом аспекте.

На духовную жизнь русского общества реформы Столыпина не оказали даже малой доли того тлетворного влияния, которое распространилось в связи с близостью к царской семье Григория Распутина. Смута и хаос в стране возникают не только, а то и не столько из-за причин материальных. Смута и хаос воцараются сначала в мыслях и душах людей.

...Характерен эпизод последней официальной встречи Кокцовца в ранге руководителя правительства с Николаем II в конце 1913 года. Выслушав доклад о трудностях во внешней и внутренней политике страны и угрозе войны с Германией, государь произнес:

— На все воля Божья!

История — это судьба

Мы привыкли к «научно обоснованному» подходу к человеческой истории примерно так же, как к истории земной природы, исходя из фактов, логики и определенных законов развития общества. В древности предпочитали уклоняться от подобных объяснений, ссылаясь на волю Божью или на силу Рока.

По мнению Н.А. Бердяева, «революция... свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории. Деятели революции сознательно могут исповедовать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда является симптомом нарастания иррациональных сил... Ленин был крайним рационалистом, он верил в возможность окончательной рационализации социальной жизни. Но он же был человеком судьбы, рока... Революция есть судьба и рок».

Он так обосновал свой вывод: «Для историософии христианской раскрывается, что смысл революции есть внутренний апокалипсис истории. Апокалипсис не есть только откровение о конце мира, о Страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории, внутри исторического еще времени... В нашем греховном, злом мире оказывается невозможным непрерывное, поступательное разви-

тие. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят и процессы разложения. Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции...»

С позиций религиозной философии достаточно сослаться на высшую волю. Но хотелось бы еще и продумать механизмы, которые приводят к революционным переворотам.

Крупные исторические явления связаны с комплексом разнообразных факторов, подчас, казалось бы, незначительных или сугубо субъективных; зависят от более или менее случайного совпадения во времени некоторых событий. Тем более если общество находится в неустойчивом состоянии.

Это можно сравнить с напряжением атмосферы в момент прихода грозового фронта, при столкновении воздушных масс, когда скопившаяся энергия разряжается по причудливым путям молний. Куда направится, куда ударит очередной разряд, предугадать невозможно.

В начале 1917 года предугадать грянувшую вскоре революцию было нельзя хотя бы уже потому, что никаких особых оснований для нее тогда не было. Поэтому о ней даже в начале февраля не помышляли ни теоретики, ни руководители разных партий, а также царь и его окружение.

По наивной легенде, Наполеон Бонапарт не выиграл Бородинское сражение из-за насморка. По точным данным, Александр II остался бы в живых, послушавшись кучера и оставаясь в карете, которая практически не пострадала от бомбы террориста, и если бы не пошел к схваченному преступнику вопреки предупреждению сопровождавшего. Тогда второй террорист смог ценой своей жизни убить императора. Не будь трагического сцепления подобных мелких обстоятельств, Александр II принял бы либеральный проект Лорис-Меликова, призванный охладить революционные страсти. (Есть версия, что именно по этой причине и торопились некоторые революционеры устроить на царя покушение, усиливая напряженность в обществе.)

«Была ли Февральская революция результатом заговора? — задается вопросом В.Е. Шамбаров в интересной и отчасти спор-

ной книге «Оккультные корни Октябрьской революции». — Но тут надо уточнить, а что понимать под словом “заговор”? Глобальный заговор — был. То есть были нацеленные против России и ее царя подрывные действия правящих кругов Англии и Франции, отечественных либералов, германских шпионов, мажонства, революционных партий, сепаратистов. Движений даже и не совместимых между собой, но имеющих одно направление — расшатывание устоев государственности».

Надо бы только не делать знака равенства между Россией и царем. Скажем, правящие круги союзников были конкретно против Николая II, боясь, что он заключит сепаратный мир с Германией. Правительство не могло сознательно расшатывать устои государственности, ибо это бы означало пилить сук, на котором сидишь. Отечественные либералы в большинстве желали конституционную монархию, желали продолжать войну и панически боялись революции.

«Были ли в России здоровые силы? — спрашивает Шамбаров, исходя из интересов сохранения самодержавия. И отвечает: — Да, были. И немалые». В доказательство приводит записки монархистов царю с предложениями мероприятий, призванных укрепить существующую власть. Но разве Николай II и его приверженцы не догадывались об этих мероприятиях? Или из гуманизма не желали использовать государственный терроризм против своих врагов? Или недооценивали опасность революции?

Мне кажется, не такими уж глупцами, наивными гуманистами или недалёковидными политиками были царь и его советники. Дело в другом. Не было в стране достаточного количества «здоровых сил», готовых решительно защищать существующий строй и лично императора с его супругой. Потому-то и был обречен тот строй, олицетворением которого являлся царь: разных противников было много, а сторонники оказались слишком слабы и малочисленны, подчас не отличавшиеся ни честностью, ни умом.

Шамбаров отмечает, что 28 февраля «стихийный бунт и погромы начали приобретать черты революции. К Думе пошли гимназисты, интеллигенция, пошли рабочие. Пошли и войска — и

уже не группами и толпами, а частями. С офицерами, с оркестрами. Моряков Гвардейского экипажа привел к Таврическому дворцу великий князь Кирилл Владимирович — с красным бантом на груди. Вслед за Питером и в Москве люди и воинские подразделения стали стекаться к городской Думе».

В том-то и дело, что солдатские массы отказались стрелять в граждан, а полицейские кордоны были сметены. Даже личная гвардия царя и многие казаки предпочли сохранить нейтралитет или примкнуть к демонстрантам. Они понимали: правда на стороне рабочих.

Подобно современным русским монархистам (их ловко использовали в своих целях сторонники Горбачева и Ельцина, в частности, Гайдар и Чубайс) Шамбаров — яростный ненавистник революций. Таких толкователей истории в наше время появилось немало. 20 последних лет их воспитывали в духе ненависти к революционным переворотам, атеистам, большевикам, Красной армии и т.д. Хотя феномен революции требует трезвого осмысления, а не эмоций.

Подчеркнем три обстоятельства. Во-первых, социальные бури бывают разные: одни освобождают народ, другие его порабощают. Во-вторых, надо учитывать, какой стала страна после переворота. В-третьих, революции свершаются не потому, что кому-то этого хочется. Если тот же Шамбаров боится подобных стихий, то может отсидеться дома. Каждому — свое.

Нынешним, как говорится, не нюхавшим ни пороху, ни трудового пота людям было бы полезно знать и понимать: противником самодержавия, революционером был бывший камер-паж императора Александра II, его личный знакомый князь Петр Алексеевич Кропоткин — одна из самых светлых, благородных, мужественных личностей в истории человечества. Он был выдающимся путешественником-исследователем и ученым. Неужели Кропоткин хуже разбирался в тех событиях, свидетелем которых был, и хуже знал ту царскую Россию, в которой жил, чем современные «царисты» (слово Сталина)?

Хочется вразумить их: друзья мои, неужели вам не понятно, что вами манипулируют те же самые «закулисные» деятели и прочие ненавистники России, которые обогатились и вознес-

лись к вершинам власти благодаря горбачевско-яковлевской «перестройке» и слыцинско-гайдаровским «реформам»?!

Впрочем, любые исторические явления каждый человек воспринимает субъективно, по литературным данным, личному опыту, своему образу мысли и жизни, по тем идеям, которые внедряются в его сознание и подсознание извне, общественными группами и организациями, а в последние десятилетия преимущественно СМРАП.

История страны зависит, помимо всего прочего, от общих закономерностей развития науки и техники, производства и технологий, не говоря уже о состоянии природной среды. Сочетание множества не поддающихся сопоставлению и логическому анализу факторов мы привыкли называть судьбой. Она порой проявляет себя неотвратно и непредсказуемо.

Например, определенную роль в обострении февральских стачек и манифестаций в Петрограде сыграло то, что солдаты стоявших в городе резервных частей не желали отправляться на фронт. Более существенно другое: они вынуждены были стремиться к превращению манифестаций в революционный переворот. По свидетельству В.В. Шульгина, Н.Д. Соколов сказал:

— Перед тем как должна была собраться Государственная дума, произошло совещание революционных организаций Петрограда, как рабочих, так и солдатских. Представители рабочих предложили организовать уличные демонстрации. Солдатские же представители ответили: «Для чего вы нас зовете? Если для революции, то мы выйдем на улицу, но если для манифестации -- то не выйдем. Потому что вы, рабочие, после уличных манифестаций можете вернуться к себе на фабрики, а мы, солдаты, не можем — нас будут расстреливать!» Представители рабочих признали эти соображения правильными и заявили, что для революции они не готовы...

«Они — революционеры — не были готовы, — продолжал Шульгин, — но она, революция, — была готова. Ибо революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти, состоит в ощущении властью своего собственного бессилия».

Вот некоторые из факторов, которые сказались на превращении демонстраций, митингов, уличных беспорядков — происшествий достаточно тривиальных — в революцию. Немало зависело и от личного мнения каждого солдата и рабочего, решивших выйти на улицы столицы с требованиями изменения существующего государственного устройства.

Ученые исправно стараются выстроить умственную конструкцию, показывающую в максимальной полноте и четкости, как механический процесс, ход исторических событий, объясняющую их причинно-следственные связи. Так создаются мифологемы. Хотя проявляются в истории, порой с чрезвычайной силой, духовные явления (не путать с более узкими — религиозными), коллективное сознание и подсознание — феномены, до сих пор недостаточно изученные.

Во всяком живом организме, в каждом из нас ежесекундно совершаются миллионы различных биохимических и нервно-психических процессов, восстановить которые сколько-нибудь адекватно нет никакой возможности. Нечто не менее сложное происходит в общественной жизни, не говоря уже об окружающей природе — биосфере.

Любое объяснение крупных исторических событий (предмет историософии, философии истории) имеет признаки мифа. Вопрос лишь в том, насколько эта концепция приближается к реальности, к той самой правде, которая не всегда достижима, тем более без серьезных исследований, напряжения мысли и, главное, предельной честности.

Мятеж, бунт, переворот, революция

С этими понятиями связано немало споров и предрассудков. И не удивительно. Они имеют не только теоретический, но и практический интерес, ибо во многом определяют жизнь общества и влияют на судьбы людей. А политики используют их в своих целях так бесстыдно, что вносят лишь смуту в общественное сознание.

Мятежи, бунты, перевороты существуют тысячи лет — с тех пор, как возникло государство. Их можно считать социальными катастрофами. С не меньшим основанием они претендуют на роль сильных толчков, стимулов, а то и движущих сил, определяющих развитие общества, культуры, науки и техники, человеческой личности.

Революция — показатель кризиса системы: не обязательно социальной, но также интеллектуальной, экономической, природной. В некоторых случаях противоречия могут разрешиться более или менее спокойно, мирными преобразованиями. Однако нередко происходит катастрофа.

Русский ученый и мыслитель А.А. Богданов, заложивший основы общей теории систем и кибернетики (он назвал открытую им науку об организации — тектологией) выделял два главных типа кризисов. В одном случае система, пройдя период нестабильности, переходит на более высокий уровень сложности, организованности, энергоемкости. Во втором — деградирует или разрушается.

Этот закон помогает понять, что происходит с человеческой личностью, обществом, окружающей средой. Надо четко классифицировать революционный переворот. И учесть, что по времени результаты могут сказаться быстро (скажем, у человека) или через годы, если речь идет о таком крупном объекте, как общество, государство.

Подлинные социальные перевороты расшатывают сложившиеся устои общества и обычно вызывают гражданские войны, террор, бедствия значительной части населения. Но те, кто в результате выгадал, непременно называют свершившиеся перемены прогрессивными. Это еще в XVI веке отметил англичанин Джон Харрингтон (перевод С.Я. Маршака):

Мятеж не может кончиться удачей.
В противном случае его зовут иначе.

Да, тогда он называется революцией.

В отличие от дворцовых переворотов революции преобразуют общество, а не только меняют властителей. Сразу же воз-

никает сомнение: можно ли считать февральские манифестации 1917 года и последующее отречение царя Николая II революцией? Ведь после этого существовавший государственный строй сохранялся.

Крупные социальные перевороты подобны природным катаклизмам. Их последствия в первое время обычно бывают разрушительными. Затем наступает период бурного роста, становления новой системы с последующей стабилизацией. Она переходит в состояние относительного совершенства. Оно, в свою очередь, чревато неизбежным кризисом. Ибо внутренние силы или внешние обстоятельства вызывают противоречивые процессы в обществе, расшатывая его структуру.

Если не происходят постепенные преобразования, то противоречия разряжаются очередной социально-политической, духовной и экономической катастрофой. И вновь ее результатом может быть либо подъем на новый уровень развития, либо деградация.

В самых общих чертах таков цикл любых сложных систем — от глобальных геологических и биологических, до социальных, интеллектуальных (эволюция личности — не исключение). Кратко: становление — расцвет — стабилизация (относительное совершенство) — кризис — становление (или деградация) и т.д.

Выдающийся французский естествоиспытатель Жорж Кювье свою знаменитую книгу назвал «Рассуждения о революциях на поверхности земного шара» (в русском переводе — «о переворотах»). Она была написана вскоре после Великой французской революции. Изучая слои горных пород, ученый сделал вывод: «у природы могли быть свои внутренние войны», а «поверхность земного шара подвергалась переворотам и катастрофам». Общественные потрясения навели Кювье на мысль, что нечто подобное характерно и для природных процессов.

В России еще в середине XIX века распространилось мнение, будто революции в общественной жизни совершаются по воле отдельных злонамеренных лиц, обуянных бесовщиной. В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» главный герой утверждает: «Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ». Но, кроме зверского убийства, его тайная организация ничего сделать не смогла.

Нечто подобное происходило в действительности. Более того, партия социалистов-революционеров осуществляла сотни террористических актов. И все-таки, несмотря на многочисленные жертвы, никакой революции они не совершили.

Те, кто обвиняют в революциях конкретных людей, подпольные общества или партии (короче — революционеров), подобны верующим в силу магических заклинаний... Впрочем, за последние два десятилетия у нас в России приобрели невиданную популярность всяческого рода колдуны, маги, экстрасенсы, ворожеи, гороскописты. Очевидный показатель утраты здравого смысла! Данный феномен обстоятельно проанализировал Сергей Георгиевич Кара-Мурза в книге «Потерянный разум».

Подлинные революции стихийны подобно природным катастрофам. Они вызваны глубинными процессами, происходящими как в общественной системе, так и в общественном сознании.

Чрезвычайно трудно объективно относиться к социальным катастрофам и революционерам. Исследователь вынужден выбрать определенную идейную позицию. Он может быть сторонником или свергнутого, или установившегося нового строя; ему могут быть по нраву эволюционные медленные изменения и не нравиться резкие преобразования как таковые (хотя подобная точка зрения нелепа; это все равно что отрицать землетрясения или цунами вместо того, чтобы изучать их причины и разрабатывать мероприятия по предотвращению катастроф или уменьшению их нежелательных последствий).

Слишком многое зависит от общественного мнения, установок власти, состояния государства. Например, за последние два столетия в сознании российской публики складывались два несовместимых, полярных, предельно контрастных взгляда на эти вопросы.

В царское время официальная пропаганда клеймила революционеров как смутьянов, насильников, врагов России, агентов западных держав, анархистов-антихристов, обуянных бесовской гордыней и страстью к разрушению. Однако в среде интеллигенции, деятелей культуры возникло и со временем приобрело немалую популярность иное мнение: это — бесстрашные борцы

за правое дело, за справедливость, свободу, равенство и братство, за освобождение русского народа от гнета самодержавия, мироедов, эксплуататоров.

После установления власти большевиков отношение к революционерам изменилось на прямо противоположное. Официальная пропаганда представляла их (не всех) как героев и борцов за правое народное дело. А в кругах интеллектуалов западного и «почвенного» направления складывались о них негативные представления. Первые утверждали, что советская власть отказалась от благодетельной буржуазной демократии, установив тоталитарный режим, подобный царскому. Вторые обвиняли революционеров в разрушении искони русской триады «Бог, Царь и Отечество», равно как «православие, самодержавие, народность», даже несмотря на то что свергла царизм именно буржуазия.

В одном были едины царская, буржуазно-демократическая и советская власть: они крайне отрицательно относились к анархизму. Это естественно. Руководители государства не могут признать благом безвластие.

...Сергий Булгаков, говоря о событиях 1905 года в России, отметил: «Если до революции еще легко было смешивать страдающего и преследуемого интеллигента, несущего на плечах героическую борьбу с бюрократическим абсолютизмом, с христианским мучеником, то после духовного самообнаружения интеллигенции во время революции это стало гораздо труднее».

Добавим: еще резче это обозначилось во время и после 1917 года. Тогда представители русской интеллигенции оказались по разные стороны баррикад и фронтов. Даже многие священнослужители не были смиренны, не стали «над схваткой», призывая не к братскому единению, а к братоубийству. Об этом свидетельствовал Сергей Есенин, которого нельзя заподозрить в предвзятости. Он пересказал признания монахов в своей родной деревне:

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам зарезал красных,

Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».

Христианское подвижничество смиренно. В этом отношении оно противоположно революционному порыву. Но и то, и другое в своем искреннем, подлинном виде проявляется не слишком часто. Мало ли лицемеров святош? Не менее и тех, кто использует революционную ситуацию в своих эгоистических целях.

В угаре политических распрей или тем более гражданской войны, борясь за власть или обрета ее, люди преображаются. Экстремальные ситуации вызывают экстремальные действия. Как поступать в таких случаях? Борьбаться за свержение существующего строя или защищать его?

И кристально честный человек, и прожженный негодяй могут оказаться как на одной, так и на другой стороне. Те, кто предпочтет занять выжидательную позицию (большинство), вряд ли достойны восхищения. Они стараются приспособиться к изменчивой обстановке чаще всего ради личной выгоды или из трусости. Хотя есть у них и положительная социальная роль как инертной массы, определяющей стабильность общества.

Революционеры стремятся свергнуть правительство (правителя), свершив государственный переворот, и коренным образом изменить общественный строй. Любое правительство, любая государственная система и все те, кто ее поддерживают, с подозрением или с ненавистью относятся к подобного рода организациям.

Однако большинство жителей любой страны более всего желает стабильного, спокойного существования. Из них немногие поддерживают революционную идеологию. Тем более что ее стараются извратить, преподнести в неприглядном виде имущие власть и капиталы, соответствующие государственные органы.

Немало есть желающих осыпать проклятиями революционные периоды «бури и натиска», невероятных взлетов и падений, страшных переживаний и страданий. Но следует ясно понимать: история человечества не обходится без этих периодов, и никакие стенания тут не помогут. В конце концов, полный покой обретает человек только на кладбище.

Кризисы, катастрофы, перевороты отражают законы мироздания, а не волю людей. Полезно иметь в виду справедливое утверждение Максимилиана Волошина:

Лишь два пути открыты для существ,
Застигнутых в капканы равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж — безумие; законы
Природы — неизменны. Но в борьбе
За правду невозможного безумец —
Пресуществляет самого себя.
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени. Зверь всегда
Приноровлен кклонениям природы.

Уточним: приспособившийся не только замирает, как бы превращаясь в живую окаменелость. Он чаще всего деградирует, ибо стремится пристроиться в ограниченной «экологической нише». У человека в этом отношении всегда есть выбор:

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:
«Возвратитесь в стадо!»
Мятежнику:
«Пересоздай себя!»

Извращение и опошление истории

Во времена СССР у нас преобладал упрощенный взгляд на исторический процесс. Его «раскручивали» в виде спирали, восходящей от дикости и варварства к цивилизации. На последнем этапе капитализм порождал социализм, а в перспективе сияло коммунистическое будущее.

Такая схема имеет определенное основание, обобщает множество фактов, исходит из некоторых философских предпосылок. Ее называют историческим материализмом. С ней можно соглашаться во всем или частично, ее можно опровергать. Но следует признать, что она привносит научные принципы в историософию.

При таком подходе, как мне представляется, недооценивается духовная жизнь общества, не учитываются трансформации человеческой личности в разные эпохи, взаимосвязь природы и цивилизации. Данная концепция упрощает историю человечества. Ничего плохого в этом нет (схематизация неизбежна). Беда лишь в том, что ретивые идеологи считали ее единственно верной, что повредило более всего самому историческому материализму, превратившемуся в окаменелость, лишившемуся возможности развиваться.

Теперь у нас произошло нечто значительно более печальное и опасное: под видом популяризации знаний началось тотальное опошление истории культуры, цивилизаций, природы.

Само по себе и это не вызывало бы возмущения, если б не одно обстоятельство. Примитивнейшие, вульгарные идеи преподносятся с большим апломбом многомиллионной аудитории в сопровождении кино- и фотоиллюстраций, со ссылками на документы, порой извлеченные из секретных архивов, с высказываниями свидетелей. Создается полная иллюзия достоверности. И только заинтересованный специалист способен заметить, что преподносится тенденциозная выборка, замалчиваются важнейшие сведения, порой показывают фальшивки, а выводы не соответствуют фактам.

Главный вопрос: для чего это делается? Ради каких целей и в чьих интересах?

Ответ на последний вопрос в нынешних условиях капиталистической, буржуазной и коррумпированной России не представляет труда: в интересах тех, кому принадлежат СМРАП, — имущих власть и капиталы.

Ради каких целей? Естественно, для того чтобы данные группы, кланы, социальные прослойки укрепляли свою власть и увеличивали капиталы.

Можно возразить: но ведь данный контингент заинтересован в том, чтобы сохранялась, укреплялась Россия, а ее народ, который они эксплуатируют, воспринимал свое положение спокойно или даже с удовольствием. Для этого следует позаботиться о его благосостоянии, разве не так?

В идеале любой собственник не заинтересован, чтобы его «дойная корова» худела, чахла и могла отбросить копыта или взбеситься. О тех, кого эксплуатируешь, целесообразно хотя бы минимально заботиться. По-видимому, на это рассчитывали те «россияне», которые голосовали за капитализм, передачу национальных богатств в частные руки. Они готовы были служить на хозяев, надеясь получить от них больше благ, чем предоставляла им социалистическая система.

На деле вышло иначе. Ловкие хозяева позаботились о том, чтобы в кратчайшие сроки стать миллионерами и миллиардерами. За счет кого? За счет, естественно, народа. В результате появились массы безработных или месяцами не получающих зарплату, бомжи, нищие, беспризорные дети, самоубийцы в не виданных нигде и никогда масштабах, а народ стал вымирать.

Так почему же новоявленные эксплуататоры ведут себя столь непредусмотрительно? Почему они не боятся народного гнева, забастовок, бунтов, новой революции? Разве они не чувствуют, что пилят сук, на котором сидят, режут курицу, несущую золотые яйца, уничтожают собственную дойную корову?!

А чего им бояться, если народ предпочитает влачить жалкое существование и вымирать, но не восставать против несправедливости ради собственного будущего? Впрочем, и восставать ему не надо. Ведь в России установлена буржуазная демократия. Значит, вполне достаточно на выборах проголодовать против тех, кто обманом навязал этот губительный для большинства режим.

Например, были недовольны Ельциным. Почему бы не «прокатить» его на выборах, как это сделали белорусы с его сообщником Шушкевичем? Нет, избрали Ельцина президентом второй раз даже после того, как по его приказу расстреляли Верховный Совет и убили несколько сот граждан. Он в очередной

раз обманул ожидания избирателей, вызвал общее недовольство... На следующих выборах избрали того, кого он назначил своим преемником.

Подавляющее число граждан возмущены обокравшими их гайдарами, чубайсами, абрамовичами, швыдкими и пр. А в результате голосуют за партию власти и за тех президентов, при которых продолжается «гайдариномика» и на высших должностях находятся нелюбимые, а то и ненавистные деятели.

Казалось бы, уму непостижимое явление: спокойная реакция большинства населения России на то, что произошло и происходит с Отчизной, на свое униженное, жалкое положение на собственной земле. Массовое безумие?

В книге С.Г. Кара-Мурзы «Потерянный разум», подзаголовок: «Утрата здравого смысла. Утрата логики. Утрата меры», на огромном количестве примеров показано, как чудовищно умственно деградировали современные интеллектуалы, которых удалось обмануть с помощью нехитрых приемов западной агитации и пропаганды. Им внушили веру в несусветные блага капитализма — открытого общества, правового государства, священной частной собственности — и неисправимые пороки социалистического закрытого, бесправного общества. Это удалось сделать легко и просто прежде всего потому, что эти люди имели одинаково скудные представления и о западном, и о советском обществе (наиболее яркий пример — академик А.Д. Сахаров), а также об истории Отечества и человечества.

И все-таки, пожалуй, наиболее страшная, если не безнадежная, утрата этого контингента служащих по ведомствам науки, просвещения, искусства, управления и пр. — утрата совести. В отличие от подлинных интеллигентов, у которых духовные интересы преобладают над материальными, данные индивиды обуреваемы жадой накопления материальных благ. За это они с радостью готовы и родину продать.

Здравый смысл и логику люди забывают обычно тогда, когда им это выгодно. Ибо их утрату нетрудно при желании восполнить: достаточно оглядеться вокруг, поразмыслить, почитать книги умных и честных авторов. Было бы только желание понять, обдумать всерьез.

Утрата совести, сострадания, чувства взаимопомощи и справедливости — безнадежна. Подавив в себе эти чувства, люди совершают любые самые скверные, мерзкие поступки, презренные и проклятые с давних пор: предательство, измену воинской присяге, обман, казнокрадство, ложь... Послушный эмоциям рассудок подыщет им оправдание. Такова структура человеческой психики.

В том-то, пожалуй, и беда, что не утратили «враги народа» (назовем так тех, кто исполнен нечистого буржуазного духа личной выгоды, алчности, лжи, изворотливости, стремления получать максимум денег за минимум работы) ни рассудка, ни здравого смысла, ни логики. Они быстро нашли оправдание. Оно основывается главным образом на «обновленном» освещении истории России в XX веке. В кратком изложении эта версия такова.

Российская империя при Николае II была процветающим государством. Ленин на германские деньги осуществил революцию, развязал Гражданскую войну, выдворил из страны всех носителей высокой культуры, устроил геноцид русского народа. Подлинными героями и патриотами России были белогвардейцы, а носителями культуры — эмигранты. Тех и других надо прославлять.

Сталин продолжил черное дело Ленина: скрыл от народа его завещание; убил своего лучшего друга Кирова, установив режим массового террора; расстреливал или загонял в лагеря миллионы ни в чем не повинных людей; на костях рабов воздвиг «стройки коммунизма», а благодаря штрафным батальонам и заградотрядам победил фашистов; по маниакальным побуждениям репрессировал целые народы (чеченцев, крымских татар и пр.), не успев сделать то же с евреями. Подлинными патриотами России были генерал Власов, бандеровцы и все те, кто выступал против русских оккупантов и сталинщины.

Короче говоря, коммунисты — изверги, Ленин и Сталин — величайшие злодеи всех времен и народов. Они создали империю зла — Советскую Россию-СССР. Вывод очевиден: эту страну необходимо разрушить до основания; Ленина и Сталина проклясть во веки веков; русскому народу, пособнику зло-

деев и склонному к фашизму, надо всемирно покаяться; необходимо воспитать новых русских, россиян, отрешившихся от 70 лет гнусного и презренного советского прошлого и приобретенных к западной цивилизации.

Вполне логичная конструкция, не правда ли? Далеко не всякий обыватель сможет установить, что вся она построена на лжи, клевете, подлогах. Ну, а если его такая конструкция устраивает, то он (а тем более она) примет ее и вовсе без сомнений. Когда говорят, что ложь — грязная, смердящая, отравленная и отвратительная, все это субъективные определения. Та же самая ложь может быть увлекательной, привлекательной, желанной.

Достаточно «подправить» историю, умело извратить и ополить ее, а затем представить такую стряпню чистой правдой и пищей для ума, внедрить ее с помощью СМРАП в массовое сознание, и предатели родины смогут чувствовать себя патриотами, а расхитители национальных богатств и враги народа — его благодетелями.

Так произошло в нашей стране.

Не следует думать, будто извращение отечественной истории XX века представляет собой нечто небывалое. В XIX веке наши демократы-историки постарались очернить образ и деяния Ивана Грозного (позже его как великого злодея сравнивали со Сталиным), создателя Великой России. Хотя наш царь был образованней и гуманней (!), чем все правители западных держав того времени. Во время опричнины было убито менее трех тысяч человек, тогда как в Испании, Англии или Франции короли совершали несравненно более страшные и менее оправданные злодеяния (вспомним хотя бы Варфоломеевскую ночь в Париже), жертвами которых были многие десятки тысяч человек.

При советской власти историки, называвшие себя марксистами, изображали историю царской России в мрачных красках. Это понятно: требовалось оправдать свержение царизма. Только со второй половины 1930-х годов, когда Сталин стал диктатором, положение начало меняться. Он понимал, что патриотизм предполагает любовь к Отечеству, а не только к существующему государственному устройству.

Сказано русским философом, вынужденным эмигрантом Сергием Булгаковым: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Такими же таинственными и неисследованными связями, которыми соединяется она через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божьим творением. Человек существует в человечестве и природе... Нужно особое проникновение, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы *познать самого себя* в своей природной индивидуальности, уметь полюбить *свое*, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий...»

Не следует понимать последнюю его мысль примитивно: мол, атеистическая советская власть не позволяла человеку узнавать в себе образ Божий. Ведь дело в том, во что человек верит, как он живет, как относится к ближним и дальним, к Родине.

«Есть у революции начало...»

Была советская песня с такими словами, имеющими продолжение: «...нет у революции конца». Мысль верная. Обычно имеется более или менее определенная дата государственного переворота. Когда он завершен, указать затруднительно.

С Февральской буржуазной революцией не было покончено в октябре. Приход к власти большевиков и левых эсеров означал лишь начало социалистического переворота. Ленин не предполагал, какими страшными будут его последствия. Хотя уже после корниловского мятежа слышались предупреждения об опасности гражданской войны.

Эсеровская газета «Речь» 7 сентября поместила резолюцию Ростовского-на-Дону комитета партии народной свободы, где говорилось: «Всякое выступление против Временного правительства и возвещенной им программы ближайшей деятельности является актом контрреволюционным. Дальнейшее углубление революции ведет к разрушению хозяйственной и куль-

турной жизни и угрожает гражданской войной. Комитет убежден в том, что гражданская война может смести все завоевания революции и поглотить в потоках крови нашу молодую, неокрепшую свободу, а потому полагает, что энергичный протест против углубления революции, продиктованный несбыточными социалистическими утопиями, необходим в интересах спасения завоеваний революции».

В ответ газета «Рабочий путь» опубликовала статью Ленина «Русская революция и гражданская война». Он признал: положено начало гражданской войны, в которой пролетариат показал «силу, сознательность, почвенность, рост и упорство». Буржуазия ничего подобного не обнаружила, даже с помощью своих капиталов, и обречена на поражение.

«Говорят о “потоках крови” в гражданской войне... — продолжал он. — Эту фразу повторяют на тысячи ладов все буржуа и все оппортунисты. Над ней смеются и будут смеяться, не могут не смеяться после корниловщины все сознательные рабочие». Он упомянул о «морях крови», пролитой в империалистической войне, сравнения с которыми не выдерживают «потоки», неизбежные в междоусобице. Завершил статью так:

«Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна, если вы не хотите расчитаться с корниловщиной и с “коалицией” теперь же, до конца, — то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата».

Что же в прогнозах Ленина оправдалось, а что оказалось либо заблуждением, либо полемической агиткой?

В сражениях Гражданской войны жертв было действительно меньше, чем в империалистическую. Однако мирное население пострадало чрезмерно: около 15 миллионов погибли от эпидемий, голода, белого и красного террора. Настоящая народная трагедия! Кто был в ней виноват? Принято теперь обвинять Ленина и большевиков. Но можно ли однозначно смоделировать события, которые произошли бы без их участия? А если бы тогда Россия как самостоятельное государство перестала существовать?

Власть Временного правительства была слаба; страну могла охватить смута с постоянными местными бунтами. Недовольство империалистической войной было слишком велико; дезорганизация действующей армии, несмотря на улучшившееся снабжение боеприпасами, грозила серьезными поражениями... Бесспорно другое: в том, что произошло, проявлялись не столько воля и желание Ленина и его сторонников, сколько действие объективных исторических факторов.

Надежды на мировую революцию (если они к тому времени у Ленина были искренними) не оправдались. Рабочие многих стран поддержали социалистическую революцию в России, и это помогло ей устоять под напором Антанты. Социалистические преобразования продолжались подчас насильственными революционными методами. Процесс завершился принятием в декабре 1936 года Конституции СССР, которую прежде называли Сталинской (он возглавлял конституционную комиссию). После этого можно было утверждать: Октябрьский переворот 1917 года, начавший социалистическую революцию, завершился.

Однако победа была, как показали следующие полвека, не окончательной. Произошла вторая буржуазная революция, «сверху». Ее организовала значительная группа представителей разных социальных слоев, зараженных буржуазной идеологией. Инициаторами, вдохновителями и исполнителями были номенклатурные работники партийного и государственного аппарата, культуры и пропаганды, КГБ и армии, торговли, а также так называемые цеховики, представлявшие криминальную экономику. Поддерживали всех зарубежные враги России.

У Февральской буржуазной революции было продолжение, проявившееся через семь десятилетий. Такой срок выглядит длительным в обыденном масштабе времени. Для общества, государства он невелик.

Несломленная сила российской буржуазии, не окрепшей в условиях царской власти, проявилась вскоре после Октябрьского переворота. Большевикам пришлось ввести новую экономическую политику — переходную форму от военного коммунизма (его А. Богданов называл казарменным) к «государствен-

ному капитализму» (такую формулировку использовал Ленин). Трудным этапом стала коллективизация. Как признавался позже Сталин, ему тогда было тяжелей, чем во время войны. Исследования историков и экономистов показали: этот этап был необходим.

Частное мелкое и среднее сельское хозяйство не могло удовлетворить даже минимальные потребности населения страны в продуктах питания. Тем более когда проходила ускоренная индустриализация промышленности, укреплялся оборонный потенциал и одновременно шла культурная революция. Необходимы были преобразования в сельском хозяйстве. О переводе его на индустриальную основу еще в конце XIX века писал Д.И. Менделеев императору Александру III.

Несмотря на лишения и страдания, советский народ смог преодолеть огромные трудности и создать за три пятилетки великую державу. Она выдержала испытание самой страшной в истории человечества Великой Отечественной войной. Без духовного единства народа и его веры в руководство страны была бы невозможна победа. Это следует осознать раз и навсегда.

Надежды Ленина на мировую социалистическую революцию были по меньшей мере наивны. Но то, что она окончательно победила в одной стране через 20 лет после Октябрьского переворота, — это факт. Другой факт: еще через 2 десятилетия под водительством Хрущева партийная номенклатура совершила дворцовый переворот, свергнув... умершего к тому времени Сталина! (Надо знать, что миф о «хрущевской оттепели» лжив; либеральные реформы ввел не он, а Маленков.)

Итак, никто не свергал царскую власть. Были февральские массовые демонстрации, митинги, беспорядки в Петрограде и мартовское отречение Николая II и великого князя Михаила от трона. Государственный переворот все-таки свершился, власть захватило «демократическое» Временное правительство. Это позволяет называть данное событие буржуазной революцией.

Октябрьский вооруженный переворот 1917 года явился только прологом Великой социалистической революции. Она с переменным успехом проходила около двух десятилетий, окончательно победив только в конце 1930-х годов. Был установлен не

предвиденный теоретиками социализм. Вернее, о нем не догадывались ни Маркс и Энгельс, ни Ленин. Хотя его почти за полвека до этого предсказал оригинальный и глубокий русский мыслитель Константин Леонтьев.

Социализм как высшая стадия феодализма

Эта мысль требует критического анализа и серьезного обоснования. Мне она дорога, можно сказать, как память. Полвека назад она осенила меня, хотя показалась более занимательной, чем серьезной.

Позже я узнал: нечто подобное утверждал К.Н. Леонтьев. Об этом мыслителе нередко говорят с восторгом. Однако его творческое наследие используют чаще всего в угоду текущей идеологической политике, следовательно, искаженно. Современным интеллектуалам было бы полезно задуматься о его пророческих мыслях. Он утверждал:

«Великий человек, истинно великий вождь, могучий диктатор или император... может нынче явиться только на почве социализма. Для великого избранного вождя нужна идея хоть сколько-нибудь новая, в теории еще незрелая, на деле не практикованная, идея, выгодная для многих, идея грозная и увлекательная, хотя бы и вовсе гибельная потом».

Это в полной мере относится к И.В. Сталину, а также к двум великим и очень разным диктаторам XX века — Мао Цзэдуну и Гитлеру.

Развал СССР подтвердил мысль Леонтьева: «Для России нужна внутренняя сила, нужна крепость организации, крепость духа дисциплины». Такое общество было создано у нас при Сталине — *социалистическая монархия*. И пока был достойный, широко образованный (не по дипломам, а по знаниям и уму), много и плодотворно работающий монарх, оно развивалось невиданными темпами и действовало с необычайной мощью.

Чтобы оперативно исправлять недостатки государственной системы или принимать решения в трудных ситуациях, стране необходима твердая централизованная власть. Эту общую закономерность, по мнению К. Леонтьева, особенно важно учитывать в условиях России. Только тогда русский народ будет достоин своего призвания и возвеличит свою страну. В противном случае, «через какие-нибудь полвека, не более, он из народа “богоносца” станет... “народом богоборцем”».

В данном случае слова «богоносец» и «богоборец» следует понимать широко: как верность высоким идеалам добра и красоты или, напротив, отрешение от них. Леонтьев учитывал, что в России распространено не только православие. Разнообразие верований он считал признаком цветущей культуры (религия, как известно, одна из составляющих духовной культуры вместе с философией, наукой, искусством).

На фоне технического прогресса и тотальной демократизации личность духовно деградирует — почти точно по Леонтьеву. Она становится стандартной, самодовольной, ориентированной на максимальное потребление материальных благ и приспособление к техносфере (я называю это *техногенной личностью*).

Леонтьев не возлагал больших надежд на широкое распространение христианства. По его словам, «если видимое разнообразие и ощущаемая интенсивность жизни (т.е. ее эстетика) суть признаки внутренней жизнеспособности человечества, то умаление их должно быть признаком устарения человечества и его близкой смерти... Более или менее удачная повсеместная проповедь христианства должна неизбежно и значительно уменьшить это разнообразие».

Для государства современной эпохи технической цивилизации архаичные религиозные верования играют второстепенную роль. Любое государство — это земной, а не идеальный или небесный град. Страна крепка лишь в том случае, когда народ верит в мудрость своего руководителя и справедливость государственного устройства.

При буржуазной демократии, в системе частного капитализма ничего подобного быть не может. Там все подвластно богубогатству. Вот подлинный символ веры, идол — золотой телец.

Ему вынуждены подчиняться представители традиционных религий — христианства, ислама, иудаизма, синтоизма. Надо смотреть правде в глаза и честно это признать. Недаром единственным насильственным действием Иисуса Христа было изгнание торгующих из храма. Но разве они не возникают вновь и вновь?

Монархический социализм в СССР при Сталине оставлял возможность гражданам (не членам КПСС) исповедовать традиционную религию. Хрущев стал вторым после Троцкого свирепым борцом против христианства и разрушителем церквей. Он стремился установить абсолютную гегемонию партократии во всех областях государственной и духовной жизни. Ему были абсолютно чужды представления о цветущем разнообразии личностей, идей, верований.

Константин Леонтьев отвергал равенство. А за последние 20 лет в России постоянно твердят СМРАП, будто в СССР была уравниловка. Это — ложь. Когда в 1936 году в СССР приезжал известный французский писатель Андре Жид, он с позиций троцкизма критиковал советский строй за... неравенство! При Сталине существовали большие привилегии представителям трудных и опасных профессий, крупным деятелям науки, культуры. Премиями награждали за успехи в труде, за открытия и изобретения, достижения в области культуры. Академик получал зарплату в несколько раз больше, чем инженер. Сталин боролся против привилегий партийной номенклатуры и ее влияния на государственную деятельность. Он приравнял этих деятелей к нормальным труженикам. Разве такая «уравниловка» плоха?

Феодализм сталинского образца был кастовым, но не наследственным. Два сына вождя были офицерами — артиллеристом и летчиком. Они участвовали в войне (Яков, как известно, погиб). Поощрялись заслуги. В каждой профессии человек имел возможность получать льготы и деньги по труду.

Социализм вовсе не обязательно следует за капитализмом. Так было, в частности, у нас в стране. А коммунизм может быть анархическим (в идеале), военным и казарменным (в реальности). Современные богатые капиталистические страны давно используют элементы социализма. Это позволяет им сглаживать экономические кризисы, избегать острых выступлений трудя-

щихся. Когда в РФ ввели «антисоциализм», русский советский народ был обречен на деградацию и вымирание (другого народа в стране, по существу, не было). Выгадали наихудшие его представители.

Почему русские, издавна склонные к анархии, признали жесткий, порой суровый порядок, установленный Сталиным? Не от страха, конечно. Только ущербный человек может думать, будто трудовые и боевые подвиги, научные открытия, великие достижения совершаются из страха перед начальством или репрессиями. Так полагают трусливые приспособленцы, бездарные и пошлые, а то и подловатые. Они всегда готовы пользоваться результатами чужого труда и прислуживать тем, от кого получают деньги.

При феодализме идеал, к которому стремятся одни, — рыцарь, а другие, — мастер. Именно эти качества превозносились в СССР, можно даже сказать, насаждались. В общественной жизни ценились коллективизм и справедливый порядок.

Но те же особенности феодализма в немалой степени определили крушение Российской империи и Советского Союза.

В идеологии этого строя важную роль играют мифы о верховной власти как данной свыше (кесарю — кесарево); о верховном правителе как отце народа. Григорий Распутин подорвал уважение и доверие народа к царской власти, и она зашаталась и рухнула. (В буржуазных демократиях президента достаточно сменить, вот и все.) Хрущев низвел ниже своего уровня образ Сталина, опошлил его. Это стало началом конца СССР.

Говорят, когда Михаила Шолохова спросили, был ли в Советском Союзе культ личности, он ответил: «Культ был. Но и личность была». Системы феодализма предполагают культ личности.

Как только при капитализме от культа рыцаря и мастера перешли к культу буржуа-богача, духовная немочь распространилась в обществе. Для русских людей, для Российской империи и СССР культ техногенного человека, «недоличности» был чужд. Крушение возвышенных мифов стало катастрофой для великих держав, которые существовали на территории нашей страны в недавнем прошлом.

Мифическая Совдепия

С конца 1917 года появилось новое название для России, где к власти пришли большевики: Совдепия. Слово имело негативный оттенок. Мол, была империя, стала Совдепия, где верховодят Советы всяческих депутатов.

Позже было провозглашено создание Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Затем — Союза Советских Социалистических Республик. Краткая формулировка — Советский Союз.

Насколько справедливы подобные термины, производные от слова «совет»? Нередко можно услышать: они не отвечают реальности, а являются идеологическим мифом, искажающим реальное господство компартии.

Попробуем разобраться.

Что такое советская власть? Может ли в принципе вся власть принадлежать Советам рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов? Да, это будет анархическая система народной демократии, ибо в перечисленные категории входило абсолютное большинство населения России первых десятилетий XX века.

Было бы корректно — с формальной точки зрения — оставить только крестьянских депутатов как представителей самого многочисленного класса. Их Чрезвычайный съезд открылся 10 ноября 1917 года в Петрограде. Из 330 депутатов (многие не смогли приехать) было 195 левых эсеров, 65 правых эсеров и 37 большевиков. Если бы в России установилась народная демократия, то правительство должно было состоять из социалистов-революционеров, которые первыми выдвинули лозунг «Земля — крестьянам!».

Но разве справедливо всю власть предоставлять только представителям арифметического большинства? Не окажутся ли среди меньшинства образованные интеллектуалы, знатоки промышленности, техники, финансовых систем, управления?

Чтобы представить полную социальную палитру, следовало бы создать еще Советы офицеров и генералов, учителей и вра-

чей, чиновников и предпринимателей, инженеров и техников, ученых, духовенства, представителей свободных профессий... Нельзя же все эти категории граждан относить скопом к буржуям и лишать права голоса! Они представляют наиболее образованные социальные слои. Разве без них может нормально существовать развитое государство?

Активной политической деятельностью в любой стране занимаются не те, кто трудятся на тяжелых физических работах и составляют большинство населения, а интеллектуалы (не обязательно умные), в некотором роде представители буржуазии, а также деклассированные элементы — профессиональные революционеры. Вот почему в странах буржуазной демократии власть не может принадлежать трудящимся. Они вынуждены выбирать «буржуев». В России при Временном правительстве была установлена такая система.

За нее выступали поначалу и большевики, когда требовали созыва Учредительного собрания. От этого лозунга они не отказались и захватили власть. Правительство, образованное после Октябрьского переворота, в сущности, снова было временным. Предполагалось, что оно просуществует до Учредительного собрания, делегаты которого, избранные на основе всеобщего избирательного права, провозгласят волю большинства населения России.

Уже на Чрезвычайном съезде крестьянских депутатов позиция большевиков оказалась слабой. Однако по ходу этого собрания выяснилось, что разногласия между левыми и правыми эсерами более резкие, чем между первыми и большевиками. Пока шли бесконечные выступления, прения и выяснения отношений, большевики предложили руководителям левых эсеров создать Всероссийский исполнительный комитет, объединив ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с ЦИК Советов крестьянских депутатов. После непростых переговоров согласие было получено.

В правительство вошло несколько левых эсеров; оно называлось «временным рабоче-крестьянским», а декреты и постановления сопровождались пояснением: «Впредь до решения Учредительного собрания». ВЦИК, на правах парламен-

та, включал по 108 депутатов от съезда крестьянских Советов и от съезда рабоче-солдатских Советов, 100 от армии и флота, 50 от профсоюзов.

14 ноября было сообщено о достигнутом соглашении. Это выглядело триумфом. В Петрограде прошла праздничная многоядная манифестация. Казалось, наконец-то удалось добиться хотя бы временного согласия в обществе. Председателем ВЦИК избрали Я.М. Свердлова. Так появилась страна Совдепия. Ситуация устраивала даже противников большевистского правления. Ведь и правящим комиссарам вскоре после Учредительного собрания можно было сказать: «Которые тут временные, слазь! Кончилось ваше время!»

20 декабря Совнарком назвал дату созыва Учредительного собрания: 5 января 1918 года. Интересная деталь: на 8 января было намечено открытие Третьего Всероссийского съезда Советов. Случайное совпадение? Вряд ли. Значит, предполагалось противостояние двух демократических организаций. Кто окажется сильнее?

Учредительное собрание, как любой парламент, призвано было быть «говорильней», где сталкиваются интересы разных партий и групп, создаются блоки и т.п. Лишь после этого принимаются решения. В условиях стабильного государства подобные дискуссии могут быть и плодотворными, и пустословными, ничего принципиально не меняя: общество продолжает жить по установленному порядку.

Ну а если страна пребывает в смуте? Если отсутствует крепкая власть? Если продолжается война, но армия находится в полном разброде? Если в условиях стихийной анархии единственной реальной силой являются Советы солдатских, матросских, рабочих, крестьянских депутатов?

Какая роль в таких условиях предопределена Учредительному собранию? Жалкая! Или оно должно было поддержать власть, или прекратить свое существование.

Ему ВЦИК представил ультиматум в виде «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней утверждались декреты, принятые Совнаркомом, с указанием: «Поддерживая советскую власть... Учредительное собрание счита-

ет, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества». То есть ни о какой конституционной монархии или буржуазной демократии речи быть не может!

3 января ВЦИК принял и опубликовал написанное Лениным постановление, где говорилось: «Вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям». Более того: «Всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы».

Так большевики предупредили, что не собираются отказываться от власти. Учредительному собранию предлагалось узаконить существующее положение. Но ведь у большевиков было менее четверти всех мандатов (из 715 делегатов на 5 января было в Петроград только 410). Большинство принадлежало эсерам. Были еще кадеты, меньшевики...

Зал Таврического дворца торжественно оформили для первого в России демократического парламента. Открытие его долго задерживалось (по-видимому, по вине большевиков) и началось с беспорядков. ВЦИК предложил от ЦК РСДРП(б) кандидатуру Я.М. Свердлова, тогда как традиционно в подобных случаях это предоставляется старейшему депутату. Им был эсер С.П. Швецов. Да и Свердлов опоздал к открытию. Вот как описал происходившие события депутат большевик Ф.Ф. Раскольников:

«Эсеры хотели открыть Учредительное собрание независимо от советской власти. Напротив, нам было важно подчеркнуть, что Учредительное собрание открывается не путем самопроизвольного зачатия, а волею ВЦИКа, который отнюдь не намерен передавать “учредилке” свои права хозяина Советской страны.

Видя, что Швецов всерьез собирается открыть заседание, мы начинаем бешеную обструкцию: кричим, свистим, топаем ногами, стучим кулаками по тонким деревянным пюпитрам. Когда

все это не помогает, мы вскакиваем со своих мест и с криком “долой!” кидаемся к председательской трибуне. Правые эсеры бросаются на защиту старейшего. На паркетных ступеньках трибуны происходит легкая рукопашная схватка. Швецов растерянно звонит в колокольчик и беззвучно, беспомощно шевелит бледными трясущимися губами. Своим шумом мы заглушаем его слабый старческий голос. Вдруг рядом с осанистым рыхлым Швецовым на председательском возвышении вырастает узкоплечий и худощавый Свердлов в черной кожаной куртке. С властной уверенностью берет он из рук оторопевшего старца светлый никелированный колокольчик и осторожным, но твердым жестом хладнокровно отстраняет Швецова.

Неистовый шум, крики, протесты, стук кулаков по пюпитрам несутся со скамей взволнованных эсеров и меньшевиков. Но Свердлов, как мраморный монумент, с невозмутимым спокойствием застыл на трибуне и с вызывающей насмешкой глядит на противников сквозь крупные овальные стекла пенсне. Он хладнокровно звонит в колокольчик и делает широкий повелительный жест худой волосатой рукой, безмолвно призывая собрание восстановить тишину. Когда постепенно шум смолкает, Свердлов с необыкновенным достоинством, громкой и внятной октавой на весь зал возглашает:

— Исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания.

— Руки в крови! Довольно крови! — истерически завизжали меньшевики и эсеры, как собаки, которым придавили хвосты.

Бурные аплодисменты с наших скамей заглушают эти истерические стенания.

— Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов... — металлическим басом торжественно отчеканил товарищ Свердлов.

— Фальсифицированный, — тонким фальцетом твякнул опять какой-то эсер.

— ...Выражает надежду, — не смущаясь, по-прежнему твердым тоном продолжает товарищ Свердлов, — выражает надеж-

ду на полное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений Совета народных комиссаров. Октябрьская революция зажгла пожар социалистической революции не только в России, но и во всех странах...»

Он прочел «Декларацию прав...». Объявил Учредительное собрание открытым. Депутаты-большевики поднялись и запели «Интернационал». Все остальные тоже встали и подхватили гимн. При словах «Но если гром великий грянет /Над сворой псов и палачей» лидер эсеров Чернов сделал широкий жест в сторону левых.

В дальнейшем заседание продолжалось под периодические взрывы криков, стуков, воплей то одной, то другой половины зала. Депутат эсер М.В. Вишняк вспоминал:

«Стенографический отчет отмечает кратко и сдержанно: «Шум слева. Голоса: “Долой”, “Самозванец”. Продолжительный шум и свист слева». На самом деле было много ужаснее, гнуснее и томительнее. С выкриками и свистом слились вой и улюлюканье, топанье, хлопанье пюпитрами и по пюпитрам. Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясываемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хоров усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собой зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращенные в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, здесь и пытали: горе побежденным!»

На место председателя были выдвинуты две кандидатуры: от правых эсеров — В.М. Чернов, от левых — М.А. Спиридонова, поддержанная большевиками. За нее было подано 153 голоса, а за Чернова — 244.

Начались выступления, споры, взаимные обвинения. Большевики объявили, что не желают участвовать в пустых прениях, где сторонники буржуазии стремятся ущемлять права трудящихся, и в полночь покинули зал заседаний. С ними ушли левые эсеры и еще часть делегатов. Осталось менее трети списочного состава, но это не остановило словесные водопады. Так продолжалось

до четырех часов ночи. Затем на трибуну поднялся матрос Железняков (анархист), оттеснив очередного оратора, произнес:

— Караул устал. Прошу очистить помещение.

Было 4 часа 40 минут.

Судя по воспоминаниям очевидцев, уже до этого матросы и солдаты охраны вместо того, чтобы обеспечивать порядок, то и дело щелкали затворами, демонстративно наводили ружья на некоторых выступавших эсеров. Ленин даже предложил своим сторонникам уйти во время перерыва, а не демонстративно покинуть зал, после чего караул мог расстрелять оставшихся как «контру». Когда депутаты уходили, один из караульных сказал в адрес Чернова:

— Вот этого бы в бок штыком!

Большевики сделали все для того, чтобы сорвать Учредительное собрание, если оно не утвердит их власть. В частности, разогнали демонстрацию преимущественно служащих, студентов, офицеров с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!». При этом несколько человек было убито и ранено. 6 января вышел декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания. Оно просуществовало 12 часов 40 минут. Самый короткий парламент в мировой истории...

Антисоветчик Д.С. Анин высказался достаточно точно об «установлении нового, до сих пор не виданного строя, выражающегося в единодержавии вождя и его аппарата». Впрочем, любая монархия основана на тех же принципах руководства. В данном случае «невиданность» была в том, что возглавляли правительство не потомственные аристократы и не представители крупной буржуазии, а революционеры, вознесенные на вершину социальной пирамиды мощной волной анархии.

Тот же Анин пришел к выводу: «Итак, одно из величайших событий в человеческой истории явилось в большой степени результатом случайностей, неверных оценок и недоразумений. Тем не менее можно, не рискуя ошибиться, сказать: большевистское завершение революции в первую очередь обязано непреклонному фанатизму Ленина и разнузданной демагогии Троцкого». Он добавил: сказалась психическая болезнь Ленина и симптомы падучей болезни у Троцкого.

Таков образец распространенного ныне объяснения исторического процесса сочетанием нелепостей при своеобразном культе личности. Словно не было тогда других непреклонных фанатиков или разнузданных демагогов. Словно народные массы только за такими деятелями и готовы идти, позабыв обо всем на свете. Как у Владимира Высоцкого: «Настоящих буйных мало,/ Вот и нету вожаков». Но у поэта пациент Канатчиковой дачи говорит о своих коллегах. А тут — историософ-антисоветчик! Или это — диагноз?

Следовало бы признать простую истину. В том состоянии разброда и развала, в котором находились российское общество и армия, единственная надежда на сохранение государства была в установлении диктатуры строго организованной партии под руководством авторитетного лидера. Правые эсеры, меньшевики и кадеты, представлявшие большинство Учредительного собрания, были способны только на дискуссии, на создание очередного буржуазного правительства по типу Временного. Это лишь усугубило бы смуту. Учитывая настроение анархически настроенных матросов (они нередко говорили: «Нам и Ленин не указ!»), Учредительное собрание из представителей «буржуазии» могло завершиться кровавым побоищем.

История убедительно доказала верность политики ленинской партии. Только ей было суждено восстановить Великую Россию. Но была ли при этом установлена власть Советов? Разве не стал Верховный Совет СССР совещательным органом, подчиненным партийному руководству?

Не совсем так.

Правящая партия не сможет успешно управлять огромной страной без поддержки народных масс. Для того и существует «пирамида власти», чтобы передавать из «мозгового центра» директивы, указания, рекомендации. Но такая система не будет действовать эффективно без обратной связи: сигналов, поступающих из местных органов в центральные.

В нашей стране при Сталине была создана социалистическая монархия на основе народной демократии, которую олицетворяли Советы разных уровней. Такая структура при однопар-

тийной системе и единой идеологии доказала свою необычайную прочность в критических ситуациях, единство руководства и народа.

И.В. Сталин был действительно народным вождем, патриархом. Своей скромностью в быту и простотой в поведении, самоотверженной деятельностью и разумным руководством он полностью оправдывал это свое положение. У него личные интересы целиком подчинялись общественным, ради которых он жил и работал. Но когда установилась диктатура партийной номенклатуры, начались вырождение социализма, утрата власти Советов.

Общее замечание. Некорректно рассматривать весь период СССР как нечто единое. Он начинался с военного коммунизма при Ленине, перешел в социалистическую монархию при Сталине и стал вырождаться как система партократии с хрущевского периода, завершившись при Горбачеве предательством идеалов социализма и коммунизма на самом высшем уровне, смутой в обществе и торжеством буржуазных ценностей.

Борьба с хаосом

Анархия — не хаос, а свобода. Вопрос лишь в том, какая свобода, для кого и ради каких целей.

В одном случае свободная личность имеет твердые принципы, способна управлять собой и действовать в интересах общества, частью которого является. В другом случае человек озабочен только личными или групповыми интересами в ущерб обществу, и оно вынуждено его изолировать или изгнать. Третий вариант: каждый волен действовать по своему разумению, и нет запрета на антиобщественные поступки, включая казнокрадство, экономические преступления, аморальную пропаганду и агитацию, ложь и клевету.

Часто это третье состояние и называют анархией. Точней говорить о смуте и хаосе. Такое состояние грозит перейти в социальную катастрофу, выход из которой — революция и дикта-

тура или продолжение деградации общества, упадка, а то и гибели данной страны, цивилизации.

Вот и человек, развиваясь, переживает критические периоды «революционных» перестроек организма или тяжелых болезней. Таковы кризисы роста, преодоления внешних враждебных влияний (болезнетворных вирусов, например). Вопрос лишь в том, чтобы приняты были должные меры противодействия кризисным явлениям. Если же применяются методы, усугубляющие опасный процесс, он грозит завершиться инвалидностью, душевным недугом, летальным исходом...

У нас нет возможности анализировать факторы гибели земных цивилизаций. Мне приходилось исследовать эту проблему. Общий вывод: материальные устои общества чаще всего расшатываются из-за конфликта с окружающей природной средой; выйти из него помогает новая техника (технологии).

Внутренние социальные конфликты ослабляются реформами либо подавляются силой, методами диктатуры. Открытый террор осуществляют соответствующие государственные органы. Хитрое и наиболее эффективное духовное насилие осуществляется методами психотехнологий с помощью главным образом СМРАП. В этом случае духовная деградация общества может зайти очень далеко.

Однако вернемся к периоду Октябрьской революции. Он продолжался около двух десятилетий, до окончательной победы советской власти и установления социалистической монархии — как показал опыт, наиболее устойчивой и эффективной системы. Хотя у нее был один роковой изъян: слишком многое зависело от интеллектуального и морального уровня монарха и партийного руководства.

...Среди мифов Октября один из наиболее популярных: шла борьба за власть между революционным пролетариатом и представителями дворянства и буржуазии; сражались Красная и Белая армии. Такова привычная схема, хотя даже в рамках ее ситуация представляется значительно сложнее в связи с активным участием в русской смуте западных держав.

Теперь подумаем: каким был главный фактор падения самодержавия? Стихийные выступления масс, деструктивная анархия.

Каким был главный фактор падения Временного правительства? Все тот же самый, которым умело воспользовались большевики, руководимые Лениным. «К ноябрю 1917 г., — писала советский историк Е.В. Иллерицкая, — 91,2 % уездов оказались охваченными аграрным движением, в котором все более преобладали активные формы борьбы, превращавшие это движение в крестьянское восстание. Важно отметить, что карательная политика Временного правительства... перестала достигать своих целей. Солдаты все чаще отказывались наказывать крестьян».

А что в наибольшей степени угрожало власти большевиков? На этот вопрос вполне определенно ответил их вождь. По его признанию, мелкобуржуазная анархическая стихия представляет собой «опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе». Он считал, что она — «самый опасный враг пролетарской диктатуры».

Понятно, как политический деятель, он имел в виду интересы своей партии, дела, которому он посвятил свою жизнь. Но ситуация была гораздо серьезней. Деструктивная анархия, захлестнувшая страну в 1917 году, могла завершиться развалом России, сначала отчленением окраинных территорий, а затем и Центрального района, Сибири (ведь даже казаки требовали автономии). Такова была суровая реальность. Остановить развал, укрепить государственные устои, сохранить целостность державы могла только жесткая диктатура.

Вот, к примеру, письмо, направленное в адрес Учредительного собрания 22 октября 1917 года А. Сыромятниковым, возможно, представителем образованной части общества. Оно опубликовано в 1992 году («Неизвестная Россия. XX век». Кн. 2). В частности, в нем говорится:

«Старый строй с его жандармско-полицейским режимом, безусловно, мне не симпатичен, “новый” так называемый строй страдает симптомами анархии и полной государственной беспринципностью. Но нужно заметить, что в океане русской анархии повинна старая власть. Историческая лошадь, русский народ, получил свободу... Народ, олицетворяемый русским мужиком, стал царем земли русской, хозяином положения, и он презрел “буржуя”, говорящего высоким, не понятным для му-

жика языком... Воспитанный в крайнем невежестве, скупой, неповоротливый и ленивый, он, почесываясь, стал усваивать принципы истинной гражданственности и... начал творить русскую историю своими товарищами — топором и спичкой, а не удовлетворившись, начал скучать о “царе”. Если проникнуть во внутреннюю психологию “мужика” с его крепкой махоркой и понять его религиозно-нравственное мирозерцание, то невольно приходится сделать вывод, какая огромная инерция духа скрыта в нем, та особенная русская неповоротливость, лень, которая так близка инерции земного шара, вращающегося вокруг солнца. И какая огромная культурно-просветительная работа нужна и предстоит еще, чтобы разбудить самые элементарные культурные понятия... Эта особенная, тяжеловесная его психология, тяжелая, как земля, особенно гармонирует с тяжеловесностью бывшего уклада русской жизни».

Наивен миф о едином, темном и ленивом русском мужике (поработал бы автор письма на месте крестьянина!). Но что правда, то правда: выезжала Россия на этом самом «Микуле Селяниновиче», как на тягловой лошади. А гигантскую просветительную работу, настоящую культурную революцию произвели чуть позже, уже в СССР. И русский народ поистине воспрял духом, распрямился и показал всему миру, на какие подвиги он способен...

Для крестьянина-частника любая власть представляется неизбежным злом, ибо заставляет выплачивать подати, налоги, порой отдавать даром плоды своего труда. В гражданскую войну крестьянам приходится кормить армии враждующих сторон, получая взамен денежные знаки, на которые почти ничего не купишь по причине разрухи.

Не Красная армия, а столыпинские переселенцы-крестьяне разгромили Белую армию Колчака. Его соратник генерал А.П. Будберг записал в дневнике: «Восстания и местная анархия распространяются по всей Сибири; главными районами восстаний являются поселения столыпинских аграрников». Когда в одном из центров переселенцев, Славгороде, объявили о призыве в Белую армию, «там поднялось восстание, толпы крестьян напали на город и перебили всю городскую администрацию и стоявшую там офицерскую команду».

Будберг полагал, что у этих крестьян «большевистские аппетиты». Но многие из восставших против белоармейцев выступили чуть позже и против советской власти. Одна из листовок гласила: «Народ уничтожил Деникина и Врангеля, уничтожил Колчака, уничтожит и коммуны. С нами Бог и победа, ибо мы за правое дело». Иначе говоря — за анархию, безвластие.

По имеющимся данным, в сражениях Гражданской войны погибло около полутора миллионов человек. Эти военные потери были примерно в десять раз меньше, чем гибель мирных граждан от голода, эпидемий, террора белых и красных, петлюровцев и махновцев. Для народа было губительно состояние взаимной ненависти, развала государства.

Как удалось преодолеть эту страшную пагубу? Установлением так называемой диктатуры пролетариата. Как всегда, осуществляет диктат руководящая группа, которую поддерживает значительная часть наиболее активного населения.

Почему же массы не поддерживали буржуазных демократов, местных националистов, идейных анархистов? Предполагаю: инстинкт самосохранения, не утраченный в период смуты, подсказал единственно разумный выход из критической ситуации — установить порядок в стране. Это могли сделать только те, кто выражал волю большинства народов бывшей Российской империи.

Власть богатых устойчива лишь в том случае, когда им удастся подчинить себе, преимущественно подкупом, карательные органы и СМРАП, воздействовать на общественное мнение и деформировать духовную сферу личности. Такова диктатура буржуазной демократии. Населению дают сделать выбор правящей партии, управляя сознанием масс, чтобы он был таким, какой требуется для удержания этой власти капитала.

Мало кто сможет сохранить совесть, ясный рассудок и твердую память, чтобы сказать, как Марина Цветаева в 1918 году:

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы и что ей хаты!
Что Чингисхан ей — и что — орда!

Два на миру у меня врага,
Два близнеца — неразрывно слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

Тогда русский народ (тот, настоящий, героический, а не нынешний «новорусский») осознал, что победить этих двух врагов любого общества сможет только диктатура большевиков. И народ оказался прав.

Террор

В переводе с латинского «террор» — страх, ужас. Когда ребенка пугают Бабой-ягой, медведем с липовой ногой. Это, можно сказать, проявление духовного терроризма. Испуганный малыш не может возразить, проникаясь темным страхом.

Помню, внучке Анюте, не желавшей спать, спел: «Придет серенький волчок, тебя схватит за бочок». Она: «Нет, нет!..» Подумав, предложила: «Придет серенький волчка, принесет молочка». Импровизированное заклятие от страха.

Взрослых духовно терроризируют не только на словах, но и действием, а также созданием соответствующих организаций. На верующих воздействуют, запугивая гневом Божьим. В период позднего Средневековья в Западной Европе практиковали аутодафе (от португальского — «акт веры») — публичное сожжение еретиков на костре.

Любая государственная система для своей устойчивости и общественной безопасности использует методы террора. В прежние времена с этой целью проводили показательные казни (этот обычай сохранился только в некоторых странах).

Есть еще революционный и контрреволюционный террор. Он характерен для гражданских войн. О нем обычно говорят так, словно это нечто особенное, ни с чем не сравнимое по жестокости. Отчасти это верно. Враждующие стороны используют террор не только в борьбе между собой, но и подавляя стихийную анархию, то есть против народных масс.

За последние 20 лет в нашей стране упорно и шумно реанимируют миф о красном терроре как о чудовищном преступлении большевиков и лично их лидеров. Это — клевета. Не потому, что не было красного террора. А потому, что прежде был и белый, и стихийный террор. Невозможно сказать, какой из них был более страшен и жесток. Но, судя по всему, началось все с белого террора.

В январе 1918 года генерал Л.Г. Корнилов издал приказ: «Пленных не брать». Таково попрание законов войны в стремлении терроризировать противника. В конце лета того же года было покушение на Ленина и некоторых большевистских лидеров. Ответной мерой стало объявление красного террора.

Судя по некоторым утверждениям антисоветчиков, зверства большевиков начались сразу же, как только они захватили власть. В книге Владимира Солоухина утверждается, что их вождь был психически больной. Мол, по «личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян».

По утверждению Солоухина, как только в Зимнем дворце арестовали министров Временного правительства, по приказу Ленина, «не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве». Правда, ничего подобного на дне Невы не обнаружено да и не может быть вообще. (Миф о подобных затопленных баржах очень распространен.) Вот авторитетное свидетельство В.В. Кожина:

«26 октября (8 ноября) 1917 года министры Временного правительства (последнего ее состава) были вскоре же освобождены, и большинство из них прожили долгую и по-своему содержательную жизнь». Он рассказал о судьбе некоторых из них (7 министров осталось в России, 8 эмигрировали). Двое из оставшихся стали видными деятелями советской власти. «Живший во Франции военно-морской министр адмирал Д.Н. Вердеревский, — писал Кожин, — в 1945 году явился в посольство СССР, пил там за здоровье Сталина и даже успел стать гражданином СССР».

Нелепо обвинять Ленина в гибели десятков миллионов россиян уже потому, что всего во время Гражданской войны погибло около 17 миллионов человек. По указаниям и распоряжени-

ям Ленина было убито, по-видимому, не более нескольких тысяч человек. Но если подсчитать число жертв иностранной интервенции или террора белогвардейцев, то подобное или даже более тяжкое обвинение можно было бы предъявить руководителям многих стран и армиям Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля...

Есть некоторые основания вести отсчет красного террора со времени создания Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), 7 декабря 1917 года. Возглавил организацию Ф.Э. Дзержинский. Сначала ее права были невелики, но с февраля 1918 года были расширены в связи с иностранной интервенцией, бандитизмом и активными выступлениями врагов советской власти. Германские войска начали наступление по всему фронту, угрожая Петрограду.

21 февраля Совнарком принял декрет, написанный Лениным: «Социалистическое Отечество в опасности!» В нем утверждался принцип государственного терроризма: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». То есть без суда и следствия.

Тем самым создавались условия для беззакония. Но было ли это проявлением зверского настроения Ленина и его соратников? Нет, конечно. Они стремились подавить выступления против советской власти и запугать ее неактивных врагов. По жестокости они, безусловно, значительно превосходили либералов из Временного правительства (хотя там был и такой известный террорист, как Б.В. Савинков). Но и ситуация была критической. Речь шла о судьбе Великой России, которой угрожало расчленение с переходом на положение сырьевого придатка Запада.

В июле 1918 года в 22 губерниях РСФСР контрреволюционеры расстреляли более 4 тысяч человек, в августе значительно меньше, хотя в сентябре уже 6 тысяч. Ленин, имея в виду взятие заложников, признавался: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и ра-

бочих? Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы — я признаю себя виновным, а интересы рабочих выиграют».

Это высказывание демонстрирует эмоционально напряженное состояние Ленина. Как профессиональный юрист, он понимал, что принимает незаконные меры борьбы со своими врагами. Но ведь и они действовали так же. Вообще гражданская война есть, говоря спортивным языком, борьба без правил.

«По накалу страстей, — пишет С.Г. Кара-Мурза, — Гражданская война в России на стадии столкновения добровольческих армий была сходна с войнами этническими и религиозными. В этих условиях логика и процедуры государственных органов приобретают особый характер, который бесполезно втискивать в рамки обычных представлений». Он подчеркнул, что в Красную армию в 1920 году пришли в 5 раз больше новобранцев, чем в Белую. А М.М. Пришвин в том же году записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных» (до этого он мечтал о приходе белых).

Было бы несправедливо обвинять Деникина в этих преступлениях. Дело не в нем, а в так называемых белогвардейцах, многие из которых, не выдержав испытания войной, превратились в наркоманов, грабителей, насильников. Деникин пытался пресечь бесчинства. Тщетно!

В рядах большевиков, например, в ВЧК, тоже были недостойные люди. Недаром Ленин предлагал «более строго преследовать и карать расстрелом за ложные доносы». Историк ВЧК А.С. Велидов признавал: «Разумеется, нельзя отрицать и того, что в деятельности ВЧК, особенно ее местных органов, имели место ошибки и злоупотребления. Были случаи, когда в ЧК проникали с корыстными или враждебными целями чуждые элементы. Некоторые чекисты проявляли правовой нигилизм, допускали необоснованные аресты граждан, нарушали инструкции о порядке производства обысков, конфискации. Такого рода нарушения законности наблюдались главным образом в период проведения массового красного террора».

В этой связи вряд ли следует удивляться и возмущаться тем, что в 1936—1938 годах было репрессировано около двадцати тысяч чекистов и несколько тысяч крупных военачальников. К тому времени сложилась новая революционная ситуация. Готовился государственный переворот, а не просто убийство Сталина. Лозунг «Обогащайтесь!» вдохновлял многих. Враги России готовы были воспользоваться этим переворотом. А страна, ставшая сверхдержавой и находящаяся на подъеме, готовилась к грядущей войне.

Неслучайно в 1938 году было принято постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б), запрещающее органам НКВД и прокуратуры проводить массовые репрессивные операции. В частности: «Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор». Это означало прекращение террора против врагов сталинской системы организации общества.

Антисоветчики возмущаются тоталитарным режимом, диктатором и прочими ужасами сталинизма. Таковы штампы, вбиваемые пропагандой в массовое сознание. Хотя тоталитаризм и подавление инакомыслящих при буржуазной демократии более губительны для природы и личности, чем при другой организации общества.

Итак, на наш взгляд, сталинскую систему можно называть народно-демократической монархией на основах социализма. В этом были ее достоинства и недостатки.

...Идеальной структуры общества не бывает. Та, которая установилась в СССР, наиболее подходила для Великой России. Доказательство — не на словах, а на деле. Именно тогда наше Отечество достигло вершины экономического и культурного развития, духовной мощи и всемирной славы.

Прекращение революционного террора означало завершение Октябрьской социалистической революции.

Глава 6

СУДЬБЫ ГЕРОЕВ ОКТЯБРЯ

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.
Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

Валерий Брюсов

Миф о ленинской гвардии

С периода правления Хрущева было распространено выражение «ленинская гвардия» как синоним «твердокаменных» сторонников Ильича, его верных последователей. Все получается красиво и просто. Передовой класс общества — пролетариат. Передовой отряд пролетариата — компартия. Ее возглавляет Центральный комитет (ленинская гвардия). А ведет его к победам «вечно живой» Владимир Ильич.

Схема выглядит несколько комично. Но примерно такую дислокацию предполагали идеологические каноны, выродившиеся в пустую схоластику. С тех же пор, а особенно в период перестройки, много писали о том, что Сталин уничтожил ленинскую гвардию из зависти, ревности и жажды власти. Как будто один человек способен властвовать над огромной страной.

Лев Толстой, обдумывая причины войн и революций, сделал вывод: «Движение народов производят не власть, не умственная деятельность, даже не соединение того и другого... но деятельность *всех* людей, принимающих участие в событии». И еще: «Для историка признание свободы людей как силы, мо-

гущей влиять на исторические события... есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных тел».

Конечно, порой в горах один скатившийся камень вызывает камнепад, а от громкого звука может сорваться снежная лавина, сметая все на своем пути. Но для подобных катастроф требуется предварительно целый комплекс явлений, начиная с того незапамятного момента, когда началось воздымание гор (не от «столкновения плит», как предполагает популярная ныне гипотеза, а от сложных и не вполне понятных процессов геодинамики, определяемых сочетанием внешних и внутренних сил Земли).

О какой-то мифической ленинской гвардии не приходится всерьез рассуждать уже потому, что ее не существовало. Как ни относиться к большевикам и их руководителям, надо признать, что это были своеобразные и очень разные люди со своими взглядами на жизнь, революцию, партию, государственную власть. Троцкий только в середине 1917 года примкнул к большевикам и всегда имел претензии на собственное лидерство. Свердлов, достаточно загадочная фигура, проявил себя как талантливый организатор времен Октябрьского переворота и военного коммунизма, нередко отдававший преступные приказы. Но в Совет народных комиссаров, возглавляемый Лениным, он не вошел. Правда, стал председателем ВЦИК.

Достаточно странно, даже подозрительно вел себя Свердлов во время покушения на Владимира Ильича, поспешив занять его кабинет и приказав быстро казнить Каплан в Кремле (!) и зачем-то сжечь ее труп.

Наиболее чудовищным распоряжением Свердлова была директива Оргбюро ЦК за его подписью от 24 января 1919 года. Там приказывалось: «Произвести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью». Конечно, шла жестокая Гражданская война, где с обеих сторон были «перегибы». Хотя в данном случае террор предполагал усиление междоусобицы, увеличение жертв среди мирного населения.

Это была его личная инициатива. Поэтому в день смерти Свердлова, 16 марта того же года, Пленум ЦК партии данную директиву отменил. К тому времени Гражданская война на юге России вспыхнула с новой силой.

Можно ли относить к ленинской гвардии видных лидеров большевиков Зиновьева и Каменева? Они выступили против предложения вождя о вооруженном перевороте, даже во всеулышание заявили об этом. В своем мнимом «Завещании» (о нем речь впереди) Владимир Ильич дал характеристику ближайшим соратникам, из которых только Сталин представлен как «твердокаменный» ленинец, да и то с оговоркой.

В том-то и заключалась сложность положения Ленина как вождя (а после него — Сталина), что не было у него никакой гвардии, безоговорочно его поддерживающей. Добиваясь своих целей, он лавировал, убеждал, порой грозил отставкой. Только в конце 1930-х годов Сталину удалось создать социалистическую монархию на основе народной демократии после жестокой внутрипартийной борьбы.

Последствия Октября сказываются до сих пор и будут так или иначе влиять на историю России в будущем. Это надо понять и признать, а потому не вносить в историософию нечистую политическую струю или оценивать прошлое с позиций прокурора или адвоката. Исторические события надо не судить, а осмысливать.

Трагедия вождя

Не дай мне Бог сойти с ума.

Нет, легче посох и сума;

Нет, легче труд и глад.

Трудно не согласиться с этими словами Пушкина. Именно такая судьба ожидала Владимира Ильича Ленина. Он — один из наиболее трагических персонажей истории. Его посмертное непомерное восхваление многие годы мешало это осознать со всей определенностью.

Учение Маркса, дополненное Лениным (марксизм-ленинизм), в Советском Союзе идеологическими работниками выставлялось как атеистическое Священное писание. Лев Троцкий провозгласил: «Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величайший исполнитель заветов, научающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы на опыте, в тягчайшей обстановке...»

В таком отношении к партийным вождям нет ничего удивительного. Ведь атеизм — религиозная концепция, основанная на предположении, что Бога нет. Такой тезис столь же недоказуем, как и противоположный. Поэтому «научного атеизма» быть не может: научное учение отличается от религиозного или философского тем, что его можно подтвердить или опровергнуть на основе фактов, а не только рассуждений (философия) и тем более веры (религия).

Ученый, анархист князь Петр Кропоткин писал: «Каждый революционер мечтает о диктатуре... Все мечтают о революции как о возможности легального уничтожения своих врагов при помощи революционных трибуналов... Все мечтают о завоевании власти, о создании всесильного, всемогущего, всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подчиненным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов чиновников... Наконец, все мечтают о том, чтобы ограничить проявления инициативы личности и самого народа... Вот тайная мечта 99 процентов из тех, кто называют себя революционерами».

Вряд ли в точности так мечтал Ильич. Но почти все, что здесь упомянуто, ему вольно или невольно пришлось осуществить с невероятным напряжением духовных и физических сил.

Ведя тайную революционную деятельность, он даже во время ссылки в Шушенском (Южная Сибирь) и в эмиграции имел возможность жить как интеллигентный небогатый буржуа. Покушений на него тогда не было. (Кропоткин едва не умер в каземате Петропавловской крепости, бежал, рискуя жизнью, сидел во французской тюрьме, был приговорен к смерти «Священной дружиной» российских монархистов...) Даже Октябрьский переворот прошел для Ленина без особенных эксцессов.

Взять власть в раздираемой противоречиями стране оказалось неожиданно легко и просто. Никто не сражался за нее всерьез. Это могло бы озадачить вождя. Пожалуй, он не предполагал, какие тяжелейшие испытания придется перенести уже в ближайшем будущем.

В Гражданской войне, когда не раз казалось, что проиграно дело большевистской партии, в конце концов победа была на ее стороне. Тут-то и выяснилось, что возродить великую державу, испытывшую кровавую междоусобицу и революционную перестройку, — задача невероятно трудная.

Теоретические схемы Маркса-Энгельса не давали ответа на вопросы, которые постоянно ставила жизнь. Напряжение внутри общества нарастало. В руководстве партии усиливались разногласия. Наиболее развитые страны были против Советской России. За рубежом оставалось более миллиона белогвардейцев. Скрытых внутренних врагов было еще больше. При покушении Ленин был тяжело ранен. Кто стрелял, до сих пор убедительного ответа нет. Фаину Каплан без серьезного расследования казнили. Возможно, покушение организовали не откровенные враги, а лицемерные друзья.

В наспех созданном Советском Союзе экономическое положение было чрезвычайно тяжелым: чудовищный голод, эпидемии. Наибольшие опасения вызывала ситуация в деревне. Вспыхивали крестьянские бунты. А ведь сельские жители составляли подавляющую часть населения страны...

Умственное и нервное напряжение Ленина нарастало. Ему не довелось почивать на лаврах, принимая чествования. Были народные шествия, многотысячные митинги, но вряд ли они его радовали. Жизнь он завершал в венце терновом. Дело, которому посвятил свою жизнь, после временных успехов (Октябрьский переворот, победа в Гражданской войне, подавление мятежа левых эсеров) оказалось на грани провала. Он все чаще ощущал нервные срывы, головные боли. Сознавал, что это — обострение болезни головного мозга, грозящее психическим расстройством. Еще в начале 1917 года он жаловался в письме к сестре Марии Ильиничне: «Работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая». Ему и раньше приходи-

лось по тому же поводу обращаться не только к невропатологам, но и к психиатрам.

Важно иметь в виду ухудшение психического состояния Владимира Ильича. Он испытывал дополнительные переживания, боясь лишиться рассудка. Лечивший его врач-невропатолог, профессор В. Крамер сделал весной 1922 года запись: «В основе его болезни лежит действительно не одно только мозговое переутомление, но и тяжелое заболевание сосудистой системы головного мозга».

Вспомним о смерти знаменитого психиатра, невропатолога и психолога, академика В.М. Бехтерева. Он умер в конце 1927 года в пожилом возрасте, но, как писал его ученик, академик В.Н. Мясищев, «в полном расцвете сил». Писатель И. Губерман в книге «Бехтерев: страницы жизни» (1977) отметил: «Бехтерев умер так неожиданно и быстро (отравился консервами поздно вечером, а ночью его уже не стало), что возникла легенда, будто кто-то отравил его специально ради неразглашения тайны диагноза, поставленного им на приеме. Эта легенда оказалась чрезвычайно живучей, несмотря на полное отсутствие подтверждений».

В горбачевское время писали, как Бехтерев, обследовав Сталина и выходя от него, в присутствии посетителей громогласно дал диагноз: «Параноик!» Эту легенду повторяли не раз по радио и телевидению. При случае я спросил у Игоря Губермана, не утаил ли он в книге подлинную причину смерти ученого. Он ответил, что написал то, в чем был уверен.

Невероятно, чтобы врач с солидным стажем скоропалительно дал столь серьезный диагноз да еще и обнародовал его, попирая медицинскую этику. Нет вообще сведений, что он встречался со Сталиным, которому тогда было 48 лет и он был здоров и физически, и психически. Другое дело, если Бехтерев проговорился — хотя бы в узком кругу — о психической болезни Ленина. В те годы были фанатики, которые могли ему за это отомстить. Тем более что академик почти наверняка обещал хранить данную не только медицинскую, но и государственную тайну.

Некоторые предложения и указания Ленина в последние месяцы его деятельной жизни, возможно, объясняются душевным

недугом. Порой он принимал странные решения, реализация которых вызывала дестабилизацию обстановки в стране и в партии. Но в целом его последние статьи, письма и записки, которые принято считать политическим завещанием, содержат дельные суждения и предложения. С ними можно не соглашаться, однако бессмысленными или глупыми их не назовешь.

Летом 1922 года Ленина начали беспокоить мысли о смерти. Как атеист и материалист он ее не боялся: всего лишь переход в небытие, к вечному покою; нечто подобное желанной нирване буддистов, избавляющей от забот и страданий этого мира. После очередного приступа спазма сосудов он сказал лечащему врачу Кожевникову:

— Вот история, будет кондрашка!

Через некоторое время пояснил:

— Мне уже много лет назад один крестьянин сказал: «А ты, Ильич, помрешь от кондрашки», и на мой вопрос, почему он так думает, он ответил: «Да шея у тебя больно короткая».

Об этом Ленин говорил спокойно и с улыбкой. Хотя, судя по всему, находился под впечатлением этого разговора с крестьянином, прочно врезавшимся в его память. В подобных случаях подсознательно человек может содействовать реализации того или иного диагноза, даже неверного.

В разговоре со Сталиным Ленин сказал, имея в виду неизбежную гибель империалистов: «Не нужно отнимать у умирающих последнее утешение». Разве это не относилось и к самому Ильичу? Не высказал ли он подсознательно тревожившую его мысль?

Осматривавшему его профессору Ленин пожаловался на ослабление работоспособности, бессонницу и отсутствие душевного покоя. Ответ был не слишком обнадеживающим:

— Во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, лишающих возможности работать так, как раньше. Во-вторых, ряд навязчивостей, появление которых может сильно пугать.

— Ведь это, конечно, не грозит сумасшествием?

— Навязчивости тяжелы субъективно, но они никогда не ведут за собой расстройства психики.

Вряд ли такое туманное объяснение утешило больного. Навязчивые состояния уже сами по себе свидетельствуют о психическом заболевании. Он мучительно переживал болезнь и отход от активной политической и государственной деятельности. Д.А. Волкогонов объяснил это просто: «Власть для Ленина — смысл его жизни. Он не собирается с нею расставаться, будучи совершенно больным... Просто власть для Ленина как личности была высшим смыслом его существования, способом реализации своих убеждений, хотя он не был тщеславным человеком».

Таково мнение человека, не способного понять, что власть сопряжена с огромной ответственностью. Только неумный честолюбец наслаждается большой властью. А Ленин был умен и лишен тщеславия.

Другое дело — стремление реализовать свои убеждения. На первом этапе жизни для Ленина главным был захват и удержание власти. Став во главе государства, он отдавал все силы его укреплению. Оставаясь вождем правящей партии, заботился о ее единстве и способности управлять обществом. Ни материальные ценности, ни власть сама по себе не были для Ленина вожделенными. Он был энтузиастом или даже маньяком идеи социализма и коммунизма. Этим определялась цель его жизни.

Любому здравомыслящему человеку ясно, что его личное пребывание на свете рано или поздно завершится. Но для того, кто воодушевлен идеей, страшней всего — при жизни — потеря смысла существования.

Поясню, что имеется в виду. Несмотря на утешающие высказывания врачей и близких, Ленин сознавал, что сосудистое заболевание головного мозга сопряжено с психическими отклонениями и грозит безумием. Тогда его, прославленного вождя партии, крупного государственного деятеля, изолируют, а то и поместят в дом умалишенных.

Расстройство психики могло случиться с ним в самое неподходящее время, во время совещания или публичного выступления. Это стало бы катастрофой для всей партии большевиков. Враги восторжествуют, завопят на весь мир, что коммунистов России многие годы возглавлял безумец!

Нет, лучше умереть.

Он пытался уговорить своих близких, чтобы ему в случае обострения душевного недуга дали яд. Такая просьба — предел отчаяния; уверенность в том, что будущее страшнее настоящего; признание трагического финала жизни. Его сестра Мария Ильинична в своих воспоминаниях, опубликованных только в конце 1989 года, писала:

«Зимой 20/21, 21/22 годов В.И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал.

Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что знал его как человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой...

С той же просьбой обратился В.И. к Сталину в мае 1922 года, после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно минут пять, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В.И., и Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно... В.И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину:

— Лукавите?

— Когда же вы видели, чтобы я лукавил...»

Ленин мужественно боролся с болезнью. Лечили его известные отечественные и зарубежные врачи; на визиты последних тратились значительные суммы в золоте. Летом 1922 года он почувствовал себя лучше. 31 октября произнес речь на заседании ВЦИК. 13 ноября на пленуме Конгресса Коминтерна выступал в течение часа на немецком языке.

Облегчение было временным. В конце ноября, идя по коридору, он упал из-за судороги в правой ноге (произошло, по-видимому, нарушение кровообращения в двигательном центре левого полушария головного мозга). 12 декабря он работал у себя в кремлевском кабинете, как оказалось, в последний раз. Он быстро утратил способность писать. Во второй половине декабря в записях врачей, лечащих Ильича, постоянно встречаются записи типа: «стал нервничать», «настроение стало хуже», «настроение плохое».

К весне 1923 года Ленин почувствовал, что положение его безнадежно. Он уже не мог ни передвигаться, ни внятно разговаривать. То, что он хотел сказать, понимала только опекавшая его Надежда Константиновна. И тогда она, несмотря на резкое ухудшение личных отношений со Сталиным, обратилась к нему с необычной просьбой...

Об этом эпизоде свидетельствуют документы. Вот главный: «Строго секретно. Членам Пол. Бюро.

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном “просьбу Вл. Ильича Сталину” о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что “Вл. Ильич переживает неимоверные страдания”, что “далее жить так бессмыслимо”, и упорно настаивала “не отказывать Ильичу в его просьбе”. Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной и с волнением требовал “согласия Сталина”), я не считал возможным ответить отказом, заявив: “Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование”. В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В.Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

21 марта 1923 г. И. Сталин».

Повторю: желание Ленин покончить жизнь самоубийством — свидетельство глубокой трагичности его судьбы. Он

был сильным человеком и мужественно боролся с болезнью. Нет оснований подозревать, будто он маниакально любил власть. Никаких особых почестей или привилегий, кроме необходимости работать с огромными перегрузками, она ему не давала.

Он сделал целью своей жизни реализацию коммунистических идеалов. На этом пути пришлось столкнуться с гигантскими, почти непреодолимыми трудностями. Порой ему приходилось отдавать преступные приказания. Но делалось это не ради каких-либо личных целей. Доказательство тому — его твердая решимость пожертвовать своей жизнью за то дело, которому ее посвятил.

Я не поклонник Ленина. И все-таки, вспоминая его мучительную кончину, напомним слова поэта-мыслителя Федора Тютчева:

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

...Болезнь и смерть Ленина — факт не только медицинский, но и политический. Поэтому вокруг этих событий наслоилось множество самых грязных домыслов и клеветы.

Много лет назад мне доводилось слышать от разных людей версию о том, что нервно-психическое расстройство Ленина вызвано сифилисом. У нее нет бесспорных доказательств. Даже если она верна, это не бросает мрачную тень на моральный облик Владимира Ильича. В те времена говорили: «Сифилис не позор, а несчастье». Заразиться им (аналогия с вирусом иммунодефицита человека) можно и не половым путем.

Ленина обвиняют в излишней жестокости. Это справедливо лишь отчасти. Был чрезмерно жестоким весь период Гражданской войны и социалистического строительства. И в том, и в другом историческом явлении нет вины Ильича. Он, как вслед за ним Сталин, были заложниками мощного исторического процесса. Можно сказать, они были заложниками Судьбы.

Генерал от идеологии, бывший заместитель начальника Главного политического управления Советской армии и ВМФ, профессор истории Д.А. Волкогонов писал, будто инициатива Ленина о высылке ряда русских антисоветских философов и социологов за границу могла «прийти в голову только больному или абсолютно жестокому человеку». (Мне рассказывали военные инженеры Генштаба: будучи преподавателем академии, этот самый Волкогонов требовал от них подробнейшие конспекты трудов классиков марксизма-ленинизма, накладывая суровые взыскания на тех, кто недостаточно усердствовал в этом деле.)

Была ли безумной высылка группы влиятельных интеллигентов из Отечества? Многие из них были врагами народной демократии (в частности, И.А. Ильин). К сожалению, были там и такие крупные мыслители и патриоты России, как С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев. Но не спасла ли высылка им жизнь? В Советской России оставалось много идеологических работников типа Волкогонова, которые их люто ненавидели и могли при первом удобном случае отправить, как Павла Флоренского, в ГУЛАГ, а то и на расстрел.

Кто-то воскликнет: вот она, система государственного террора! Вот преступление Ленина и Сталина! И это будет либо заблуждением, либо лицемерием. Система террора складывалась у нас объективно в результате революционного переворота, Гражданской войны, под влиянием враждебного окружения и обилия внутренних врагов. Террор осуществляли все участники Гражданской войны. Такова суровая и прискорбная историческая закономерность. Если в государстве слаба система самосохранения, оно гибнет, как организм, у которого нарушен иммунитет.

На болезни и смерти Ленина первым стал спекулировать Лев Троцкий. 13 октября 1930 года во влиятельном американском буржуазном журнале «Лайф» была опубликована его статья «Сверх-Борджиа в Кремле». В ней утверждалось, что Ленина отравил Сталин ради захвата власти.

Это была клевета сознательная и злобная. Приведенная выше записка Сталина членам Политбюро — на официальном бланке — имеет подписи читавших, в том числе и Троцкого.

Вряд ли об этом запомнил Лев Давидович, не страдавший мозговыми расстройствами. Тут недуг иной: дефицит совести — болезнь, чрезмерно распространенная в антисоветской России.

О культе, личностях и символах

При Сталине Ленина возвеличивали, при Горбачеве замалчивали, при Ельцине проклинали. Теперь даже россиянин средних лет может подивиться словам Маяковского:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

«Новый русский» усмехнется: да я б лучше выучил английский, для бизнеса большая польза. Что ж, вполне резонно, в духе нового времени.

...Извращение и опошление истории начинается с исторических личностей. Этот процесс протекает у нас и на Западе в русле общего опошления культуры, отрешения от высоких духовных ценностей и самобытности наций. Как преподносят нам с телеэкранов, по радио, в газетах и журналах, а то и в книгах выдающихся мыслителей, государственных деятелей, ученых, писателей и других представителей культуры? Выковыривают из биографий пищу для сплетен, «пикантные» эпизоды.

Кого рекламируют? Актеров и актрис, не говоря уже о президенте и некоторых политиках. Кем восхищаются? Посредственным философом и ярким антисоветчиком Ильиным; вставшим на службу западным «демократам» Колчаком; изливают елей в ад-

рес Белого движения. Судят победителей, словно Гражданскую войну выиграли какие-то инородцы на германские деньги. А победил именно русский народ, не пожелавший возврата помещиков и фабрикантов, а также иноземных хозяев (в отличие от современных «новых русских», готовых на все ради денег).

Вывод очевиден: заправляют в нынешних СМРАП антинародные швондеры. Они штампуют — не без успеха — миллионы шариковых, без собачьего сердца, но с высшим и средним образованием. Вошли в моду порожденные хрущевской слякотью (после маленковской оттепели) безродные «западники», а то и монархисты без царя в голове.

С подачи Хрущева они обрушились на культ личности Сталина. Его стали представлять необразованным параноиком с маниями преследования и величия. Сначала его противопоставляли Ленину как великому мыслителю, носителю коммунистической идеи. Но пора «перестройки, ускорения, гласности» (полезно задуматься над этим словосочетанием) втоптала в грязь и этого кумира.

Одной из первых «ласточек» такого полета стала книжка Владимира Солоухина «При свете дня». В ней — сумерки разума (по Велимиру Хлебникову — «умерки»), набор нелепых суждений, извращенных сведений, беспардонной лжи. Деликатную, но уничтожающую критику этой поделки дал хорошо знавший Солоухина В.В. Кожин в книге «Россия. Век XX (1901—1939)». Он не сдержал своего недоумения: «Что же касается “информации”, предлагаемой в книге “При свете дня”, остается только руками развести — откуда такое берется?!»

Подобные Солоухину или Солженицыну «историки» пишут о десятках миллионов жертв ленинского и стольких же — сталинского террора. Не говоря уже о непомерном преувеличении числа погибших или погубленных, удручает, помимо явной лжи, опошление исторического процесса. Кожин тщетно пояснял: «Необходимо иметь в виду всеохватывающий и всесокрушающий “ураган” Революции, а не “агрессивную психику” Ленина или кого-либо еще».

Революционный ураган — явление объективное, мощное и страшное. Противопоставлять ему одну какую-то личность оз-

начает, помимо всего прочего, придание ей нечеловеческого могущества. Безмерно утрированный, исполненный злобы культ личности!

Впрочем, подобные авторы могли явно или неявно иметь в виду ту или иную фигуру как воплощение массового явления. И тогда Ленин выступает олицетворением большевиков, захвативших власть, создавших ЧК, сражавшихся с белогвардейцами и Антантой, учинивших «красный террор».

Правда, власть они взяли практически бескровно у Временного правительства демократов, утративших доверие народа. Орган госбезопасности учредили по необходимости (так делают руководители любого государства), а слово «чекист» пугало только врагов народа. Красный террор стал ответом на белый террор. Безусловно, этим не оправдываются сотни и тысячи невинных жертв, расстрелы заложников.

В жестокости против собственного народа всех превзошла тройка: командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский, начальник его штаба Н.Е. Какурин, председатель Полномочной комиссии ВЦИКа В.А. Антонов-Овсеенко. В их приказе от 23 июня 1921 года говорилось:

«Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу... По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60—100 наиболее видных лиц в качестве заложников... жителям дается два часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей... Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока... взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и вторично предлагается выдать бандитов и оружие... В случае упорства проводятся новые расстрелы и т.д.».

Против восставших крестьян использовали даже химическое оружие: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось».

Приведя эти сведения, В.В. Кожинов заключил: «Все трое в 1930-х годах погибли, и их участь рассматривается как одно из

проявлений варварского сталинского террора. Но согласитесь: их гибель — чем бы она ни была вызвана — меркнет перед их злодеяниями 1921 года по отношению к множеству людей».

Тухачевский, Какурин, Антонов-Овсеенко были, как говорили в те времена, «редиска́ми»: красными снаружи, белыми внутри. Они служили в царской армии и перешли на сторону большевиков совсем не из любви к русскому народу и тем более пролетариям.

Но разве белогвардейцы воевали в белых перчатках? Даже идеолог Белого движения Шульгин вынужден был признать, что если белые начинали воевать почти как ангелы, то кончили почти как дьяволы, тогда как красные — наоборот.

Сергей Кара-Мурза в книге «Советская цивилизация», словно возражая клеветникам, написал о Ленине: «Не палач, а спаситель». И сослался на слова Сергея Есенина, так отозвавшегося на смерть вождя:

Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Наш великий русский поэт, несмотря на молодость, был несравненно мудрей изолгавшихся солженицыных, солоухиных и прочих, включая профессиональных историков. Не потому, что он был более образован или начитан. Он не утратил честь и совесть, был голосом русского народа, а не подголоском западных СМРАП. Вот и великий князь Алексей Михайлович, большой патриот России, вынужден был признать: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Остается последний довод: а как же расценивать расстрелы большевиками православных монахов? Чем они-то провинились? Можно ли было так насаждать воинствующий атеизм?

Однако начался конфликт большевиков с Православной церковью не по их вине. Церковь не пожелала встать над схваткой противоборствующих сторон, лишь усугубляя междоусобицу. Некоторые монахи убивали коммунистов, а священники призывали к войне с Красной армией. Поэтому развязанная позже антицерковная кампания большевиков (под руководством, напомним, Троцкого) не встретила почти никакого сопротивления ни в Центре, ни на местах.

А что произошло в конце прошлого века с победой второй буржуазной революции в России? Стали восстанавливать и строить церкви, часовни, монастыри. Члены правительства, недавние воинствующие атеисты, встали рядами со свечками. Все это — их личное дело. Но ведь страна обкрадена олигархами, народ русский вымирает, культура деградирует, в населении возбуждают ненависть к советскому прошлому, к поколениям победителей и строителей Великой России-СССР. Господствует идеология эгоизма, алчности, продажности, поклонения золотому тельцу, тем самым торгашам, которых изгонял Христос из храма. Торжество антихриста?!

Суть подобной идеологии «открытого общества» верно раскрыл Сергей Кара-Мурза: «В какой же свободе нуждался капитализм? В свободе от Природы, от человека и от Бога. Впрочем, все эти виды свободы — лишь разные ипостаси нового мировоззрения. Освобождение от человечности, разрыв общинных связей — появление индивидуума вместо личности — было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество, глубоко антихристианское, несмотря на его внешнюю набожность».

Спекуляция на понятии свободы — один из приемов пропаганды подлых и пошлых нравов, воспитания потребленца и приспособленца. Ибо ни в природе, ни в обществе человек не может быть абсолютно свободен. Ему дарована лишь духовная свобода. Но она — привилегия полноценной мужественной и честной личности.

Необходимо различать свободу паразита от свободы труженика, свободу подлости и лжи от свободы искателя истины. Когда глаголют о правах человека, кого имеют в виду? Если иному индивиду предоставить свободу, будут попораны права других людей, а то и всего народа.

Характерное событие недавнего прошлого: в начале апреля Государственная дума большинством голосов постановила убрать с флага Победы Серп и Молот (пишу с прописных букв, ибо это — символы). Формально такую дичайшую акцию понять можно. Звезда, Молот и Серп на Красном знамени символизировали единство армии, рабочих и крестьян. Теперь власть не у трудящихся, а у богатых буржуев... простите, буржуа. Армия переходит на контрактную службу, за деньги, как наемники. В таком случае следовало бы и цвет знамени сменить, и звезду изъять, а изобразить какой-нибудь символ капитала.

Но при чем тут Знамя Победы? Разве за олигархов воевал наш народ в Великую Отечественную? Разве не была тогда власть у трудящихся? Во имя исторической правды недопустимо менять символы славного прошлого!

В.В. Жириновский поддержал эту акцию: мол, теперь работают не серпами и молотами. Словно речь идет об орудиях труда, а не о символах. Большинство богатеньких депутатов сделало вид, будто поверили этому. И за таких деятелей голосовало большинство нынешних россиян?!

Кощунственное отношение к символу Победы — знак большой беды для России. Он символизирует утрату не только исторической памяти и былого величия, но также чувства собственного достоинства у значительной части населения, у большинства правящего социального слоя. Или у нас уже окончательно сложилось общество без чести и совести?!

Нечто подобное произошло в СССР при ниспровержении культа Сталина. Говорили, будто речь идет о борьбе с культом личности. Но в действительности было не так все просто. Символическое имя «Сталин» и образ, связанный с ним, имели лишь косвенное отношение к личности Иосифа Джугашвили.

У Владимира Маяковского верно сказано: «Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия». Да, образ Ильича символи-

зировал победу большевиков. В таком случае, когда говорим — Сталин, подразумеваем — Советский Союз. Было именно так. Культ Сталина во всем мире означал не преклонение перед некой личностью, а признание необычайных успехов Великой России. Образ Сталина был символом, олицетворением СССР. Так же как Сталинград символизировал победу нашей Родины над фашизмом.

Осквернение символов — преступное деяние. За него приходится расплачиваться не только отдельным личностям, но и народам. В Третьем рейхе арийской свастики — символу Солнца — придали извращенный смысл расизма, «богоизбранности» германцев. Чем это кончилось, общеизвестно...

Впрочем, пора вернуться к теме нашей книги. Победа большевиков в Гражданской войне — неопровержимый исторический факт. Они победили благодаря поддержке народа. Не всего, конечно, а значительной его части. Как бы мы ни относились к Ленину или Сталину, они были великими героическими личностями, вознесенными к вершине власти волной революционного подъема и остававшимися там по воле народа.

Сейчас о них распространяют грязные слухи, показывают их как заурядных обывателей и незаурядных злодеев. Им-то от этого ничего не сделается (разве что глумливо извлекут из мавзолея забальзамированное тело Ленина). Так совершают преступление против истории Отечества, против правды-истины.

Наследник Ильича?

Из мифологии, возникшей после Октябрьской революции, а затем и смерти В.И. Ленина, в СССР наиболее распространенным, укрепляемым средствами массовой пропаганды и агитации был миф о Сталине как наследнике и продолжателе его дела.

Осенью 1927 года в центральной партийной газете «Правда» массовым тиражом был опубликован текст речи Иосифа Виссарионовича. Там было, в частности, сказано: «Говорят, что... в

“Завещании” тов. Ленин предлагал съезду ввиду “грубости” Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно».

Здесь допущены некоторые неточности. Даже поставленное в кавычки определение письма Ленина как «Завещание» не отражает его сути. Кроме того, в тексте основного письма не сказано о «грубости» Сталина. Эта приписка появилась позже. Случайно или нет, не упомянуто другое, более важное замечание Ленина, написавшего, что он не уверен, сможет ли Сталин достаточно осторожно пользоваться имеющейся у него властью.

Что же писал в своем «Завещании» Владимир Ильич, обращаясь к делегатам XII съезда ВКП(б), на котором не мог присутствовать по причине своей тяжелой болезни?

В начале письма он определенно заявил: «Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными». Высказав несколько организационных предложений, сделал вывод: «Устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз». Дальше — подпись и дата: 23. XII. 22 г. Вот и все.

Правда, на следующий день он продиктовал продолжение. Пояснил, что имел в виду устойчивость Центрального комитета партии, которому угрожает раскол.

Нет оснований считать письмо «Завещанием» Ленина в смысле назначения преемника и обсуждения соответствующих кандидатур. Он исходил из самых общих соображений по поводу опоры партии на два класса — рабочих и крестьян, при отсутствии соглашения между которыми неизбежно ее падение. О сути такой угрозы не сказано ни слова, так же как о способах добиться желанного соглашения.

Чтобы гарантировать руководство партии от раскола, он «намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства». С этого, можно сказать, и начинается его «Завещание» (лишь по недоразумению так названное).

«Я думаю, — не писал, а диктовал он, — что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, кото-

рый мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек».

Могло ли значительное увеличение членов ЦК предотвратить конфликты? Как бы не наоборот! Чем больше обсуждающих, тем сложнее прийти к общему согласию. Или позиции лидеров будут подавлены мнением большинства? Но какая гарантия, что большинство не ошибается, как бывает нередко? Порой Ленин сам упорно отстаивал свое мнение даже в том случае, когда его поддерживало меньшинство. И разве не могут в многочисленном ЦК образоваться группировки непримиримых противников?

Следующий абзац: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Странно выглядит уточнение: Троцкий — самый способный человек именно в настоящем ЦК, то есть при отсутствии там Ленина. Оговорка бессознательная, но существенная.

О какой необъятной власти Сталина идет речь? В Политбюро и ЦК решения принимались всегда коллегиально. Порой даже упорное желание Ленина навязать всем свое мнение, несмотря на его неоспоримый авторитет, не принималось большинством. А в 1922 году Сталин не имел, пожалуй, и десятой доли той власти, которой обладал — в период своей активной деятельности — Ленин.

Упреки в адрес Троцкого тоже не слишком убедительны. Если он обладает не только выдающимися способностями, то чем же еще? Выдающейся самоуверенностью? И чем плохо для руководителя увлечение административной стороной дела? На то он и административный работник. Или Ильич подразумевал что-то более конкретное? Но об этом — ни слова.

Чаще всего излишнее административное рвение — показатель властолюбия и самоуверенности. Но в том же смысле можно толковать и опасения по поводу Сталина. Выходит, оба лидера в этом компоненте схожи. Если Троцкий — хвастун, то этот порок с лихвой компенсируется тем, что он самый способный из всех руководителей, исключая Ленина.

Слабо обоснован предыдущими рассуждениями вывод: «Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести партию к расколу...» Какие два качества имеются в виду? О качествах Сталина остается только догадываться. У Троцкого их названо по меньшей мере три. Дальше Ильич упоминает Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова с оговоркой: «Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам». Краткие характеристики все-таки дает.

В его рассуждениях недостает логики. Он напоминает, что Зиновьев и Каменев своими самовольными действиями едва не сорвали Октябрьский переворот 1917 года, и тут же утверждает, будто это «также мало может быть ставимо ему в вину лично, как небольшевизм Троцкого». Тут, пожалуй, вместо «ему» следует понимать «им» (если только не снимается вина с кого-то из них, так и не названного). Непонятно, зачем было вспоминать давний случай, да еще и небольшевизм Троцкого в придачу.

Из молодежи Ленин выделил Бухарина и Пятакова. Первый — любимец партии, «ценнейший и крупнейший теоретик». И следом, словно в насмешку: «Но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Вот вам и ценнейший и крупнейший теоретик! Схоластик, мало образованный и не вполне понимающий диалектику...

«Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей...» Прекрасная характеристика, если не учесть продолжения: «...но слишком увлекающийся администраторством и административной стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе».

Какой напрашивается общий вывод? Кто из названной шестерки способен хотя бы отчасти заменить Ленина?

Об этом поговорим далее. А пока дадим предварительные характеристики двух лидеров ВКП(б), которых Ленин считал наиболее выдающимися (после себя).

Демон революции

Роль Льва Давидовича Троцкого в российских смутах, начиная с 1905 года, была видной и в значительной степени зловещей. Хотя некоторые деятели современных СМРАП стали преподносить его в розовом свете, противопоставляя не только Сталину, но и Ленину (реже — объединяя с Лениным в противовес «сталинизму»).

Сошлемся на мнение идейного противника большевиков писателя Марка Алданова (Ландау): «У Троцкого идей никогда не было и не будет. В 1905 году он свои откровения взял взаймы у Парвуса, в 1917-м — у Ленина. Его нынешняя оппозиционная критика — общие места эмигрантской печати. С “идеями” Троцкому особенно не везло в революции. Он клялся защищать Учредительное собрание за два месяца до того, как оно было разогнано. Он писал: “Ликвидация государственного спаивания народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции”, — перед восстановлением в Советской России казенной продажи вина. Но в большом актерском искусстве, как в уме и хитрости, Троцкому, конечно, отказать нельзя. Великий артист — для невыскаательной публики, Иванов-Козельский русской революции».

Хлесткий вывод Алданов подтвердил убедительными примерами. По его словам, Троцкий «разыграл Брестское представление, закончив спектакль коленцем, правда, не вполне удавшимся, зато с сотворения мира невиданным: “Войну прекращаем, мира не заключаем”. С началом Гражданской войны самой бенефисной ролью стала роль Главнокомандующего Красной армией... После первого разрыва с Троцким большевики (т.е. Ста-

лин) опубликовали несколько документов, из которых как будто неопровержимо следует, что роль эта была довольно скромной...»

Можно, конечно, упрекнуть Ленина в том, что, несмотря на предложенный им лозунг, вся власть перешла не к Советам (анархический вариант), а к большевикам. Это определило авторитарный режим правления. Троцкий был одним из самых яростных сторонников однопартийной диктатуры. Когда на Втором Всероссийском съезде Советов поступило предложение создать правительство, представляющее все демократические партии, Троцкий ответил: «Мы им говорим: вы — ничтожества и потерпели крах. Ваша роль окончена, идите туда, куда вам предназначено: на свалку истории».

Коленце Троцкого в период заключение Брестского мира, о котором упомянул Алданов, дорого обошлось советской власти. Для большевиков создалась критическая ситуация. Они победили отчасти благодаря лозунгу «Мир — народам!», но обеспечить мир оказалось непросто. Немцы требовали территориальных уступок от России. Ленин шел на это. Бухарин выступал за продолжение «революционной войны». Троцкий подкинул нелепицу — «ни мира, ни войны». Вот как описал дальнейшие события Н. Верт:

«26 января Троцкий вернулся в Брест. Прирожденный оратор, он пустился в словесные маневры. Германские военные начали тем временем терять терпение. Делегации центральноевропейских держав подписали мирный договор с представителями Рады. Те тут же попросили у Германии военной помощи, чтобы противостоять большевикам, войска которых только что вошли в Киев. Эта просьба послужила поводом к новому германскому вторжению. Отныне время играло против большевиков. 10 февраля Троцкий прерывает переговоры... Несколько дней спустя ленинские опасения подтвердились и центральноевропейские державы начали широкое наступление от Прибалтики до Украины».

Ленин предложил срочно послать телеграмму в Берлин с согласием на мир. Троцкий и Бухарин были против. Они ожидали революции в Германии. Их сторонники оказались в большин-

стве. Однако наступление с Запада развивалось быстро и неотвратимо. Вскоре пришлось принимать ленинское предложение. На этот раз условия германской стороны были более жесткими, чем раньше. Большинство ЦК, включая Троцкого, были против мира. Ленин пригрозил отставкой, если не будет мирного соглашения с Германией. Советская Россия потеряла огромные территории, где находилась четвертая часть населения страны и значительный промышленный потенциал. Это случилось по вине Троцкого — наркома иностранных дел.

Когда в начале 1918 года кипели страсти вокруг заключения Брестского мирного договора с австро-германским блоком, оставались без должного внимания события в районе Мурманска. Антанта предложила Советской России военную помощь. Переговоры с ее представителями вел Троцкий. Британский генерал Пуль телеграфировал из Москвы в Лондон: «Я считаю, что нужна немедленная военная акция для обеспечения захвата порта Мурманска англичанами. Я полагаю, что будет возможным получить искреннюю поддержку Троцкого».

Такая поддержка была. На запрос Мурманского Совета, как им поступить с предложением Антанты оказать материальную и военную помощь, Троцкий ответил: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий и противопоставить все препятствия против хищников». 6 марта в Мурманске высадился отряд английских морских пехотинцев с двумя легкими орудиями. В апреле представитель Великобритании Р. Локкарт направил в Лондон докладную записку об условиях военного сотрудничества с Советской Россией, выработанных в ходе переговоров с Троцким, ставшим к тому времени наркомом по военным делам.

Олонецкий губисполком заявил, что соглашение с Антантой «подчинит Мурманский край экономическому и военному влиянию европейских правительств, ведущих, в окончательном счете, к развитию сепаратизма в условиях, благоприятствующих капиталистическому строю». Столь же резко реагировал Архангельский Совдеп (Мурманск входил в состав Архангельской губернии).

На VII экстренном съезде РКП(б) Ленин предупреждал: «На нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия

или Франция захотят у нас отнять Архангельск — это вполне возможно». Троцкий по-прежнему был поборником активного сотрудничества с Антантой (как позже выяснилось, у него были тесные связи с финансистами Америки). Локкарт писал 5 мая представителю США в России полковнику Р. Робинсу: Троцкий «представил все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске».

На финском берегу Балтики высадилась немецкая пехотная дивизия. К руководству Мурманским Советом пришел ставленник Троцкого — А.М. Юрьев. До революции он несколько лет работал в США, а после роспуска Мурманского Совета служил у местного американского консула и занимался распределением западного продовольствия, поступавшего в город (после разгрома белогвардейцев был предан суду, получив расстрельный приговор, замененный 10 годами лагерей).

Антанта при попустительстве Юрьева довела свои войска в Мурманске до 4 тысяч человек. В конце июня с прибывших транспортов высадились 1,5 тысячи британских военнослужащих. Ленин требовал от Мурманского Совета протеста против увеличения военного присутствия западных стран, призывал дать им отпор. Но члены Мурманского Совета проголосовали за сотрудничество с Антантой — под гудение мотора низко пролетавшего британского самолета с прибывшего накануне авианосца «Найрана».

Так разворачивалась интервенция на Русском Севере. Оказывая ей поддержку, Троцкий нарушал Брестский договор с Германией, по которому корабли Антанты должны были быть удалены из портов России. Почему он шел на это? Ради ли срыва мирного договора с Германией? Стремясь реализовать идею всемирной революции, в которой русскому народу была уготована роль «запала» для разжигания мирового пожара? Или у него были еще какие-то соображения?..

Обратимся к другому эпизоду.

Несмотря на все усилия внутренней и внешней контрреволюции, долго не удавалось развязать крупномасштабную гражданскую войну в России. Проходили только локальные вооруженные выступления белогвардейцев. Весной 1918 года взорвал ситуа-

цию Чехословацкий корпус, сформированный в царское время из австро-венгерских пленных, чехов и словаков, желавших бороться за независимость своей родины. После заключения Брестского мира корпус погрузился в эшелоны и двинулся к Владивостоку, чтобы оттуда отправиться в Западную Европу. Совнарком передал через И.В. Сталина: «Чехословаки продвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущая с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров».

Вдруг 21 мая многие Советы тех территорий, через которые продвигались эти эшелоны, получили телеграмму начальника оперативного отдела Наркомвоенмора С.И. Аралова: «По приказанию Троцкого предлагаю вам предложить чехословакам, находящимся в эшелонах, организовать в рабочие артели по специальности или вступить в ряды советской Красной армии». Затем последовало указание: «Предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, к разоружению и расформированию всех эшелонов и частей Чехословацкого корпуса...»

Однако еще раньше чехословацкое руководство провозгласило корпус «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции». Троцкий, помимо всего прочего, обострял отношения России с Францией, в то время как в апреле японцы высадили десант во Владивостоке.

Секретные приказы Троцкого стали каким-то образом известны командованию Чехословацкого корпуса, принявшему решение: оружие не сдавать, а при необходимости пробиваться на восток с боем. Троцкий 25 мая издал приказ № 377, согласно которому, все Советы были обязаны немедленно разоружить чехословаков под угрозой расстрела. Если в одном из эшелонов окажется хоть один вооруженный, все должны быть выгружены из вагонов и заключены в лагерь для военнопленных. (И это секретное распоряжение тут же стало известно чехословакам.)

28 мая Аралов направил омскому военному комиссару телеграмму: «Троцкий приказал, его приказ по отношению к чехословакам привести в исполнение. Вам посылаются бронированные поезда из Москвы». Сызранский Совдеп пропустил через

Сызрань эшелоны, заключив с ними договор. Но из Москвы летели грозные телеграммы Троцкого, и в тыл пропущенным чехословацким эшелонам был направлен сызранский гарнизон, усиленный подошедшими подкреплениями. Из Самары навстречу им шли войска Красной армии. Разбив под Липягами большевиков, чехословаки взяли Самару. Там при их поддержке было создано правозэсеровское правительство — Комитет Учредительного собрания. Крестьянские дружины окружили Ижевск и Златоуст, где начались антисоветские восстания. Оживились уральские белоказаки Толстова и разбитые большевиками оренбургские казаки Дутова. Деникин двинулся на Северный Кавказ. Краснов атаковал красных с юга. Возник единый антисоветский фронт. Началась Гражданская война.

В телеграмме, направленной Совнаркому 30 мая 1918 года, чехословаки справедливо возлагали ответственность за вооруженный конфликт на советскую власть, которая «...в лице военного комиссара Троцкого вела переговоры с чехословаками неискренним способом, обещая делегациям чехословаков одно и отдавая местным Совдепам тайные распоряжения совсем другого рода».

Троцкий стоял на своем: «Остается во всей силе приказ о расстреле застигнутых с оружием в руках». Это усугубило ситуацию. Справиться с мятежом удалось не благодаря, а вопреки действиям Льва Давидовича. В той междоусобице у него были немалые заслуги в связи с созданием Красной армии, использованием в ее рядах высокообразованных царских офицеров и генералов Генштаба. Именно им принадлежат по праву лавры победителей, а вовсе не безмерно прославленным тогда Тухачевскому, Якиру и некоторым другим красным командирам.

18 июня 1919 года Троцкий, находясь в Харькове, издал приказ № 112: «Южный фронт наш пошатнулся. Кто виноват?.. Ворота открыты... анархо-бандитами, махновцами... Чрезвычайный военный революционный трибунал под председательством товарища Пятакова рассмотрел дело о предателях махновцах... махновский штаб уничтожен, но яд махновщины еще не истреблен».

Эти обвинения не имели оснований. Махно отклонил предложение Шкуро перейти на сторону белых. Его армия обороня-

ла широкий участок фронта, потерпела поражение в 20-х числах мая, но продолжала сражаться с деникинцами еще почти месяц. Командование Украинским фронтом доносило: «Махно еще сражался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия... Причина поражения Южного фронта отнюдь не в украинской партизанщине» (махновщине).

Начальник штаба Махно В.Ф. Белаш вспоминал: «Действия Троцкого, особенно его предательское распоряжение № 96/с (секретное. — Р.Б.) от 3 июня и особенно третий пункт этого распоряжения, где под страхом строжайшей ответственности запрещалось снабжать нас боевыми припасами и любым военным имуществом, — разрушали Красный фронт (мы ведь были дивизией Красной армии и сражались в одной линии фронта с ней и подчинялись одному командованию), разоружали нас в пользу Деникина».

Бывший командир 2-й Украинской Красной армии А.Е. Скачко писал в своих мемуарах: «Приказ Троцкого об объявлении Махно вне закона настолько играл на руку белым, что они отпечатали его во множестве экземпляров и разбрасывали среди войск Махно». Выходит, Троцкий действовал как провокатор и враг народной армии.

Политика троцкистов на Украине настраивала против советской власти массы крестьян. Помещичьи земли не раздавались крестьянам, а на них создавались совхозы (преждевременные в тот период), проводились широкие реквизиции, отбирали у крестьян лошадей. Шла жестокая борьба против махновцев, повстанцев-крестьян.

«Не мог мириться Троцкий, — считал В.Ф. Белаш, — с тем, что авторитет и слава командиров, выходцев из народа, невероятно росли... Терпеливо вынашивал Троцкий мечту избавиться от таких. (Это подтвердили судьбы Ф.К. Миронова, Б.М. Думенко, Е.М. Мамонтова, Н.А. Каландаришвили и многих других. — Р.Б.) Троцкий содействовал переходу «сознательной революции» (верная формулировка Махно) в революционную смуту. Сдав Украину Деникину, он продлил Гражданскую войну. Рассорил анархо-коммунистов с большевиками. Сохранил руководящее положение своих сторонников в компартии Украины.

Возможно, он не только старался укрепить свое положение, в частности, выдвигая на командные посты своих ставленников (к примеру, Тухачевского). Была у него, по-видимому, и дальняя цель: содействовать свершению всемирной революции, распространению междоусобиц и кровавых столкновений на другие государства и народы.

Для чего же он упорно разжигал Гражданскую войну? Авантюрист и честолюбец, охваченный угаром вождизма и упоенный властью, вел крупную политическую игру. Ему нужна была широкая арена для своих действий, в идеале — вся Евразия. Пусть эта арена будет залита кровью и слезами, но зато даст проявить во всем блеске его личность!

Правда, не исключены и какие-то иные причины. О них приходится задумываться, памятуя, что Троцкий, обремененный семьей, никогда не испытывал финансовых трудностей, перемещаясь из страны в страну, пересекая Атлантику на пароходе в первом классе. Есть сведения, что он получал деньги от американских банкиров, в частности от Якоба Шиффа, видного сиониста и миллионера (с ним, как мы упоминали, встречался граф Витте).

В чьих интересах старался Троцкий устраивать мировую революцию, выставив как передовой отряд, обреченный на уничтожение, русский народ? Вряд ли он радел за пролетариев...

«Всегда равен себе»

В начале марта 1923 года Ленина познакомили с материалами комиссии Политбюро по грузинскому вопросу. Он был возмущен «русским великодержавным шовинизмом» Сталина, не желавшего предоставлять особые права нацменьшинствам, осуждавшего грузинский национализм.

Ленин продиктовал записку: «Уважаемый тов. Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я не могу полагаться на их бесприс-

трастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным...»

10 марта у Ленина произошел инсульт, приведший к потере речи и почти полному параличу правой половины тела. Через три дня «Известия» опубликовали правительственное сообщение: в связи со значительным ухудшением здоровья Ленина было решено публиковать медицинские бюллетени о ходе его болезни.

Тотчас отозвался Владимир Маяковский:

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!..
Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч,
чтобы вихрем не кипел?!
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди...

Поэт не сомневается, что революция продолжается. На первый план выступала фигура «Демона Революции». По Москве поползли слухи: преемником вождя будет Троцкий. Был и более серьезный сигнал. Газета «Правда» опубликовала статью члена ЦК РКП(б) и секретаря Исполкома Коминтерна Карла Радека «Лев Троцкий — организатор победы».

Этот номер газеты был посвящен 25-летию I съезда партии в Минске. Но получалось так, будто бенефициантом выступает Лев Давидович, который на том съезде не присутствовал, ибо членом партии стал позже. До сих пор только Ленина принято было безмерно превозносить. На этот раз автор расточал комплименты в адрес Троцкого: «Великий представитель русской революции». «Великий умственный авторитет». «Знаменосец вооруженного народа». Восхвалялись его «организационный ге-

ний» и «гениальное понимание» военных вопросов. «Он был всем в одном лице», а его «труд и дело... будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира». К этому ведет «партия и с ней ее вождь Л.Д. Троцкий».

Такие славословия были с удивлением восприняты старыми большевиками. Они знали, что «стальная фигура Троцкого», которой восхищался Радек, в действительности не отличалась непреклонностью, стойкостью и принципиальностью. Не случайно Ленин в письме Инессе Арманд так отозвался о нем в феврале 1917 года: «Приехал Троцкий, и сей мерзавец сразу снюхался с *правым* крылом “Нового Мира” против левых циммервальдцев!! Так-то!! Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно...»

Для справки: на Циммервальдской международной социалистической конференции, состоявшейся в сентябре 1915 года в Швейцарии, отделилось левое крыло, возглавляемое В.И. Лениным. Показательно, что он выделил качества Троцкого — позирование, нечестность, умение приспособливаться к текущей ситуации. Вдобавок Троцкий был недалекновен, самоуверен, упоен своим красноречием. Не понимал, что возбуждать пламенными призывами толпу не то же самое, что доказывать верность своей позиции.

Вот как описал его выступление американский журналист Исаак Маркусон: «Появление Троцкого было тем, что называется у актера удачным выходом. После паузы и в соответствующий психологический момент он появился из-за кулис и быстрыми шагами направился к небольшой трибуне... Еще до его появления по обширной аудитории пронесся трепет ожидания. Из уст в уста передавались слова: “Идет Троцкий!”. Он был элементарен, почти груб в своей страсти — человеческое динамо высокого напряжения. Он низвергал на аудиторию Ниагару слов; ничего подобного я никогда не слышал. В них звучали прежде всего тщеславие и дерзость».

Однако ситуация в стране радикально изменилась. И как бы ни старался Радек, раздувая культ Троцкого, получился не воз-

душный шар, вздымающий личность под облака, а мыльный пузырь, который вскоре лопнул. Не на громкие слова теперь обращали внимание партийцы, а на дела. Вот как о нем отзывались участники октябрьского Пленума ЦК партии:

«Он ни разу не посетил заседаний Совнаркома ни при Ленине, ни после отхода его от работы, он ни разу не был на заседании СТО (Совета труда и обороны. — Р.Б.), ни старого, ни реорганизованного. Он ни разу не внес ни в Совнарком, ни в СТО, ни в Госплан какое бы то ни было предложение по хозяйственным, финансовым, бюджетным и тому подобным вопросам. Он категорически отказался от поста заместителя Ленина. Это он, по видимому, считает ниже своего достоинства».

После таких высказываний в адрес руководителя можно считать его карьеру завершенной. Поистине Лев Давидович сам себя высек... нет, не как унтер-офицерская вдова, а представил себя с помощью Радека высеченным из монолитной скалы, воздымающейся над восторженной толпой. Но такой монумент был явно преждевременным.

«Он ведет себя по формуле: “Все или ничего”, — было отмечено на Пленуме. — Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что или партия должна предоставить т. Троцкому диктатуру в области хозяйственного и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собой лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе».

Кандидатура Троцкого как преемника Ленина после таких отзывов о его работе (из-за его нежелания заниматься повседневным трудом) отпала окончательно. Хотя и прежде, в письме Ленина съезду, она находилась лишь на втором месте.

«Чудесный грузин»

Так отзывался о Сталине в феврале 1913 года Ленин в письме Горькому. Тогда Коба (подпольная кличка И.В. Джугашвили) работал в Вене, изучая в библиотеках литературу преиму-

щественно по национальным проблемам. Следовательно, он, от лично владея грузинским и русским языками, неплохо знал немецкий язык, а также латинский и греческий, которые изучал в духовной семинарии.

Ленин был согласен с высказываниями Сталина, приведенными в статье «Национальный вопрос и социал-демократия», и отверг предложение о дискуссии на эту тему: «Конечно, мы абсолютно против. Статья **очень хороша**... Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи».

За последние двадцать лет многократно утверждалось, будто Иосиф Виссарионович был малообразован, не знал языков, плохо разбирался в теориях и т.д. Этим унижали советский народ, якобы тупо подчинявшийся умственно отсталому и психически больному тирану.

Марк Алданов посвятил Сталину статью, опубликованную в 1927 году в парижской газете. В ту пору за рубежом о руководителе Советского Союза отзывались нелестно. Мол, в отличие от Троцкого Сталин — партийный функционер с ограниченным кругозором.

Тем не менее Алданов предугадал в нем крупного государственного деятеля (как, между прочим, и в Гитлере — почти во всем антиподе Сталина не только по национальному вопросу).

«Мне крайне трудно, — признавался Алданов, — “объективно” писать о большевиках. Скажу, однако, тут же: это человек выдающийся, бесспорно, самый выдающийся из всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли и бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная, — этим он резко отличается от многих других большевиков».

Может показаться странным, что Ленин, близко знавший Сталина, не счел нужным признать в нем человека выдающихся способностей, отдав в этом отношении предпочтение Троцкому. Но Алданов имел возможность более длительный срок наблюдать за деятельностью Сталина. А Владимир Ильич, судя по некото-

рым признакам, не без ревности следил, как Иосиф Виссарионович успешно справляется с обязанностями Генерального секретаря партии.

«В своих книгах, посвященных октябрю 1917 года, — писал Алданов, — Троцкий отечески расхваливал самых серых революционеров... Но о Сталине Троцкий совершенно забыл упомянуть, Сталину ни малейшего букетика не досталось. Двухтомный труд Троцкого о 1917 годе украшен портретами Свердлова, Иоффе, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Крыленко, — портрет Сталина так и не попал в книгу. Между тем роль нынешнего диктатора в Октябрьской революции была чрезвычайно велика: он входил и в “пятерку”, ведавшую политической стороной восстания, и в “семерку”, ведавшую стороной организационной».

Случайно ли Сталину доверили эти посты? Нет, конечно. Ведь он, помимо всего прочего, как отметил Алданов, «был верховным вождем так называемых боевиков Закавказья». Они устраивали налеты на банки и почты. Успешным оказалось «изъятие» в центре Тифлиса огромной суммы (около 300 тысяч золотых рублей) местного отделения Госбанка. Деньги везли в фаэтоне с полицейским и казачьим конвоем. Гранатами и стрельбой террористы устроили панику, разогнали конвой (было убито и ранено полсотни человек) и скрылись. Следствие виновных и денег не нашло.

«Сталин занимал уже тогда, — отметил Алданов, — слишком высокое положение в партии для того, чтобы исполнять роль рядового террориста. По-видимому, ему принадлежало высшее руководство этим делом. Бомбы же для экспроприации были присланы из Финляндии самим Лениным. Ленину для нужд партии и были позднее отвезены похищенные деньги. Ни Сталин, ни Камо (Тер-Петросян, активный участник акции. — Р.Б.), в отличие от многих других экспроприаторов, не пользовались “эксами” для личного обогащения».

Приехав в Петербург после Февральской революции, Сталин «сразу оказался ближайшим помощником Ленина. Роль Сталина была, однако, не показной. Показную роль играли вначале Зиновьев, а потом Троцкий». Для Сталина партийная работа была главным делом жизни. В состав ЦК РСДРП, возглав-

ляемый Лениным, его избрали в 1912 году. Через пять лет он стал членом Политбюро (в мае 1917). Сталина можно было считать одним из наиболее старых и последовательных большевиков-ленинцев.

Может показаться, что во время Гражданской войны Сталину поручались не слишком ответственные дела. Это не так. Он много сделал для разгрома белых на Южном и Юго-Западном фронтах. Успешная оборона Царицына — его заслуга. Он организовал доставку огромного количества зерна в Центральную Россию, что позволило большевикам выстоять. По странной прихоти судьбы в ходе Великой Отечественной войны оборона Сталинграда оказалась таким же ключевым эпизодом, что и оборона Царицына в Гражданскую.

Иосиф Виссарионович вовсе не был «ангелом революции». Но ее «демоном» по праву считали Троцкого. А в наше время значительно преувеличены его заслуги в Гражданскую войну и замолчаны провалы, не говоря уже о том, что он, по-видимому, сознательно усугублял кровавую междоусобицу. После Гражданской войны, где Троцкий выступал в бенефисной роли «главного героя», когда надо было возрождать Россию, Лев Давидович занялся партийными дразгами, уклонялся от «черновой» работы.

Он был убит по приказу Сталина. Значит, последний тем самым доказал свою склонность к преступлениям. Разве жертва не заслуживает сочувствия? Но примем во внимание два обстоятельства. Во-первых, Троцкий еще в середине 1930-х годов предлагал своим соратникам «убрать Сталина». Кое-кто из них пытался позже представить дело так, будто речь шла о смещении Сталина с его постов; этому трудно поверить, ибо сделать так можно было, только убив его. Во-вторых, санкцию на теракт Сталин дал через пару лет после того, как Троцкий предложил «убрать» его. По свидетельству одного из исполнителей, П.А. Судоплатова, обосновал задание Иосиф Виссарионович так:

— Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены в случае нападения империалистов на Советский Союз в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению...

Вспомним, какую лживую и клеветническую статью о Сталине опубликовал Троцкий во влиятельной американской газете («Сверх-Борджиа в Кремле»). Все его писания в то время были, по сути дела, антисоветскими. Его убийство было политической акцией, призванной укрепить обороноспособность СССР.

Можно обвинить Сталина в организации убийства. Но разве не в миллионы раз больше жертв на совести у тех руководителей западных государств, которые сознательно натравливали Гитлера на Советский Союз? А почему бы не осудить, скажем, Клинтона за приказ бомбить Сербию или Буша за убийство сотен тысяч иракцев? Ведь эти деятели вовсе не имели в виду безопасность США.

Троцкий стал одним из наиболее почитаемых деятелей советского периода, когда начались «демократизация» СССР, а затем и его расчленение. Казалось бы, такой рьяный революционный глобалист, жесточайший каратель времен Гражданской войны, ничего не сделавший для восстановления России, зато активно участвовавший в Октябрьском перевороте (который новоявленные демократы из партократов стали дружно проклинять)... Что привлекло идеологов антисоветской России в образе Троцкого?

Главное — стремление противопоставить его Сталину. А ведь основное различие в том, что Троцкий ловко разжигал революционную смуту, губительную для России и русского народа, а Сталин упорно создавал великую сверхдержаву — Советский Союз. Он руководил страной в тяжелейшие периоды социалистического строительства и Великой Отечественной войны. В обоих случаях Сталин вышел победителем.

Стиль и личность

«Стиль — это человек», — сказал знаменитый французский естествоиспытатель XVIII века Бюффон, отличавшийся изящным слогом. Он отметил, что в стиле проявляются личные каче-

ства, тогда как идеи являются достоянием многих. Тем не менее по стилю есть возможность судить о некоторых чертах характера человека и даже отчасти его эпохи.

Вот, к примеру, высказывание талантливого писателя, получившего европейское признание и считавшегося мастером художественного слова:

«Стиль большевистской эпохи — в мужестве, в сдержанности, он полон огня, страсти, силы, веселья. На чем можно учиться? Посмотрите, как Сталин куёт свою речь, как кованы его немногочисленные слова, какой полны мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, со словом нам надо».

Так утверждал Исаак Бабель на Первом съезде советских писателей в 1934 году. Уже начинался культ Сталина. И все-таки вряд ли Бабель сильно покривил душой. Зачем? В его «Конармии» образы легендарных буденновцев так реалистичны, что их командарм от обиды и злости, говорят, ответил на вопрос, знает ли он, кто такой Бабель: «Это, смотря, какая бабель».

Можно ли согласиться с Исааком Эммануиловичем, или он был то ли запуган (хотя не был трусом), то ли поддался гипнозу культа личности Сталина? Мне кажется, с ним нужно хотя бы отчасти согласиться. Когда в революционном угаре партийные ораторы выражались многословно и с мишурным блеском, Сталин предпочитал деловой тон.

Французский писатель Анри Барбюс так высказался о выступлениях Сталина: «Он никогда не старался превратить трибуну в пьедестал, не стремился стать “громовой глоткой” на манер Муссолини или Гитлера или вести адвокатскую игру по типу Керенского, так хорошо умевшего действовать на хрусталики, барабанные перепонки и слезные железы слушателей; ему чуждо гипнотизирующее завывание Ганди».

Немецкий писатель Лион Фейхтвангер пояснял причины особенностей сталинского стиля: «Так говорит Сталин со своим народом... Его речи очень обстоятельны и несколько примитивны; но в Москве нужно говорить очень громко и отчетливо, если хотят, чтобы это было понятно даже во Владивостоке. Поэтому Сталин говорит громко и отчетливо, и каждый понимает его слова,

каждый радуется им, и его речи создают чувство близости между народом, который их слушает, и человеком, который их произносит».

Тут стиль писателя подобен сталинскому (хороший литературный прием). Важно подмечено, хотя и не вполне определенно подчеркнуто доверительное отношение Сталина к слушателям и читателям. Его стиль не был нарочитым. Он определялся особенностями личности. Ведь Сталин всегда меньше всего думал о собственных интересах. Он был не столько «прирожденным атаманом», как считал Алданов, сколько борцом за идею, можно даже сказать, народным вождем. Именно **народным**, а не возвышающимся на трибуне над толпой, как «большой начальник».

Лев Давидович в этом отношении вел себя иначе. Он упивался собственным красноречием и умел зажечь толпу пламенными лозунгами; как теперь говорят, «завести». Алданов привел несколько «перлов» Льва Давидовича. После покушения Каплан Троцкий воскликнул: «Мы и прежде знали, что у товарища Ленина в груди металл!» Или такое восклицание, достойное героя Салтыкова-Щедрина: «Если буржуазия хочет взять для себя все место под солнцем, мы потушим солнце!» Или образец сарказма: «Империалистическое копыто г. Милюкова».

«Клише большевистской типографии, — пишет о Троцком Марк Алданов, — он умеет разнообразить стопудовой иронией: «В тех горних сферах, где ведутся приходно-расходные книги божественного промысла, решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика, а бразды правления вручить Родзянко, Милюкову и Керенскому»». (С такими ужимками политик описывает отречение царя и переход власти к Временному правительству!)

Можно добавить несколько из многих возможных подобных примеров. «Ленин безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию», и в результате «ей неизбежно придется «лопаться по всем швам»». «На фронте политические отделы рука об руку с заградительными отрядами и трибуналами вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии».

Безусловно, не всегда Троцкий допускал стилистические ляпы. Писал он, в общем-то, неплохо. Оценка его литературного

таланта зависит от принятого критерия качества. Кому-то могут понравиться и приведенные выше высказывания Троцкого.

Сравнение стилей Сталина и Троцкого помогает понять, почему основная масса членов партии, не обладающая массовой психологией толпы, легко поддающейся эмоциям, склонная к рассудительности и здравому смыслу, предпочитала видеть своим вождем после Ленина не Троцкого, а Сталина.

Можно предположить, что это связано с тем, что основную массу делегатов представляли кадры, за подбор которых отвечал Сталин. Они могли быть ему благодарны или даже преданы. Им вдобавок нравился простой, доходчивый стиль его выступлений.

Сталина поддержало и большинство членов ЦК партии, Политбюро. Среди них преобладали старые большевики. Чем объяснить их выбор? Они должны были постараться выполнить завет Ленина о замене Генерального секретаря. Как можно было послушаться прославляемого, пусть даже в данное время тяжело больного вождя?!

Кого же предпочел Ленин?

Ильич предложил сместить Сталина с поста Генсека, не сказав о том, кого же он рекомендует взамен. Назвал несколько имен (кроме Сталина), только и всего. А кто же, по его мнению, может его заменить? Непонятно.

Можно возразить: он был подлинным демократом, а потому не мог навязывать съезду свое мнение. Назвал возможные кандидатуры, но не стал настаивать и предпочел положиться на волю большинства.

В такое объяснение трудно поверить. Подобных замашек, едва ли не всегда рассчитанных на публику, лицемерных и достаточно характерных для буржуазных политиков, у него не было. Во многом его можно обвинять, но не в показной демагогии. Тем более когда она не имела никакого смысла.

Вообще-то имеются «аналитики», сумевшие довести до идиотизма версию о Сталине как злодее всех времен и народов.

Они высказали мнение, будто он запугал своих коллег и они с перепугу проголосовали за него. Тогда получается, что партийные деятели и делегаты съездов были одержимы манией преследования и страдали от безотчетных страхов, а их генсек-параноик упивался властью. Нечто подобное счастливому сочетанию мазохистов с садистом.

Проще предположить, что сторонники такой версии утратили либо разум, либо совесть. Ибо в те времена у Сталина не было возможности заставить партийных деятелей голосовать за себя. Они делали выбор по своему разумению. Как показали последующие три десятилетия, их выбор был совершенно верным с позиций укрепления государства и партии, хотя для некоторых из них он оказался роковым.

Итак, не предложив ни одной, ни нескольких (что было бы вполне «демократично») кандидатур вместо Сталина, Владимир Ильич определенно показал, сам того не замечая, что у него на примете нет никого.

Ну а как же Троцкий? Разве не его назвал Ильич одним из двух выдающихся вождей в составе ЦК (сам он — не в счет) и самым способным из них? Казалось бы, другого выбора нет, несмотря на некоторые указанные недостатки данной кандидатуры. Почему же Ленин не решился назвать эту фамилию?

Эту тайну политического завещания Ленина разгадать не просто. Он не оставил на этот счет никаких объяснений. Придется, как говорится, читать между строк. Красноречивый факт: автора письма не может в полной мере удовлетворить ни один из названных товарищей.

Он выделил первых двух, но с оговорками. Некоторые его замечания не назовешь убедительными, они смахивают на придирки. Никого, судя по его словам, нет оснований считать его преемником. Никто не может его заменить. Поэтому, возражая против Сталина, он не предложил никого другого.

Ильич выбрал на эту должность... самого себя.

Безусловно, он не рассуждал о том, кто самый хороший и умный в партии, кто достоин поста Генерального секретаря, и, перебрав все кандидатуры, остановил свой выбор на себе. У него достало бы сообразительности завуалировать такие мысли и

предложить хотя бы для соблюдения формальности, «для бле-зира» две-три кандидатуры.

Он этого не сделал. Значит, писал (диктовал) спонтанно, искренне, не думая о каких-либо хитростях, не лицемеря. А объективно выходило: пока он жив, ни о каком его преемнике говорить не приходится.

Пожалуй, так думало и подавляющее большинство партийцев. Конечно, тогда еще не было того культа Ленина, который сформировался позже отчасти стихийно, а преимущественно благодаря государственной пропаганде. Тем не менее все признавали гениальность Ленина как политика. Ему удалось сделать нечто невероятное: небольшая фракция (большевиков) Российской социал-демократической рабочей партии сумела захватить власть в гигантской стране, упрочив свое господство.

И все-таки есть определенная странность в том, что Ленин не назвал своего преемника. Ведь в эти месяцы он не раз думал о самоубийстве. Прекрасно понимал, что может вскоре умереть или стать недееспособным. Человеку в таком положении свойственно задумываться о своем наследстве и наследниках. А единственное наследство Владимира Ильича — верховная власть в России-СССР.

Зная о распрях в Политбюро, о почти непреодолимых противоречиях между Сталиным и Троцким, образовании неформальных фракций внутри партии, Ленин волновался за успех дела всей его жизни. При своей любви к первенству и умении властвовать он не был, так же как и Сталин, честолюбивым, избегал позерства, не стремился срывать аплодисменты и овации, выслушивать восторженные отзывы о себе, унижать других.

Ленину нужна была власть не для личных утех, не для того, чтобы тешить свое самолюбие или удовлетворить комплекс неполноценности. Она была ему необходима для реализации его идей, которые он сделал целью своей жизни. Тот, кто сделал своей целью приобретение капиталов, кому дороже всего личное благосостояние, кто ради этого готов идти на подлости, унижения, а то и преступления, тому психология этих людей патологически чужда...

Итак, Ленин предложил устранить Сталина от должности генсека. Однако партийные массы и даже «элита» не согласились с этим. В этом редком случае интуиция масс оказалась ближе к истине, чем незаурядный разум вождя.

Суд истории

Каждый из нас судит о прошлом чаще всего под явным или скрытым (что более серьезно) давлением общественного мнения. А оно меняется в зависимости от того, у кого в руках власть и капиталы, кто контролирует СМРАП (средства массовой рекламы, агитации, пропаганды).

Суждения людей изменчивы и противоречивы. Суд истории суров, беспощаден и отмене не подлежит.

Об этом в современной буржуазно-демократической России принято забывать. Теперь даже многие историки, не говоря уже о журналистах, вершат суд над историей. Немногие честные и квалифицированные специалисты стремятся постичь прошлое. Однако их работы издаются небольшими тиражами. За последние десятилетия массовыми являются не электронные СМРАП. Важнейшая их роль для имущих капиталы и власть — использование психотехнологий для интеллектуального и духовного закабаления народа, внедрения в сознание миллионов дезинформации.

Это не означает, будто СМРАП постоянно изливают грязную ложь. На то и психотехнологии, чтобы предоставлять правду, приправляя ее дозами лжи, создавать информационный шум мелко раздробленными новостями, где важные сведения теряются в пустяках, воздействовать на эмоции материалами о катастрофах, убийствах. Главное — не давать возможности задуматься, сопоставить факты, сделать самостоятельные выводы.

Для таких целей идеальное средство — теле- и радиопередачи. В отличие от книги, журнала, газеты они протекают в режиме реального времени, заставляют зрителя или слушателя войти в искусственную (техногенную) аудио- или видеосреду и направляют его мысли и чувства в определенное русло.

Простейший прием воздействия на подсознание — повторять определенное утверждение между прочим, как само собой разумеющееся, как нечто всем известное. Или сослаться на авторитет. Тогда в сознании людей имена — Иван Грозный или Сталин — порождают внедренный штамп: «тиран и коварный злодей», тридцать седьмой год — «массовые репрессии», Советский Союз — «тоталитарное государство», «империя зла», ГУЛАГ — «система концлагерей для инакомыслящих», советский человек — «тупой совок», русский — «оккупант», «фашист»...

Эти определения подлы и лживы? Не беда! Благодаря нехитрым приемам они будут неоспоримы и неотразимы. Как этого добиться? Действовать напористо и нагло. Ссылаться на слухи, пользоваться единичными и ничего, по сути дела, не доказывающими фактами, фальсифицировать материалы, не гнушаться ложью и клеветой.

Так, говоря о репрессиях, называют несусветные цифры в десятки миллионов (тут и Солженицын солжет, не краснея, из ненависти к красным). Утверждают, что Сталин был параноиком, а его соратники — тупицами и трусами. Намекают, будто в ГУЛАГе находились лишь невинные жертвы режима и политзаключенные...

Не стану продолжать. Подобную ложь много раз разоблачали В. Кожинов, С. Кара-Мурза, В. Бушин и немало других знающих и честных людей. Разве что-нибудь от этого изменилось? Клевету на Советский Союз, советский народ, Сталина продолжают изливать отечественные СМРАП, как ни в чем не бывало, изобильно и непрерывно. Чистая правда поступает ничтожными порциями и обычно попадает к тем людям, которые и без того ее знают или о ней догадываются.

Почему требуется исказить именно историю? Потому что представления о прошлом формируют картину настоящего.

Вот, например, в интервью по ТВ 9 июня 2001 года Солженицын признал, что Ельцин, Гайдар и Чубайс ограбили народ. И обмолвился: мол, в советское время расстреливали миллионы людей. Лукавый прием: что для вас лучше, быть ограбленным или убитым? Тут же, как о всем известной истине, сказал о миллионах расстрелянных. Солгал. Известно (даже по радио

однажды сообщили), что с 1921-го по 1953 год было у нас расстреляно менее 900 тысяч человек. Среди них были, в частности, военные преступники.

Представьте себе, какое впечатление сложится у вас о человеке, про которого вам будут рассказывать только плохое, преувеличивая его недостатки, смакуя ошибки, выдумывая пороки, сообщая сомнительные сведения как достоверные. Естественно, сложится о нем негативное впечатление, даже если вы его знаете с самой лучшей стороны.

Помнится, великая балерина Галина Уланова незадолго до смерти призналась, что даже не подозревала, в каком ужасном обществе жила при Сталине. Другая великая балерина, Майя Плисецкая, утверждала, будто ее третировала советская власть, как бы позабыв, что еще в 1959 году она стала народной артисткой СССР, а в 1985 году была удостоена почетного звания Героя Социалистического Труда.

(Кстати, лишь одну эту награду носил Сталин, которого представляют маниакальным честолюбцем. Он возражал против присвоения ему звания Героя Советского Союза, ссылаясь на то, что не совершал геройского подвига. Но разве не беспримерным подвигом в эти годы было его руководство не только действующей армией, но и тылом, партизанским движением, разведкой, внешней и внутренней политикой?)

За последние 20 лет принадлежность к семье бывших узников ГУЛАГа или к «репрессированным народам» стала преподноситься как печать избранности. И никто толком не пояснит: а за что же были высланы представители некоторых национальностей? Почему они не вымерли, как ныне вымирает русский народ, а за все те годы увеличивались в числе? И разве в ГУЛАГе пребывали одни невинные? Я, например, был знаком с десятком лагерников, и никто из них не был без вины виноватым. Конечно, были исключения, но только не в массовых масштабах.

...Слишком легко, просто и комфортно быть гуманистом, борцом за права человека и критиком тоталитарного режима, выдавая себя за демократа и беспокоясь не о народе, а о собственной выгоде, угождая своим финансистам или начальникам, ни за что не отвечая.

При этом прошлое представляется, обсуждается и осуждается с позиций современных. Напрочь отбрасывается исторический метод, предполагающий предельно точное воссоздание обстановки определенного периода и стремление исходить из нее, как бы переносясь в ту пору, ставя себя на место людей той эпохи.

В буржуазном обществе у его защитников и пропагандистов в цене демагогия. Деятели в политике или в СМРАП переиначивают историю на свой лад. Они сознательно извращают прошлое. Люди, превратно представляющие историю своей родины, превращаются в бездумных марионеток, не способных адекватно реагировать на происходящее под гипнозом внедренных в их сознание штампов.

Об этом еще в 1915 году писал поэт-философ Максимилиан Волошин:

Ложь завлакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма
Течет и лепится, как воск.

И, гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.

Можно возразить: а разве советская пропаганда не искажала историю? Да, искажала. Вопрос лишь в том, до какой степени и в каких целях.

Например, В. Кожин справедливо возмущался словами Сталина, выступавшего в феврале 1931 года на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били...» Тут Вадим Валерьянович сделал пропуск. Напомним это обстоятельство. И учтем, что там же у Сталина высказана еще более возмутительная мысль: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества».

Вот вам и русский великодержавный шовинист, вот и руководитель Великой России—СССР! Его послушать, так у русского народа до победы большевиков вся история состояла из битья и не было никакого великого Отечества.

Правда, следует учесть обстановку того времени, цель доклада и привести высказывание вождя без пропусков. Тут он объясняет, в частности, почему не может последовать совету Ленина не торопиться.

«Иногда спрашивают, — говорил Сталин, — нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно...»

Общий посыл понятен: убедить слушателей в необходимости мобилизовать все ресурсы для индустриализации страны. Используются не только риторические, но и демагогические приемы. Не упомянуто, например, что русские били и монгольских ханов, и турецких беев, и шведских феодалов, и польско-литовских панов. Правда, поражения в Крымской и японской войнах остались безответными. Казалось бы, только о них бы и следовало говорить. Тут явное желание очернить всю историю страны.

Сталин сделал оговорку — «между прочим». Можно это понять как намек на то, что о наших победах не будет сказано. Он ведь не сослался на разгром французской армии в Отечественной войне 1812 года. Но все-таки оговорка не может затушевывать несправедливое — «непрерывно били». Явная ложь или, во вся-

ком случае, сильное преувеличение. Зачем это сделано? Ради унижения старой России? Да. Но с тем, чтобы подчеркнуть, пусть и в утрированном виде, ее отсталость. Это, по его мнению, должно вдохновить слушателей на строительство новой, индустриальной России.

Он продолжил: «Помните слова дореволюционного поэта: “Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь”. Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: “ты обильная” — стало быть, можно на твой счет пожить. Они били и приговаривали: “ты убогая, бессильная”, стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать».

Как видим, он даже отчасти неправдами стремится доказать главную мысль своего доклада. Ради этого пренебрегает исторической точностью и справедливостью. Его может оправдать лишь то, что он делает не научный доклад, а политический и позволяет себе ложь или, точнее, не всю правду ради укрепления СССР, новой Великой России.

С той же целью он высказал сомнительную мысль о том, что «у нас не было и не могло быть Отечества». Если понимать Отечество в привычном для нас значении «родина», «место рождения», то получается нелепость. Родина есть у каждого, кто рожден, и отрицать это глупо. Вряд ли Сталин этого не понимал.

Значит, он имел в виду другой смысл этого слова: «Государство, в отношении к подданным своим» (так пояснено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля). И он пояснил: «Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое Отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость?..

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Так поставлена проблема. Прав Сталин? Да, прав. Через десять лет началась Великая Отечественная война. Успели мы до этого срока провести индустриализацию? Да, почти успели. И только поэтому победили в войне, где решали все техника, общее состояние страны и духовная мощь народа.

Вот характерное признание В.И. Вернадского, убежденного индивидуалиста и поборника прав личности, свидетеля двух мировых войн и революций. Сравнивая Первую мировую с Отечественной, он сделал вывод: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерами и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей».

Правда Сталина заключалась в том, что к трудящимся прежней России государство и руководство не относились по-отечески. Выражение «царь-батюшка» звучало аллегорически. Какой это батюшка, если его надо почитать как наместника Бога на земле? Если ему надо кланяться в ноги? Если к нему нельзя обратиться, как к отцу родному?

В этом отношении новый «хозяин» несравненно больше подходил на отца. Новая государственная власть относилась к трудящимся по-отечески, а не свысока, по-барски или с показной «демократической» простотой.

Сталин был прав даже тогда, когда говорил не полную правду, а то и неправду. Потому что он не только говорил, но действовал. Не ради себя — ради Великой России, советского народа, русской и, шире, советской многонациональной культуры. Он поднял страну на трудовой подвиг. Он не дал врагам смять нас.

История бесспорно доказала правоту Сталина даже в тех случаях, когда он был не совсем прав или даже ошибался.

Такова правда истории. Она рассудила именно так.

Правда истории еще и в том, что произошли в 1917 году Февральская и Октябрьская революции (они так могут называться по своим последствиям). Есть уму не постижимые нынешние «мыслители», не обсуждающие, а осуждающие их. Они подоб-

ны герою Салтыкова-Щедрина, призывавшему закрыть Америку. Но самое печальное, если не катастрофическое для нашего общества: к таким «мыслителям» прислушиваются, а то и воспринимаяют их как пророков.

Бесстыдные и продажные духовные пигмеи вершат суд над Историей. Они переиначивают и переписывают, извращая, прошлое; внедряют в сознание и подсознание десятков миллионов лживую версию исторических событий и уродуют образы великих исторических личностей. Пока господствуют кланы ГВ (Глобальных Владык), с этим ничего не поделаешь. В этом трагедия нашего времени.

Крушение двух держав

Российская Федерация в современном виде появилась после расчленения СССР. Это всемирно-историческое событие до сих пор остается отчасти загадочным, отчасти непонятым, отчасти лживо преподносимым публике. От официальных деятелей и комментаторов, не говоря уже о «прорабах перестройки» и «реформаторах», часто можно услышать: Советский Союз был в глубоком кризисе, он развалился сам собой. А вот Российскую империю уничтожили большевики вкупе с зарубежными и внутренними врагами русского народа, православной веры и царя.

О крахе Российской империи мы уже говорили — к этому процессу большевики, в сущности, не были причастны. Революционеры — народники, народовольцы, эсеры — четыре десятилетия подрывали основы самодержавия. К ним присоединились социал-демократы. Наиболее влиятельной была партия буржуазии, выступавшая за конституционную демократию, — кадеты.

В работе Сергея Булгакова «На пиру богов» (1918) царский генерал говорит: «Россия есть царство, или же ее вообще нет... Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной, “конституционно-демократической” России. Нет, лучше уж большевики... сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости все-

русской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живою не выбраться бы!.. В революции кругом виноваты они!.. Они ее готовили, они ее хотели, а теперь обижаются, что не по-ихнему выходит, что сами получили в шею...»

Его мысль уточняет дипломат: «Вы слишком многое здесь приписываете кадетам и их союзникам и столь же низко расцениваете тем самым прочность излюбленной вами “священной теократической власти”, если допускаете, что ее можно было свалить интригами или думским блоком, или даже, как утверждают иные, подкупленными чьим-то золотом полками. В том-то и дело, что революции у нас никто не делал и даже никто по-настоящему так скоро и не ждал: она произошла сама собой, стихийной силой. Давно уже подгнивший трон рухнул и развалился, и на его месте ничего, ровно ничего не осталось».

Февральская революция справедливо представлена как анархическая. Кадеты и прочие буржуазные партии, ориентированные на западную модель развития общества, подобно марксистам-меньшевикам и эсерам так и не смогли осознать, что установление парламентской республики, «всероссийской говорильни» в тяжелейший период, переживаемый страной, равносильно ее разрушению. Ибо в критических ситуациях требуется напряжение всех сил, единство, твердое и оперативное управление, жесткая, а то и жестокая верховная власть.

...Изучение прошлого будет пустой забавой, если не уметь усваивать уроки истории, не соотносить прошлое с настоящим и будущим. Поэтому надо вспомнить, как с невероятной легкостью, буквально в одночасье развалился Советский Союз (Великая Россия). Он лишился фактически всех своих союзников, был расчленен по инициативе трех весьма сомнительных деятелей, засевших в заповедной пуще на западной окраине (характерная черта!) страны. На этот раз были свергнуты социалистическая система и «самодержавная власть» КПСС; установились конституционно-демократическое государственное устройство и капитализм (под нелепым названием «рыночная экономика»).

Нетрудно усмотреть едва ли не полную аналогию падения царского режима и победы новоявленных кадетов, эсеров и мень-

шевиков, провозгласивших отказ от социализма, советской власти во имя буржуазной демократии западного образца — так называемой рыночной экономики и «открытого общества», частной собственности на средства производства, многопартийности, парламентаризма.

Только вот социалистический общественный уклад оказался настолько слабым, что рухнул в отличие от царизма без мировой войны...

Нет, конечно же, она была, и очень яростная. Но проходила не явно, с героическим риском для жизни людей, а скрытно, исподтишка, хитро и нечисто. Говорят, была информационная война. Название неверное или даже лживое, призванное скрыть ее сущность. В борьбе против СССР применялась не информация, а преимущественно дезинформация, клевета на социализм и пропаганда американского (западного, буржуазного) образа жизни. Была война СМРАП. В такой «смапной» войне побеждает подлейший.

Подрыв морального духа и единства советских людей шел активнейшим образом (отчасти продолжается, поныне) по нескольким направлениям.

Пробуждали национализм и возбуждали национальную рознь (особенно успешно — в Прибалтике, Грузии, Украине). Использовали религиозную веру, сталкивая православных с атеистами, исламистов с христианами и в то же время насаждая всевозможные суеверия, колдовство и магию, гороскопы и астрологию, псевдонаучные бредни.

Натравливали одни социальные группы на другие, стараясь унижить трудящихся и выпятить роль интеллектуалов, предпринимателей, банкиров. Даже «Собачье сердце» М. Булгакова представляли так, будто главным отрицательным героем там является не Швондер, а уж тем более не профессор, делающий эксперименты на людях, а несчастный Шариков (подразумевая под ним пролетария).

Противопоставляли «красный террор» чистоте и благородству Белого движения. Порождали монархистов, не имеющих никакой реальной опоры, а лишь мнимую преданность «России, которую мы потеряли», с балами, лакеями, юнкерами, под «хруст

французской булки». Возникли даже лже-Романовы, претендующие на несуществующий царский трон.

Проклинали коммунистов, якобы погубивших Российскую империю и русский народ, внося раздор по «политической линии». Провоцировали конфликт поколений, убеждая детей и молодежь, что в СССР господствовал чудовищный террор, а строители социализма были трусливыми рабами, тупо исповедующими культ Сталина.

Действенной оказалась реклама якобы свободного, открытого, демократичного, сытого и беззаботного, с личными иномарками и коттеджами, круизами и куртизанками американского образа жизни. У тех, кого гневно обличали Зошенко и Булгаков, Горький и Маяковский, Саша Черный и Заболоцкий; у тех, кто жаждет материальных благ и стремится получать максимальную плату за минимальный труд, — у таких людей пробуждалась острая зависть к зарубежным буржуа и ненависть к социализму. Подобных граждан и гражданок у нас появилось много.

(Я не был членом КПСС, при Сталине не боготворил его, работал геологом и прекрасно знал недостатки нашего государственного строя, но с презрением относился к так называемым диссидентам, врагам не только СССР, но и России, советского народа.)

Некие, называвшие себя патриотами, предлагали отделить Российскую Федерацию от «подбрюшья» и прочих частей, мешающих процветанию русского народа. Так было сделано. Что произошло в результате? РФ опустилась до уровня слабо развитых государств по уровню жизни населения, коррупции, падению научно-технического потенциала и культуры. Русский народ стал вымирать физически и деградировать морально.

Едва ли не самый губительный удар был нанесен по СССР партийным руководством. Оно поддержало кампанию клеветы, развязанную Хрущевым против умершего вождя с повторением наглой лжи геббельсовской пропаганды о 10 миллионах политических заключенных и миллионах безвинно расстрелянных при Сталине. Хрущев утверждал, будто Сталин руководил военными операциями по глобусу. А в зале сидели работники МВД

и маршалы, которые знали, что все это — ложь, но не посмели возразить новому партийному вождю.

Дело было, конечно, не в почившем вожде, а в символическом значении его имени, которое олицетворяло именно Россию-СССР, успехи социалистического строительства, нашу великую Победу. Одно лишь переименование Сталинграда, в боях за который полегло почти два миллиона наших и фашистских солдат, офицеров (именно — за Сталинград, а не за безликий Волгоград), стало осквернением их памяти.

По признаниям некоторых представителей высшей партийной номенклатуры (Горбачева, Ельцина, Яковлева, Гайдара и пр.), они сознательно разрушали социалистический строй. Подобных деятелей, внутренних врагов, оказалось слишком много. Это — значительная сила, если учесть, что они стояли у рычагов управления государством. М.С. Горбачев, принимая в США очередную денежную премию, искренне признался: «А меня на родине называют Иудой». Как говорится, умри, лучше не скажешь.

Были подобные иудушки в период Февральской революции? Некоторые причисляют к предателям тех, кто присутствовал при отречении Николая II, а также и великого князя Михаила, и особенно кадетов. Однако надо иметь в виду: они были честными приверженцами ограниченной монархии, не собираясь радикально менять государственное устройство страны. Их напугали анархические выступления солдатских и рабочих масс. Вопрос о переходе страны к буржуазной демократии отложили до созыва Учредительного собрания. Все это никак не похоже на сознательное вредительство и предательство части партийной номенклатуры КПСС во главе с Горбачевым и Ельциным.

Подрывная работа против СССР велась очень долго, с использованием разнообразных средств. Вдобавок прогнила партноменклатура, из которой и вышли главные враги социалистического строя, народной демократии.

Уточню: я не собираюсь утверждать, будто у нас были близкий к идеалу «развитой социализм», народовластие и торжество советской власти. Обо всем этом надо говорить с оговорками, учитывая существенные отклонения от теоретического иде-

ала (реальность никогда не соответствует идеалу, на то он и идеал). Наиболее тяжелым недостатком стала диктатура партийной номенклатуры.

Отделить партийную «элиту» от управления государством, ограничить ее господство постарался сделать Сталин, пытался — Маленков. Победа Хрущева означала господство партийной номенклатуры. Для достаточно высокого чина и получения льгот главным критерием стало наличие партбилета. (Помню, мать безуспешно уговаривала меня вступить в партию именно по таким соображениям: мол, зачем уступать место наглым и бездарным карьеристам?)

При определенном сходстве крушения Российской империи и Советского Союза есть и существенная, возможно, даже принципиальная разница. В феврале 1917 года свершилась анархическая революция, после чего власть перешла к Временному правительству. Вторую буржуазную революцию осуществили исподтишка. В первом случае произошло возмущение и вооруженное восстание народных масс. Во втором был «дворцовый переворот»: одна группа партийной номенклатуры свергла другую.

Главное сходство двух этих всемирно-исторических событий в том, что в результате у власти оказались прозападные группировки, приверженцы буржуазной демократии. В первом случае власть их оказалась шаткой, временной, менее девяти месяцев, а во втором они укрепились всерьез и надолго.

Крушение великой державы — социальная катастрофа, кризис власти. Вопрос лишь в том, каковы последствия. О них судят не по ближайшим результатам переворотов, а по прошествии одного-двух десятилетий.

Тем, кто проклинает революции 1917 года и большевиков, напомним: тогда после страшной разрухи и Гражданской войны советский народ под руководством Сталина за три пятилетки создал великую сверхдержаву — СССР, а затем победил в жесточайшей войне, где ему противостояла почти вся Западная и Центральная Европа, после чего за 5 лет восстановил страну.

Как же тогда относиться к горбачевской «перестройке» и ельцинским реформам, к буржуазной революции 1991 года? Ве-

ликая Россия—СССР была расчленена, потеряла треть территории и почти половину населения, бросила на произвол судьбы 25 миллионов русских, превратилась в слаборазвитую страну, сырьевой придаток Запада, денежные активы которой хранятся в зарубежных банках и обогащают другие страны?!

Хулители Советского Союза должны были бы не печалиться о далеком прошлом, которого они толком и не знают, а свирепо проклинать власть олигархов и коррумпированных чиновников, при которой больше половины населения бедствуют, кончают жизнь самоубийством ежегодно около 60 тысяч (!) человек, русский народ вымирает, а культура деградирует. И за 20 лет ситуация существенно не улучшилась! Почему бы этим «патриотам» не возопить: «Господи! Какую же державу мы потеряли! Предали! Продали!»

Они приспособились к новым хозяевам. Возможно, кого-нибудь из них или из тех, кто внушает им идеологическую нечисть, возмутят мои слова. Мол, не призывает ли этот автор к свержению существующего строя? Не пора ли призвать его к порядку по всей строгости правового государства?

Должен признаться: мне отвратителен тот строй, который по указке врагов России установился на моей Родине. Он губителен для нашего народа, нашей культуры, для нашего будущего. Но если такую самоубийственную систему поддерживает значительная часть нынешних россиян, мне остается только высказывать свою точку зрения. Основана она на многолетней практической работе, изучении биосферы, взаимодействия с ней цивилизаций, а также истории мировой духовной культуры.

Мое мнение остается личным; его каждый имеет возможность оспорить, дополнить, а то и опровергнуть. Одно лишь требуется — честность. Полезно иметь определенные знания, и не внушенные, а выработанные своими умственными усилиями для поисков истины и ради высших целей.

Эпилог

МИФЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Все видеть, все понять, все знать, все
пережить,
Все формы и цвета вобрать в себя
глазами,
Пройти по всей земле горящими
ступнями,
Все воспринять и снова воплотить.

Максимилиан Волошин

А они, не веря в чудо,
Вечно заняты едой.
Ждут, безумные, покуда
Распростятся с головой.

Николай Заболоцкий

1

За последние два десятилетия в нашей стране распространилась своеобразная мифология. Она противоположна большинству мифов 1917 года. О ней следует сказать особо, ибо у нас не академическое сочинение, а публицистическое.

Прошлое необходимо познавать не только из любознательности. Оно — основа нашего современного бытия. Осмысливать его надо для того, чтобы жить достойно и чтобы у нашего Отечества, нашей культуры, нашего народа было будущее.

...Некогда китайский мудрец Конфуций полагал: для нормального существования страны требуется, чтобы каждый зани-

мался своим делом, а все вещи назывались своими именами. Огромную роль в смятии умов играют лукавые термины с извращенным смыслом, когда говорят одно, а на деле выходит нечто противоположное. Такова мифология лжи. Например:

Демократия — антинародность.

Перестройка — разрушение, реформы — деформация.

Рынок — спекуляция.

Свобода личности — бесправие трудящихся.

Свобода слова — продажность СМРАП (средств массовой рекламы, агитации, пропаганды).

Популярен миф о первоначальном накоплении капитала. Мол, так было везде и прошло. Вот и в России продолжается переходный период.

Кое-какие державы пережили такой период за счет ограбления колониальных, зависимых и завоеванных стран. Испания и Португалия вывозили из Америки несметные богатства. Это золото и серебро большей частью захватывали британские, французские и голландские пираты (Дрейк был возведен королевой за такие подвиги в рыцарское звание). Британская империя концентрировала в метрополии богатства, вывезенные из колоний. В США активнейшим образом использовался рабский труд еще в XIX веке.

Накопление предполагает концентрацию капиталов в данном государстве. А что происходит в России? Расхищение капиталов и перевод их за пределы страны. Под мифы о «перестройке» и «реформах» произошла невиданная деформация народного хозяйства, падение научно-технического и культурного потенциала, обнищание и вымирание населения.

Разве у нас пострадали только неконкурентоспособные предприятия и отрасли? Наоборот. Наша оборонная промышленность, например, занимала ведущие позиции в мире, и она была разрушена в первую очередь, так же как геологическая служба. Таков закон капитализма: беспощадная борьба всеми способами и средствами, включая и преступные, для уничтожения или подчинения конкурентов. А в России создан режим наиболее благоприятного существования для иностранных производителей в ущерб отечественным.

2

Идеологи капитализма утверждают: убогий русский народ привык жить во тьме невежества, в цепях тоталитарной системы и подавления свобод; не научился пользоваться всеми благами демократии, плюрализма и прогресса. Характерно, что именно данные господа всю свою сознательную жизнь ловко приспособились к социалистической системе, избегая общественно полезного труда, внедряясь в партийные руководящие органы, в привилегированные социальные группы (писатели, журналисты, режиссеры, художники, архитекторы, музыканты). Из этой основательно прогнившей среды вышли нынешние правители и демагоги. Именно они отличаются лицемерием, узостью мировоззрения, духовной несвободой.

Реформаторы утверждали, будто благосостояние россиян повысится, если отказаться от военно-промышленного комплекса, резко снизить расходы на армию. Так и сделали, после чего большинство граждан скатилось за черту бедности.

В докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию (1987 г.) было отмечено: «Страны Восточной Европы с централизованной планируемой экономикой увеличили свою долю в мировом промышленном производстве с 15,2 % в 1963-м до 24,9 % в 1984-м». Обретя «рыночную экономику», все эти страны откатились далеко назад от достигнутых рубежей.

Средняя продолжительность жизни у нас до 1965 года увеличивалась, вплотную подойдя к американскому показателю: мужчина имел все шансы дожить до 66,1 (в США — до 66,8) года. Затем в СССР средняя продолжительность жизни оставалась примерно на том же уровне или даже немного снижалась, а в США поднялась до 71,5.

Что случилось? Затраты на медицину у нас увеличивались, а средняя смертность начала с 1960 года потихоньку расти. Почему? Произошел хрущевский переворот, и в стране установилась партийно-номенклатурная диктатура. Представители госхозпартаппарата быстро наращивали свои материальные богатства за счет обкрадывания населения.

Многие, считающие себя патриотами, возводят хулу на Советский Союз, социалистическую систему, коммунистическую идеологию, на Сталина. Они ссылались на давно отмершую триаду «самодержавие — православие — народность», понося правление «атеистов-безбожников». Их кумир Солженицын выразился просто: «Бога забыли».

Но вот вспомнили о Боге, и руководители страны встали со свечками в храмах. У Русской православной церкви появились огромные льготы; восстановлены сотни порушенных храмов и возведены новые... И все это — именно в те годы, когда Россия опускалась в бездну кризисов.

Что ж получается? В 1930-е годы, когда наш народ строил первое в мире социалистическое государство, Бог был на его стороне. Когда Сталин уничтожал оппозицию, Бог ему помог. Когда грянула страшная война с фашизмом, Бог был за нас. С Божьей помощью советский народ в невиданно быстрые сроки восстановил страну и приумножил ее богатства, а советский спутник Земли и советский человек первыми поднялись в космос.

Но вот нынешние «верующие» прокляли те времена, призывают — невиданное дело! — русский народ к покаянию, и страна погрузилась во мрак. Выходит, хулители великого прошлого СССР — лжепророки, подлинники служители нечистого, ибо живут во лжи, губят великий народ, великую державу, великую культуру. Вот и многие «патриоты», сами того не сознавая, действовали на руку врагам России. Некоторые из них призывали вывести Россию из Советского Союза! Мол, освободимся от «подбрюшья» и заживем богато. Они-то и впрямь обогатились. Да только с народами СССР, включая русский, все вышло на оборот.

Достоинства социалистической системы позволяли нашей стране развиваться, несмотря на бездарную партократию. Мы эксплуатируем ранее разведанные месторождения полезных ископаемых, используем накопленные ранее производственные мощности, потребляем энергию, которую вырабатывают созданные в прежние годы ГЭС, ТЭС и АЭС. Существоем за счет советского прошлого, которое проклинают нынешние антисоветские идеологи и пропагандисты.

СССР с 1925 года за три пятилетки после страшной разрухи превратился в сверхдержаву, уступая по ВВП лишь США. За три пятилетки капитализма от великой державы остались лишь жалкие остатки. Говорят, РФ развивается. Но почему же при гигантских доходах олигархов, число которых возрастает, а их капиталы растут, вымирает и нищает население? Значит, создано антинародное государство.

В развитых капиталистических странах перенимали достоинства социалистической системы. А в России отрешились от здравого смысла. Демагоги и жулики быстро вырулили страну на задворки цивилизации, в давно уже пройденные, проклятые и забытые всеми развитыми странами тупики стихийного воровского рынка с безработицей, обнищанием масс, деградацией культуры и нравственности.

3

Какие же факторы привели к крушению СССР, Великой России?

1. Совершенство общественной системы, созданной Сталиным и его соратниками. В изменчивой внутренней и внешней обстановке это чревато серьезным кризисом. Даже смерть одного человека может обернуться национальной трагедией, если это — незаурядная личность и мудрый руководитель государства. Достойной замены Сталину не нашлось.

2. Установление в стране гегемонии руководящей верхушки КПСС, номенклатуры с ее последующей деградацией. Сталин соблюдал баланс между главными «партиями по интересам»: Красная армия, ОГПУ—НКВД, коммунистическая партия, руководство народным хозяйством, местные органы власти (Советы). Абсолютного господства партаппарата добился Хрущев. В привилегированную касту стали проникать те, кто стремился получать максимум благ за минимальный труд, кого прельщали материальное благополучие и власть.

Репрессии прежних времен обрушивались на руководящих работников, нарушавших требования единодушия, жесткой партийной дисциплины. Тогда номенклатура отработывала свои привилегии. При Хрущеве этот слой стал быстро перерождаться. И в этом тоже проявился эффект «излишнего совершенства» системы, которая дает сбой при изъятии из нее всего лишь одного, пусть даже важного звена.

Буржуазные демократии менее эффективны, чем народные, в трудных и критических ситуациях, зато более гибки и устойчивы в спокойные времена. Для них смерть или смена президента не приводит к тяжелым последствиям. Деградация отечественной партноменклатуры и ее окружения привела к тому, что они устроили «революцию сверху», захватив почти все национальные богатства. В этом они пользовались поддержкой иностранного капитала и действовали ему в угоду.

3. Победе буржуазной революции способствовал закон социальной динамики: уменьшение доли производящих работников (крестьян, рабочих) при преобладании служащих, посредников, управленцев. Маркс и его последователи не предполагали, что развитие науки и техники, внедрение электроники приведут к преобладанию работников сферы обслуживания, для которых характерна буржуазная психология, стремление прислуживать начальству (хозяину).

4. Изменение психологии рабочего класса. Чем благополучней становились трудящиеся в СССР, тем основательней пропитывал их «буржуазный дух». Это содействовало проведению буржуазной революции, начатой Горбачевым и завершенной Ельциным.

5. Широчайшее распространение электронных СМРАП позволяет внушать населению идеи ложные, распространять смуту, подавлять здравый смысл.

6. Перерождение интеллигенции. У этой категории населения духовные потребности должны преобладать над материальными. Со временем и тут сказалось стремление к максимальному потреблению. Прежде интеллигенция отличалась независимостью суждений, выступлениями в защиту трудящихся, униженных и оскорбленных, против махрового мещан-

ства, тунеядства, общественного паразитизма. Во второй половине XX века значительная часть интеллектуалов стала откровенно служить имущим власть и капиталы. В условиях электронной наркоцивилизации это вызывает деградацию духовной жизни общества.

7. Постоянная антисоветская пропаганда — сначала из-за рубежа и в группах диссидентов, а к концу века в рамках государственной политики, ориентированной на капитализм. Началом идейного распада общества стали антисталинский доклад Хрущева на XX съезде КПСС и переименование Сталинграда (это явилось глумлением над памятью почти миллиона наших солдат и офицеров, павших за Сталинград). Началось очернение советского славного прошлого, в частности, трудовых подвигов народа в 1930-е годы и победы в Великой Отечественной войне.

8. Идеологическая война, развернутая индустриально развитыми капиталистическими державами против стран социализма, СССР. Она была неплохо организована при гигантских материальных затратах (частично — на подкуп советской номенклатуры, интеллигенции). Страны капитализма не победили в этой идеологической войне в 1930-е годы, ибо значительная часть отечественной и западной интеллигенции считала коммунистические идеалы более справедливыми, морально здоровыми и духовно возвышенными в отличие от буржуазной идеологии.

К 1930 году в СССР стала складываться ситуация, благоприятная для буржуазной революции. Об этом свидетельствуют, в частности, творения Маяковского и Заболоцкого, Зощенко и Булгакова. Коммунистические идеалы стали чуждыми многим советским чиновникам, партработникам, военачальникам, части рабочих. Появление коммунистов-перерожденцев требовало периодических «чисток» партии. Тогда репрессии коснулись привилегированных слоев. А через полвека репрессии обрушились на русский народ, о чем свидетельствует вымирание населения, снижение общей продолжительности жизни, наивысший в мире уровень самоубийств, причем преимущественно мужчин деятельного возраста.

В благополучной Швеции в 1937 году смертность составляла 1,15 %, а в СССР — 1,98 % (при втрое более высоком уровне

рождаемости). А ведь мы к тому времени пережили Первую мировую войну и Гражданскую, страшную разруху. Надо только удивляться, как советскому правительству во главе со Сталиным удалось в кратчайшие сроки возродить державу и поднять жизненный уровень населения.

Что же тогда надо говорить о тех руководителях и их подгосках, которые в мирное и благополучное время довели страну до разрухи, а народ до вымирания! В 1930-е годы все было наоборот. Не потому ли о них распространяют столько лжи и клеветы?

Ключевой фигурой в идеологической подготовке переворота и буржуазной революции стал образ Сталина. Голословно и громогласно его обвиняли, проклинали, словно от его правления (славного правления!) не прошли уже десятилетия, словно его культ не заклеил сам ЦК КПСС. 1937 год стал мифическим — синонимом ужасов и террора в Советском Союзе. На этом грязном и подлом мифе воспитали не одно поколение антисоветских людей в России.

Так перерожденцы оправдывали свое предательство, укрепляли свое господство и приумножали свои богатства. Дело, конечно же, не в личности Сталина, давным-давно ставшей достоянием истории. Трагедия — в унижении советского народа, в глумлении над его героическими деяниями в труде и войне, в восстановлении и укреплении народного хозяйства.

4

Социальная катастрофа произошла с молчаливого одобрения значительной части граждан. Многие понимали: разрушается социалистическая система, расчленяется СССР. Но они надеялись получить личную выгоду: возможность занять иностранку и особняк, существовать как зажиточный буржуа, посещая иноземные курорты...

«Мое! Моя вобла, моя шинель, моя баба! Мое! Вот как бы на этом не споткнуться?!» — пророчествовал в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского матрос Алексей. Теперь вме-

сто воблы — черная икра, вместо шинели — костюм от Кардена, вместо бабы — роскошная проститутка. На том и споткнулись, и шмякнулись в грязь.

Какую социальную систему мы потеряли в конце XX века? Будем судить по высказываниям вполне обеспеченных людей. Вот каковы были в недавнем прошлом ответы на вопрос газеты «Коммерсант»: что бы вы хотели вернуть советского?

— Советскую пенсию в 132 рубля и советские цены (В. Степанков, заместитель полномочного представителя президента в Приволжском федеральном округе).

— Нормальное бесплатное медицинское обеспечение (И. Балло, президент Ассоциации игорного бизнеса).

— Надо вернуть дух патриотизма, который был присущ тому времени (А. Нестеренко, заместитель председателя правления банка «Первое ОВК»).

— Тогдашнюю демократию, когда отношения между людьми были простые и душевные (В. Рыжков, депутат Госдумы).

— Вернул бы веру в наше светлое будущее, стабильность и предсказуемость (С. Бондарович, председатель правления Русского банкирского дома).

— Планирование и госрегулирование. Все развитые демократии нам в этом завидовали (А. Донофиян, генеральный директор ассоциации «Центральная Россия»).

— Открытые окна и двери. Во всех смыслах. Чтобы люди могли ничего не бояться (Н. Дементьева, заместитель министра культуры России).

— Чувство достоинства советского человека. Во мне тогда не было никакого страха (В. Брынцалов, депутат Госдумы, генеральный директор одноименной компании, бывший кандидат в президенты России).

Вот какие получаются достоинства советской системы: низкие цены и высокая пенсия; нормальное бесплатное медицинское обслуживание; дух патриотизма; демократия; простые и душевные отношения между людьми; вера в светлое будущее; стабильность и предсказуемость; планирование и госрегулирование; открытые окна и двери, люди ничего не боялись; чувство достоинства советского человека.

Были у социалистического общества существенные недостатки? Безусловно, были. Но разве существовало когда-либо в истории идеальное общество? «Нет в мире совершенства», — вздохнул мудрый Лис в сказке Антуана де Сент-Экзюпери.

Не может быть общественной модели (даже в теории), годной для любой эпохи и любой страны. Социальные системы подобны экологическим, изменчивым в пространстве и времени. Много зависит от этапа развития данной системы. То, что благоприятно в пору роста и расцвета, может оказаться вредным на стадии «совершенства и кризиса».

За последнее время обстановка в стране несколько оздоровилась, и теперь уже можно услышать гласные отзывы о достоинствах социализма. Однако Россия не та, что два десятка лет назад. И народ русский — не тот. Отношение к русским во всем мире тоже принципиально изменилось. Да и как уважать людей, предавших свое недавнее великое прошлое ради нынешнего прозябания на задворках западной цивилизации?

Конечно, ситуация небезнадежна. США, став мировым жандармом, демонстрируют свою хищную и бесстыдную сущность. Таков нравственный, интеллектуальный, духовный недуг западного общества потребления, его экономическая не состоятельность в долговременной перспективе. Ему необходимо силой навязать свое господство, разрушая неугодные государства и обрекая на вымирание их население. Владельцы крупных капиталов ненавидят социализм и боятся его. Это — очевидное свидетельство в пользу данной социальной системы для нормального, честного, совестливого трудового человека.

5

Надо изучать прошлое, чтобы понять настоящее и получить более или менее надежные ориентиры на будущее. Былое, словно корневая система дерева, определяет все то, что происходит теперь, обуславливая будущее.

В наше смутное время России ее сравнительно недавнее прошлое выступает не только в научном и философском аспекте. Оно стало мощным оружием в руках врагов социализма и коммунизма, СССР, а значит, нашего Отечества.

Перед страной, народом стоит роковой вопрос: «Быть или не быть?» Он вовсе не риторический, не философский, а прагматичный, актуальный. Тем, кому он представляется надуманным или несущественным, напомним несколько очевидных истин, основанных на фактах.

Никогда еще в своей истории русский народ не вымирал устойчиво и неуклонно в мирное время, когда отдельные кланы, группы, личности неимоверно обогащаются за его счет.

Никогда еще великая держава не распадалась без войн и видимых потрясений столь быстро и радикально, утратив не только многие важные составные части, но и дружеское окружение.

Никогда еще русская культура не находилась в таком упадке и не утрачивала до такой степени своего престижа в мире.

Никогда и нигде не было такого шельмования своего недавнего славного прошлого, такого напора антинародной пропаганды, такого торжества лжи, лицемерия, предательства.

Никогда еще не были столь сильны и объединены антиросийские, антирусские силы, и редко было столь мало у нашей родины друзей.

Никогда еще Россия не была экологической, а также интеллектуальной колонией Запада, куда постоянно перетекают в огромном количестве наши энергетические и интеллектуальные ресурсы.

Никогда еще так не обострялся глобальный экологический кризис. Техническая цивилизация вступила в острое противостояние с окружающей природной средой, а это чревато в ближайшие десятилетия потрясениями для всего человечества.

Никогда еще не было такого бесцельного и бессмысленного существования индустриально развитых государств, ориентированных на максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей определенной части населения при полном небрежении к высшим духовным ценностям.

Никогда еще подобные локальные и глобальные проблемы не составляли такого клубка противоречий, как в ХХI веке. Чтобы хотя бы отчасти разобраться в них, необходимо внимательно и честно взглянуть на историю нашей страны и всего человечества.

Никогда не было такой жгучей, хотя и признаваемой немногими необходимости понять прошлое в динамике и взаимосвязи событий. Ибо в противном случае свершится Апокалипсис и Страшный суд над бездумной и безумной нашей технической цивилизацией.

...Мифы прошлых веков призваны были возвысить духовно человека, прославить героев.

Мифы нашего времени унижают человеческое достоинство, прославляют подлых и пошлых рабов капитала, отдавших душу богу-богатству, губящих божественную природу вне человека и внутри его.

Если России суждено возродиться, то начнется это с реабилитации советского периода. Стране, которая забывает и даже поносит свое славное прошлое, которая предаст высокие идеалы и великие завоевания былых поколений, нет смысла существовать.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Великий перелом 3

Глава 1

Октябрь начался в феврале 12

Крах Российской империи 12

Смута 18

Монархия, изжившая себя 25

Кому это выгодно? 32

Миф о Февральской буржуазной революции 36

Синдром «мартобря» 44

Могли ли большевики свергнуть царя? 48

Бациллы революции в plombированном вагоне 52

Что же произошло в феврале-марте 1917 года? 58

О «Размышлениях над Февральской революцией» 66

Глава 2

Война и Октябрь 70

Испытание войной 70

За что боролись в Октябре? 76

Заговор генералов? 82

Козни масонов? 88

«Еврейская революция»? 96

Черносотенцы 106

Анархисты 112

Глава 3

Великая революция или военный переворот?	122
Заговор большевиков?	122
Победа социализма?	130
Образец стратегии или недальновидности?	135
«Ленинская дубинка»	140
Борьба с анархией	146
Свержение Временного правительства	157
Был ли штурм Зимнего?	159
Анархия — мать порядка?	166
Рабочая и крестьянская или солдатская?	170

Глава 4

Революционный эпос	175
Миф о буржуе	175
Миф о пролетариате	183
Духовный бунт	186
Вселенский масштаб революций	191
От «Мистерии-буфф» до «Бани»	196
Искусство политики, или Миф о великом русском народе	202
О социальном рае	210
Миф о Белой гвардии	217

Глава 5

Хаос и порядок	226
Эпоха эпоса	226
Крушение мифа — падение монархии	229
История — это судьба	237

Мятеж, бунт, переворот, революция	242
Извращение и опошление истории	248
«Есть у революции начало...»	254
Социализм как высшая стадия феодализма	258
Мифическая Совдепия	262
Борьба с хаосом	270
Террор	275

Глава 6

СУДЬБЫ ГЕРОЕВ ОКТЯБРЯ	280
Миф о ленинской гвардии	280
Трагедия вождя	282
О культе, личностях и символах	292
Наследник Ильича?	298
Демон революции	302
«Всегда равен себе»	309
«Чудесный грузин»	312
Стиль и личность	316
Кого же предпочел Ленин?	319
Суд истории	322
Крушение двух держав	329

Эпилог

Мифы нашего времени	336
----------------------------------	------------

Научно-популярное издание

Тайны советской эпохи

Баландин Рудольф Константинович

МИФЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *В.А. Ластовкина*

Корректор *С.В. Цыганова*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *М.Г. Хабибулов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.08.2007. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 11. Тираж 7000 экз. Заказ С-1101.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

«Да здравствует революция!» 1917 г. Неизвестный художник

*Первые дни русской революции.
Художник Г. Алексеев. 1917 г. Москва*

Демонстрация в дни Февральской революции. 1917 г.

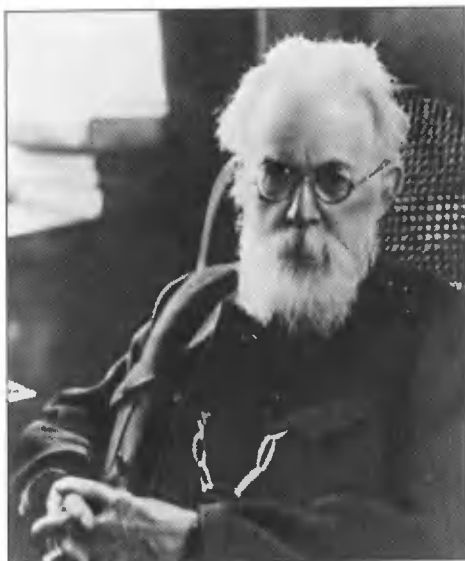
Мариинский дворец — резиденция Временного правительства

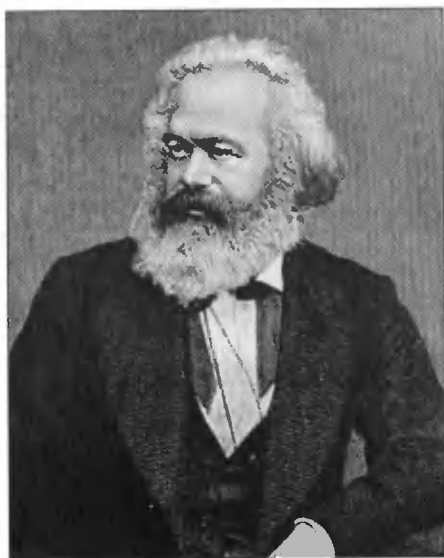
Юнкера в Зимнем дворце

Император Николай II, Александра Федоровна с детьми

В. Вернадский

К. Маркс

Эшелон искалеченных в боях

*Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.
1917 г. Первый ряд справа налево — И. Церетели, Н. Чхеидзе,
Г. Плеханов, М. Скобелев, Б. Богданов, Ю. Стеклов*

Демонстрация рабочих

А. Протопопов

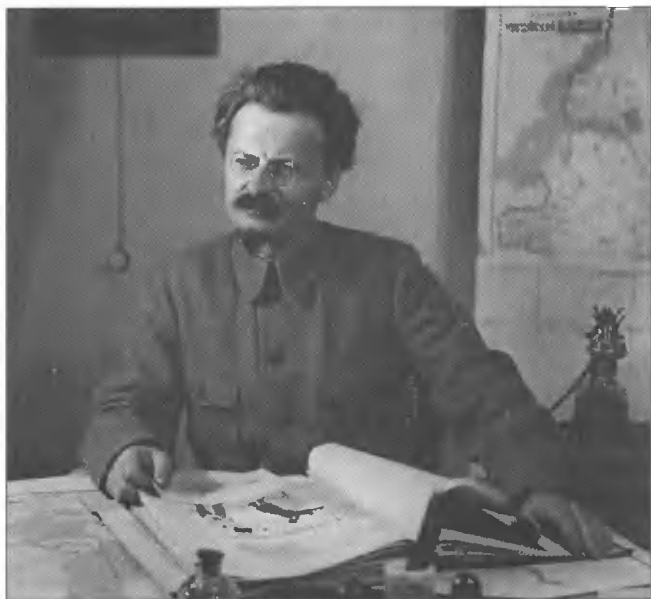
М. Родзянко

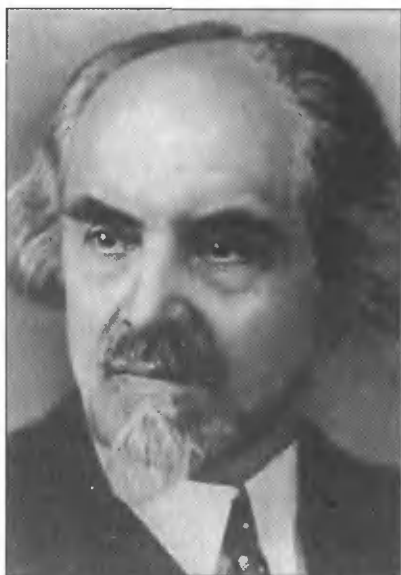
*Император Николай II и Александра Федоровна
у Иверской часовни в Москве*

П. Кропоткин

Л. Троцкий

Н. Бердяев

Похороны жертв революции 23 марта 1917 г. Петроград

Генерал А. Деникин

Революционные солдаты на одной из московских улиц

Демонстрация рабочих и солдат. Июль 1917 г. Петроград

*Афиша XIV выставки картин Союза русских художников.
1916—1917 гг.*

Поэт М. Волошин

В. Маяковский

Поэт Велимир Хлебников. Из альбома «Чукоккала»

Солдаты приветствуют генерала Корнилова

Свобода, равенство и братство! 1917 г. Неизвестный художник

*Знамя рабочих Сокольнического снарядного завода.
1917 г. Москва*

Н. Махно

*Имущество, конфискованное у кулаков,
сдается в колхоз. Худ. В. Каличев*

Сталин и руководители Советского государства

Шествие во время коллективизации

ТАЙНЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Р.К. Баландин

**МИФЫ РЕВОЛЮЦИИ
1917 ГОДА**

ТАЙНЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

ISBN 5-7833-0294-2

9 783302 940402

До сих пор остается загадкой, что же случилось в России в октябре и ноябре 1917 года. Действительно ли произошла революция, великая и социалистическая, или, как теперь говорят, — трагедия мирового масштаба? Нам, ныне живущим, необходимо в этом разобраться, считает писатель-историк Р.К. Балайдин, ведь все то, что произошло в 1917 году, влияет и на день сегодняшний, во многом определяя будущее нашей страны.

Данная книга открывает новую увлекательную серию издательства «Вече» — «Тайны советской эпохи».

